

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

С К А З А

S P E E C H

Р Е Ч Ь

МОСКВА, 2021

8

МАЙ – ИЮНЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2021

3

MAY - JUNE

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *М. М. Вознесенская. Большой Брат vs Старший Брат*
(об одной цитате из романа Дж. Оруэлла «1984»:
перевод и функционирование в русском языке)
- 19..... *Д. Г. Демидов, Юй Цзы-Лань. Как образовались имена*
без суффиксов типа призыв, разгар, отрыв?
О прямом и обратном словообразовании
- 31..... *А. В. Занадворова. Диабетичка vs идиотка.*
Феминитивы от названия человека по болезни:
особенности семантики и прагматики
- 47..... *Ю. В. Зверева. «Знать свои рямки»:* слова с корнем *рям-/рем-*
в русских говорах Пермского края
- 60..... *И Лицюнь. Метафорическое переосмысление модных слов*
(на материале русского и китайского языков)
- 67..... *А. С. Кулева, Л. Л. Шестакова. Просторечная лексика*
в динамике ее словарного описания
- 83..... *А. В. Петров, Е. В. Виноградова. Функционирование*
устойчивых сочетаний с компонентом *жар-птица*
в современном русском языке

Из истории русского языка

- 91..... *Р. И. Розина. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина*
- 104..... *Е. В. Учайкина. Приемный покой и приемное отделение.*
К истории номенклатурных единиц
- 114..... *И. П. Черноусова. Город в былинной картине мира*

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Maria M. Voznesenskaya*. A Quote *Big Brother* from the Novel “Nineteen Eighty-Four” by George Orwell: Translation and Functioning in Russian
- 19..... *Dmitry G. Demidov, Yu Tzu-Lan*. How Were Nonsuffixal Nouns Such as *Призыв, Разгар, Отрыв* Formed? A Discussion Focuses on Direct- and Back-Formation
- 31..... *Anna V. Zavadorova*. *Diabetichka* vs. *Idiotka*. Feminines Formed from the Names of Illnesses: Features of Semantics and Pragmatics
- 47..... *Yuliya V. Zvereva*. “Know Your Ryamki”: Words with the Root *Ryam-/Rem-* in the Russian Dialects of the Perm Region
- 60..... *Yi Liqun*. Metaphorical Reinterpretation of Trendy Words (On the Material of Russian and Chinese Languages)
- 67..... *Anna S. Kuleva, Larisa L. Shestakova*. Substandard Lexis in the Dynamics of Its Dictionary Description
- 83..... *Alexander V. Petrov, Ekaterina V. Vinogradova*. The Functioning of the Word-Combinations with the *Firebird* Component in Modern Russian

From the History of the Russian Language

- 91..... *Raisa I. Rozina*. The Giant of Propaganda, or Stalin’s Rhetoric
- 104..... *Elena V. Uchaikina*. *Priemnyi Pokoi* and *Priemnoe Otdelenie*. To the History of Nomenclature Units
- 114..... *Irina P. Chernousova*. A City in the Epic Tale Picture of the World

Большой Брат vs Старший Брат **(об одной цитате из романа** **Дж. Оруэлла «1984»:** **перевод и функционирование** **в русском языке)**

Мария Марковна Вознесенская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), voznnes-masha@yandex.com

DOI: 10.31857/S013161170015449-2

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются два варианта перевода английской цитаты *Big Brother* (имя руководителя вымышленного тоталитарного государства Океания) из романа Дж. Оруэлла «1984» — *Старший Брат* (пер. В. Гольшева) и *Большой Брат* (пер. Д. Иванова, В. Недошивина), анализируется их семантика и употребление в современном русском языке. Вариант *старший брат* представляет собой собственно перевод, это эквивалент английского выражения *big brother* в его исходном значении, имеющий тот же самый денотат. В русском языке *старший брат* имеет несколько переносных значений и в этих случаях является идиомой. В этих фразеологических значениях реализуется метафорическая модель семьи, высвечиваются разные семантические признаки ('старший возраст', 'забота', 'авторитет', 'значимость', 'родство'), связанные с областью источника метафоры — образом старшего брата. Вероятно, уже существующая многозначность идиомы *старший брат* помешала ей приобрести еще одно, интертекстуальное, значение, внутренняя форма которого отсылает к персонажу романа Оруэлла «1984». В качестве интертекстуальной единицы, обозначающей как 'тоталитарное государство, контролирующее своих граждан и следящее за ними', так

и сами ‘системы контроля и слежения’, в русском языке функционирует вариант *Большой Брат*, являющийся дословным переводом, калькой, английского выражения *Big Brother*. Вместе с тем современное употребление обоих выражений свидетельствует об их сближении, что может привести в будущем к формированию в русском языке двух синонимичных выражений с одинаковой структурой полисемии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цитата, интертекстуальная единица, идиома, многозначность, метафора семьи, роман Дж. Оруэлла «1984»

для цитирования: Вознесенская М. М. *Большой Брат vs Старший Брат* (об одной цитате из романа Дж. Оруэлла «1984»: перевод и функционирование в русском языке) // Русская речь. 2021. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170015449-2.

благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-012-00396.

Issues of Modern Russian Language

A Quote *Big Brother* from the Novel “Nineteen Eighty-Four” by George Orwell: Translation and Functioning in Russian

Maria M. Voznesenskaya, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), voznesh-masha@yandex.com

АБСТРАКТ: The article considers two translations of the English quote *Big Brother* (the name of the leader of the fictional totalitarian state of Oceania) from the Novel “Nineteen Eighty-Four” by George Orwell — *Starshii Brat* (trans. by V. Golyshev) and *Bol’shoi Brat* (trans. by D. Ivanov, V. Nedoshivin), their semantics and usage in modern Russian. *Starshii brat* is the equivalent of the

English expression *big brother* in its original meaning ('an older brother'), having the same denotatum. In Russian, *starshii brat* has several figurative meanings, and in these cases is an idiom. These phraseological meanings actualize the family metaphor. Different semantic features, such as 'elder age', 'care', 'authority', 'significance' and 'kinship', associated with the metaphor's source domain — the image of the older brother, become particularly significant. The existing polysemy of the idiom *starshii brat* might have prevented it from acquiring another, intertextual, meaning, the inner form of which refers to Orwell's character. As an intertextual unit, which denotes both 'a totalitarian state that controls its citizens and monitors them', and 'the control and surveillance systems themselves', the Russian language has a variant of *Bol'shoi Brat*, which is a loan-translation of the English expression *Big Brother*. At the same time, the modern use of both expressions indicates their convergence, which can lead to the formation of two synonymous Russian expressions with the same polysemy structure in future.

KEYWORDS: quote, intertextual unit, idiom, polysemy, the Family Metaphor, the Novel "Nineteen Eighty-Four" by George Orwell

FOR CITATION: Voznesenskaya M. A Quote *Big Brother* from the Novel "Nineteen Eighty-Four" by George Orwell: Translation and Functioning in Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170015449-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from the RFBR 19-012-00396.

Толчком к написанию этой статьи послужила работа над «Интертекстуальным тезаурусом современного русского языка» (авторы М. М. Вознесенская, Е. Я. Шмелева, О. В. Фокина), в частности, составление словарных статей интертекстуальных единиц — цитат из романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Многочисленные неологизмы, созданные Оруэллом для описания вымышленного тоталитарного государства Океания, стали крылатыми словами (catchphrases) как в английском, так и во многих других европейских языках, на которые был переведен роман [The Oxford Dictionary of Catchphrases 2002]. Русские переводы романа «1984», по понятным причинам, появились через сорок лет после первой публикации книги на английском языке в 1949 году: в 1989 году роман был издан в переводе В. Гольшева, в 1990 году — в переводе Д. Иванова

и В. Недошивина¹. Перевод Гольшева считается наиболее авторитетным, он выдержал более 64 изданий (по информации портала [Лаборатория фантастики]). В случае различия вариантов перевода у Гольшева и у Иванова и Недошивина цитаты из романа Оруэлла вошли в интертекстуальный тезаурус русского языка именно в переводе Гольшева. Это такие интертекстуальные единицы, как *новояз* (Newspeak), *двоемыслие* (Doublethink), *мыслепреступление* (Thoughtcrime; преступное мышление, преступмысль), *речекряк* (Duckspeak; уткоречь)². Приведем несколько примеров из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], иллюстрирующих функционирование указанных единиц в современном русском языке: *И хотя сам термин «кластер» ни в одном из трех конкурирующих ведомственных перечней не прописан, он в отличие от других изысков стратегического новояза прочно вошел в обиход прогрессивного чиновника* (К. Черемных. Путаница благих намерений // Однако. 2009); *Почему так привлекает Пелевина жаргон, будь то бандитская феня, молодежный сленг, терминологический воляпюк или новояз рекламы и PR?* (Пелевин: pro и contra // Интернет-альманах «Лебедь». 28.09.2003); *Наталья Никитична любила повторять слова Платонова: только сверху кажется — внизу масса, а внизу люди живут... Язык, на котором этот опыт проговаривался, язык его непосредственных носителей, был весьма далек от так называемого тоталитарного «новояза»* (М. Фетисов. Наталья Козлова: оптимизм памяти // Отечественные записки. 2003); *Во времена двоемыслия это было непростым делом: на конференциях говорили одно, на кухнях — другое* (В. Маркова. «Тяжелые раздумья о последствиях реформ»: вспоминая Егора Гайдара // Московский комсомолец. 18.03.2016); *Если мы выступаем за отмену 282-й статьи, статьи, карающей за мыслепреступление, если мы считаем, что за высказывание мнения, каким бы оно ни было бредовым, наказывать нельзя, — то мы должны признать, что и книги, любые книги, имеют право на существование* (В. Левенталь. Нет книги — нет проблемы // Известия. 15.08.2013); *Народные республики становятся прибежищем для многих преследуемых за «мыслепреступления» украинских активистов* (О. Бондаренко. Отношения с Украиной достигнут дна в 2019-м // Московский комсомолец. 19.06.2017); *Но хоть эти легкие и неуловимые для системы мысли и не шэрились стандартными приложениями, не существовало гарантии, что в системе нет особой секретной программы, незаметно считывающей все-все, ведя на Кешу подробное неумолимое досье. С этим риском приходилось*

¹ Перевод романа, выполненный писателями-эмигрантами Н. Витовым и Н. Андреевым и изданный в 1955 году, нами не рассматривается в силу его недоступности для русского читателя в те годы.

² Цитаты приводятся в переводе Гольшева, в скобках указывается английский первоисточник и через точку с запятой вариант перевода Иванова и Недошивина в случае расхождения с переводом Гольшева.

жить — и не одному Кеше, а всем, решавшимся на **мыслепреступление** (В. Пелевин. *Любовь к трем цукербринам*. 2014); *Вместо внятного объяснения государственной политики и государственных решений мы на каждый вопрос получаем набор речекряков, которые ничего не аргументируют, но попросту «забивают» сознание спрашивающего. А это значит, что и попытка хоть как-то понять и проанализировать такие высказывания обречена на провал: нельзя понять то, что не понимает сам говорящий. В итоге мы в недоумении замолкаем, а они продолжают делать то, что делали. <...> В конечном счете, всё это означает только одно: производство речекряков в российской политике встало на поток, и вскоре за Федоровым массово потянутся и другие его коллеги* (А. Шабуров. *Идейно крепкий речекряк: депутат Госдумы Евгений Федоров взорвал Рунет // ИА «Амител». 16.01.2013).*

И только в одном случае вариант перевода Иванова и Недошивина оказался предпочтительнее — речь идет о переводе прецедентного имени собственного *Big Brother*, которое Гольшев перевел как *Старший Брат*, а Иванов и Недошивин как *Большой Брат*. В русском языке именно последний вариант функционирует в качестве интертекстуальной единицы, отсылающей к роману Оруэлла «1984». Рассмотрим этот случай подробнее. В романе Оруэлла *Big Brother* — это имя одного из персонажей, руководителя тоталитарного государства Океания. В английском языке сочетание *big brother* имеет прямое значение ‘старший брат’ и переносное значение ‘мужчина, который служит для мальчика старшим товарищем и образцом для подражания’ [MWCD]. Видно, что переносное значение выражения основывается на профилировании определенных семантических признаков в первичном значении — это более старший возраст, опека и авторитет. Именно поэтому выбор Оруэллом уже существовавшего в английском языке многозначного выражения для конкретно-референтной номинации (имя собственное главы государства) был вполне оправданным и закономерным. Метафорическое переосмысление, лежащее в основе этой номинации, представляет собой частный случай метафоры родственных отношений, часто используемой при описании различных сфер, связанных с политикой и государством. После публикации романа Оруэлла «1984» у выражения *Big Brother* появляется третье значение, отсылающее к роману: прецедентное имя собственное метафорически переосмыслилось и стало обозначением либо ‘лидера авторитарного государства или движения’, либо ‘всемогущего правительства или организации, контролирующих и направляющих действия людей’ [MWCD].

Что же происходит в русском языке с двумя вариантами перевода выражения *Big Brother* — *Старшим Братом* и *Большим Братом*? Предложенный Гольшевым перевод *Старший Брат* семантически более корректен, переводчик нашел подходящий русский эквивалент, имеющий в исходном значении то же самое обозначаемое, денотат. Но в русском языке выражение

старший брат, помимо прямого значения, имеет несколько производных значений, основанных на актуализации различных семантических признаков, и в этом случае является идиомой [Баранов, Добровольский (ред.) 2018; Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 53–54]. Так, *старший брат* может употребляться для обозначения ‘кого-либо более старшего, опытного и заботливого, могущего служить примером благодаря своему авторитету’: *В значительной мере благодаря Екатерине Григорьевне в нашей колонии старшие ребята всегда любили пацанов, всегда относились к ним, как **старшие братья**: любовно, строго и заботливо* (А. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1. 1933); *Может быть, в первый раз он по-настоящему понял этого человека, который с недавнего времени стал для него как бы **старшим братом*** (В. Дудинцев. Не хлебом единым. 1956). Видно, что это значение «русского» *старшего брата* практически совпадает со вторым значением выражения *big brother* в английском языке.

Также идиома *старший брат* используется для обозначения ‘чего-либо — организации, сооружения, технического устройства и т. п. — созданного ранее другой организацией, сооружения, устройства и/или более совершенного, чем они, и в каком-то отношении связанного с ними’: *«АНТ-25-1» — **старший брат** самолета «АНТ-25», на котором летели тт. Чкалов, Байдуков и Беляков, — попал к нам на аэродром для заводских испытаний в 1933 году. Шеф-пилот ЦАГИ Михаил Михайлович Громов был первым, поднявшим эту машину в воздух* (Б. Гроздов. Люди и самолет // Вечерняя Москва. 1937); *Это была большая и мощная организация, она объединяла 20 экспедиций, три из которых занимались аэрофотосъемкой местности, а одна — изучением вечной мерзлоты. Исследования БАМпроекта создали основу для строительства двух участков магистрали: Тайшет — Лена и Комсомольск — Советская Гавань, а также веток, связывающих БАМ с его **старшим братом**, Транссибом: БАМ — Тында и Известковая — Ургал* (А. Харьковский. От Байкала до Амура // Техника — молодежи. 1977). В этом значении у выражения *старший брат* высвечиваются признаки ‘возраст’, ‘значимость, превосходство’, ‘родство’, ‘преемственность’.

Следующие два значения рассматриваемой идиомы используются преимущественно в политическом дискурсе. Одно относится к языку советской эпохи и имеет конкретно-референтное употребление, обозначая ‘Советский Союз по отношению к республикам СССР и другим социалистическим странам или Россию по отношению к бывшим республикам СССР, а также русский народ по отношению к другим народам этих республик и стран’: *В российских СМИ принято рассуждать об украинских политических процессах в залоге, что на Украине происходит все точно так же, как и в России, только с задержкой в несколько лет. В этих словах явно слышится риторика «**старшего брата**» и намек на некую отсталость Украины. Мол, и у нас у власти были проамериканские марионетки, и у нас*

олигархи владели страной (С. Уралов. Бегство от реальности. Наперегонки // Однако. 2009); В 1990-е годы ряды атлантистов пополнялись за счет присоединения к ЕС стран Восточной Европы, полных ненависти и мстительности к вчерашнему **«старшему брату»** (А. Дугин. Признак Шарлеманя // Однако. 2009); Конечно, самый многочисленный и самый мощный русский народ занимает в Советском Союзе весьма видное место. Его и сегодня называют в печати **«старшим братом»**; русский язык и русская культура быстро распространяются по всей территории СССР (Рой Медведев. Что нас ждет впереди? (О «Письме» А. И. Солженицына). 1974).

В другом значении фразеологизм *старший брат* употребляется, когда мы говорим о 'более значимом субъекте, как правило, политическом — политике, организации, партии, стране и т. п.': Например, нам интересно знать, как у вас прошла Международная детская неделя, как вы провели вместе со **старшим братом** Комсомолом Международный юношеский день. <...> Да здравствует наш **старший брат** Комсомол! (Открытое письмо 1-му отряду юных ленинцев г. Москвы // Юные строители. 1924); Израиль должен не действовать в одностороннем порядке, а находить партнеров среди элит арабского мира; ему следует отказаться от стилистики **«старшего брата»** в общении с арабами и найти симпатии в арабском мире (Израиль ушел из Газы. Ждать ли мира? // Известия. 26.09.2005); Семипартийная оппозиция горного королевства Непал, по призыву которой две недели страна охвачена массовыми протестами, призывает к **«старшему брату»** — демократической Индии (Непальская оппозиция призывает к Индии, маоисты оглядываются на Пекин // РИА Новости. 20.04.2006); Однако тогда Анкара не смогла стать **«старшим братом»** среднеазиатских республик во многом из-за того, что Турция не занималась инвестированием в экономику тех или иных стран (Д. Жуйков, В. Ядуха. Турция для тюрков // РБК Daily. 25.07.2007); Вопрос, естественно, риторический, ибо США давно и с успехом позиционирует себя если не как всемирного родителя, то уж как **старшего брата** однозначно (А. Каледина. Американцы наживаются на нашей коррупции // Комсомольская правда. 02.04.2010). В основе этого значения, как и предыдущего, лежит представление о старшем брате как о человеке, который в силу своего опыта и авторитета обладает значимостью и влиянием, позволяющим ему руководить своими младшими родственниками того же поколения. Все рассмотренные значения идиомы *старший брат* являются реализацией метафоры родственных отношений, чрезвычайно широко представленной в русском языке, в частности, в политическом дискурсе, ср. *семья народов, братская семья советских республик, отец народов, отец родной, отцы народа, дедушка Ленин, внучата Ильича, родина мать, отчизна, отечество*³.

³ Подробнее о метафорической модели родственных отношений см. в [Баранов 2014: 335–350].

В ряде контекстов *старшими братьями* называют ‘людей по отношению к животным’: *Но если «гомо сапиенс» в облике божжа всегда может встать на путь исправления и совершенства, то лохматой псине остается надеяться лишь на благосклонность своего «старшего брата», ибо только он приручил ее когда-то, приблизил к своему жилищу и назвал верным другом...* (Ю. Козлов. Облава на бездомных Тузиков // Встреча (Дубна). 07.05.2003). Представляется, что подобные употребления являются игровой трансформацией фразеологизма *братья наши меньшие* и пока не могут рассматриваться как отдельное значение идиомы *старший брат*.

Таким образом, выражение *старший брат*, предложенное Гольшевым в качестве перевода английского *big brother*, имело развитую структуру полисемии, сформировавшуюся задолго до публикации романа Оруэлла на русском языке. Представляется, что именно эта «семантическая нагруженность» помешала появлению у идиомы еще одного, «интертекстуального», значения, отсылающего к роману «1984». Конечно, одного этого «семантического» фактора было бы недостаточно, и, если бы существовал только перевод Гольшева, *Старший Брат* в значении ‘полицейское государство’ встроился бы в семантическую структуру существующего выражения, как это произошло в английском языке. Но почти одновременно с переводом Гольшева роман «1984» был переведен Ивановым и Недошивиным, которые для обозначения *Big Brother* использовали неологизм *Большой Брат*, полученный в результате калькирования. Скорее всего благодаря своему «новому» облику и однозначной связи с романом Оруэлла именно этот вариант закрепился в русском языке в качестве интертекстуальной единицы⁴. Степень освоения русским языком указанного варианта показывает и то, что выражение

⁴ Заметим, что сочетание *большой брат*, воспринимаемое как «новое» современным носителем русского языка, не являлось таковым в предыдущие этапы развития русского языка. Так, оно встречается в текстах XVII века, обозначая ‘старшего брата’ в исходном значении: *А будет **большой брат** ту вотчину кому продаст или заложит, с меньшими братьями не поговоря, хотя быти один корыстен, а не для платежу отцова долгу, а братия у него в те поры будут малы, а как они будут в возрасте, и они о той отцовской вотчине на того своего **большого брата** и на купца, кто у него ту отца их вотчину купит, или в заклад возьмет, учнут государю бити челом, в указныя в сорок лет, и с суда про то сыщется допряма, что тот их брат ту их вотчину продад, без их ведома, для своего пожитку, а не для платежу отцова долгу и тоя вотчины их жеребы взяв у того, кому та их вотчина будет продана, или заложена, отдать им, а на **большом** их **брате** велеть за те вотчинныя жеребы по купчей, или по закладной тому, кому те вотчинныя жеребы проданы, или заложены, доправить деньги сполна, а **большаго** их **брата** вотчинному жеребы быти в продаже попрежнему* (Соборное уложение 1649 года). В этом же значении выражение часто употребляется в фольклорных произведениях — былинах и сказках: *Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю; нагоняют его **старшие братья**, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море; а после кинули промеж себя жребий и поделились так: **большой брат** взял царевну, а середний — корабль с серебром и золотом* (А. Н. Афанасьев. Соль).

большой брат уже зафиксировано во фразеологических словарях [Баранов, Добровольский (ред.) 2018; Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 53].

Идиома *большой брат* в русском языке обозначает как 'институты государства, выполняющие полицейские функции', так и 'электронные, видео- и т. п. системы слежения за людьми, а также любые новые технологии, которые могут быть использованы в этой функции': *Рассказать, что баланс между гражданами и правительством бесповоротно нарушен. Что **Большой брат** больше не оставит нас в покое. Что в нынешнем мире антиутопии существуют правители, мечтающие о власти над снами, и управляемое «спящее» население. И поэтому сегодня, еще в большей степени, чем раньше, свобода равна персональным данным* (Л. Малюкова. Просто Эд // Новая газета. 09.07.2015); *С его левыми взглядами и технологическими возможностями США просто нельзя было не лезть во все сферы жизни граждан, нельзя было не наращивать мускулы **Большого Брата**, нельзя было не гоняться за каждым, кто слил в прессу данные об этом самом Брате* (Д. Дробницкий. В тюрьму с чистой совестью // Известия. 22.08.2013); *Именно ФСБ простые граждане воспринимают как эдакого «**Большого брата**», которому есть дело до всего и всех* (А. Литовцев. Большое ухо // Труд-7. 19.07.2006); *«Платон» обещает быть не просто платежным инструментом, но и **Большим Братом** — системой слежения за водителями, превращая дорогу в офис, где в туалет не сходишь без магнитной карты* (Большой брат Платон // lenta.ru. 30.11.2015.); *Местных тюремных стражей обязали на дежурства надевать на лацкан кармана мобильный видеорегиистратор, после чего включить режим записи. Чтобы ушлые тюремщики не прятались от «**большого брата**», оперативный дежурный при выдаче гаджета обязан опломбировать его* (И. Петров. ФСИН оснастит тюремщиков видеорегиистраторами, крепящимися к форме // РБК Дейли. 17.10.2013); *Однако не может не вызывать опасений и создание единой базы данных — эдакого «**большого брата**», который о нас будет знать все* (А. Баязитова. ФНС создает электронного инспектора // Известия. 16.01.2012). Как мы видим, во всех этих употреблениях выражение представляет собой интертекстуальную единицу, внутренняя форма которой основывается на переосмыслении прецедентного имени персонажа романа Оруэлла «1984» *Большой Брат*.

Вместе с тем в [Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 53] у идиомы *большой брат* выделяется еще одно значение, внутренняя форма которого отсылает не к роману Оруэлла, а к образу семьи, родственных отношений: *большой брат* в этом значении обозначает 'более значимого субъекта (как правило, политического — политика, партию, страну и т. п.)': *Преобладание доли КНР в капитале банка с большой вероятностью определит доминирование Китая в исполнительных органах нового финансового института. Тем не менее Цзинь Ликан, ответственный за создание банка,*

заявил, что Китай не собирается выступать в проекте в роли **«большого брата»** (Повестка дня // Эксперт. 2015); Канал ТНТ тоже решил не отставать от своих **больших братьев** и с 4 июня запускает новый проект: программа **«Сегоднячко»** и набранные ею добровольцы отправятся «в деревню, к тетке, в глушь» на поиски чудовища (А. Ковалева. Чудовище ждать не будет. «Сегоднячко» запускает свое реальное шоу на ТНТ // Известия. 17.05.2002); Решения принимались в срочном порядке. Оно и понятно, уже в понедельник на заседании стран ЕС Греция должна предстать смиренной и готовой выполнить все требования **больших братьев** (Н. Бероева. Греция на все согласна // Комсомольская правда. 04.11.2011). Это значение идиомы **большой брат** идентично одному из значений выражения **старший брат**, рассмотренному выше.

Этим процесс сближения двух обсуждаемых выражений не исчерпывается: в современном употреблении встречаются контексты, в которых **большой брат** выступает и в других значениях **старшего брата**, обозначая и Советский Союз или Россию, и технические устройства, и даже старшего брата в прямом значении: *В результате возникла реальная угроза смены власти. И это обеспокоило правительства других стран соцлагеря: Польши, Восточной Германии и, разумеется, «Большого брата» — СССР* (Г. Коган. Конец либерманизма // lenta.ru. 14.02.2015); *Кому закон о двойном гражданстве открывает дорогу, так это влиянию России, в отношении которой киргизы не испытывают опасений. В глазах подавляющего большинства населения и элиты этой страны Россия остается «большим братом», к которому не зазорно обратиться за помощью* (Москва — в планах Центральной Азии // РИА Новости, 30.08.2007); *В пляжном футболе в отличие от большого брата перерывы короткие, всего три минуты* (Пляжное настроение // lenta.ru. 10.07.2015); *Возможно, вы фанат BlackBerry и планировали купить в компанию к своему смартфону «большого брата». Одумайтесь! Лучше сожгите \$ 650, которые за него просят* (С. Духанов. Что если не iPad? // Известия. 22.09.2011); *Пока его большой брат Квентин бездельничал, добирал идеологии и малодушно тянул со следующим фильмом, Родригес сходил туда и обратно, вернулся живой* (М. Вейдер. Чистые глазенки. 10 причин посмотреть «Детей шпионов-2» // Известия. 15.12.2002).

В свою очередь **старший брат** «присваивает» интертекстуальные значения **большого брата**. **Старшим Братом** иногда называются как 'тоталитарное государство, контролирующее своих граждан и следящее за ними', так и сами 'системы контроля и слежения': *А вас не смущает такое вторжение в личную жизнь? — спрашивают прохожего. — Что вы, я очень доволен. Если я просвечен Старшим братом на телескрине — значит здесь самое безопасное место для меня* (В. Лебедев. Предчувствие третьей мировой // Пятое измерение. 2002); *Но, к сожалению, пока вынужден отметить: установка визуальной техники в общественных местах идет очень*

медленно и вяло. Стоит добавить, что, не в пример нам, сегодня во всех развитых странах успешно действует система глобальной слежки, именуемая **Старшим братом**. Внедряется она для борьбы с преступностью. В мегаполисах, к примеру, **Старший брат** следит за правопорядком в детских садах, школах, метро, на городских улицах (Ю. Шитова. Владельцев увеселительных заведений призывают установить скрытые камеры // Комсомольская правда. 22.10.2008).

Станут ли *старший брат* и *большой брат* «братьями-близнецами», т. е. превратятся ли они в полные синонимы с идентичной структурой полисемии, покажет время⁵. И в заключение вернемся к началу — к составлению словаря «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка». Представляется, что на сегодняшний день словарным входом интертекстуальной единицы — цитаты из романа Дж. Оруэлла «1984» должен быть вариант *Большой Брат*. В зоне «Источник» помимо автора и названия романа необходимо привести оригинал цитаты на английском языке (*Big Brother*) и указать авторов перевода на русский (Д. Иванов и В. Недошивин). А в зоне «Примечания» поместить вариант *Старший Брат* с указанием переводчика (В. Гольшев) и привести информацию, представляющую собой краткое изложение настоящей статьи.

Источники

Лаборатория фантастики [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/work9632>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Оруэлл Джордж. 1984. В переводе профессора Н. Е. Андреева (Кембридж) и Н. С. Витова (Монтерей) // Грани. 1955. № 27–28. С. 3–67. 1956. № 30. С. 3–78. 1955. № 31. С. 3–49. Франкфурт-на-Майне.

Оруэлл Джордж. 1984; пер. с англ. В. Гольшева. Москва: Прогресс, 1989.

Оруэлл Джордж. 1984; пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина // Оруэлл Джордж. В двух томах. Том I. Пермь: КАПИК, 1992. 304 с.

Оруэлл Джордж. 1984 (новый перевод); пер. с англ. Л. Бершидского. Москва: Альпина Паблишер, 2021. 352 с.

Оруэлл Джордж. 1984; пер. с англ. Д. Шепелева. Москва: Эксмо, 2021. 352 с.

George Orwell. *Nineteen Eighty-Four*. London, Secker & Warburg, 1949.

⁵ К моменту завершения работы над статьей в России были изданы два новых перевода романа Дж. Оруэлла «1984», которые существенно отличаются от предшествующих переводов, в частности, в плане перевода авторских неологизмов. Но в отношении *Big Brother* наблюдается «стабильность» — *Старший Брат* (перевод Л. Бершидского) и *Большой Брат* (перевод Д. Шепелева).

Литература

- Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты. Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2018. 888 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Академический словарь русской фразеологии. Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2020. 896 с.
- MWCD – Merriam-Webster's Collegiate Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/big%20brother>
- The Oxford dictionary of catchphrases*. Compiled by Anna Farkas. Oxford University Press, 2002, 357 p.

References

- Baranov A. N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2014. 632 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). *Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty* [Thesaurus of Russian idioms: semantic groups and contexts]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, LEKSRUS Publ., 2018. 888 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, LEKSRUS Publ., 2020. 896 p.
- MWCD – *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/big%20brother>
- The Oxford dictionary of catchphrases*. Compiled by Anna Farkas. Oxford University Press, 2002, 357 p.

Как образовались имена без суффиксов типа *призыв*, *разгар*, *отрыв*? О прямом и обратном словообразовании

Дмитрий Григорьевич Демидов¹, Юй Цзы-Лань², Государственный университет Чжэнчжи (Тайвань, Тайбэй), demidoffs@rambler.ru¹, tzulanyu@gmail.com²

DOI: 10.31857/S013161170015450-4

АННОТАЦИЯ: Имен существительных с приставками, но без суффиксов в русском языке около двух процентов. В первых памятниках письменности многие из них были книжными кальками с греческого. С течением времени способы их образования и сферы употребления расширялись. В последние годы растет их число в разговорной речи. Прямое словообразование типа *бег* > *забег*, *блеск* > *отблеск*, *свет* > *отсвет*, *внук* > *правнук* не нарушает критерия Винокура, по которому производное сложнее производящего. Оно может стимулироваться калькированием иноязычных слов. В статье предлагается объяснять случаи нарушения этого критерия не нулевой суффиксацией, а обратным словообразованием, по Джеймсу Мюррею, Н. М. Шанскому и Г. А. Николаеву: *призывать* > *призыв*, *спасть* > *спад*, *обмануть* > *обман*, *вгибать* > *вгиб*, *вводить* > *ввод*, *отрывать* > *отрыв*. Такие производные имена появляются всегда позже своих производящих глаголов. Обратное словообразование развивается на основе переосмысления мотивационных связей и формирования обратной словообразовательной соотнесенности, которая складывается в условиях повышения роли глагольного предикативного центра предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: производящее, производное, мотивация, обратное словообразование, относительная хронология, нулевой суффикс

для цитирования: Демидов Д. Г., Юй Цзы-Лань. Как образовались имена без суффиксов типа *призыв*, *разгар*, *отрыв*? О прямом и обратном словообразовании // Русская речь. 2021. № 3. С. 19–30. DOI: 10.31857/S013161170015450-4.

Issues of Modern Russian Language

How Were Nonsuffixal Nouns Such as *Призыв*, *Разгар*, *Отрыв* Formed? A Discussion Focuses on Direct- and Back-Formation

Dmitry G. Demidov¹, Yu Tzu-Lan², National Chengchi University (Taiwan, Taipei),
demidoffs@rambler.ru¹, tzulanyu@gmail.com²

ABSTRACT: In Russian language, the prefixal nonsuffixal nouns account for roughly two percent. In the ancient texts, many of the nouns were calques from Greek. Over time, the methods of their formation and the scope of their use have expanded. Recently, the use of this kind of words in the colloquial speech has grown. Words, which were created through forward-formation, such as *бег* > *забег*, *блеск* > *отблеск*, *свет* > *ответ*, *внук* > *правнук*, match Vinokur's criterion, according to which, the derivatum is more complex than the generating word. It can be stimulated by calques of the foreign words. We suggest explaining cases of the violation of this criterion not by zero suffixation, but by back-formation, according to James Murray, N. Shanskiy and G. Nikolayev, for example, *призывать* > *призыв*, *спасть* > *спад*, *обмануть* > *обман*, *взгибать* > *взгиб*, *вводить* > *ввод*, *отрывать* > *отрыв*. These derivative nouns always appear later than their generating verbs. Back-formation develops as a result of redefining derivational connections and creating back-formational interrelationship, which occurs due to the enhanced relevance of the verbal predicative center of a sentence.

KEYWORDS: generating word, derivatum, motivation, back-formation, relative chronology, zero suffixes

FOR CITATION: Demidov D. G., Yu Tzu-Lan. How Were Nonsuffixal Nouns Such as *Призыв, Разгар, Отрыв* Formed? A Discussion Focuses on Direct- and Back-Formation. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 19–30. DOI: 10.31857/S013161170015450-4.

Нетрудно заметить, что названные в заглавии имена существительные (*призыв, разгар, отрыв*) имеют одну характерную особенность своего морфемного состава: все они содержат приставку, корень и нулевое окончание. Их объединяет отсутствие суффикса. В т. наз. Малом академическом словаре [Евгеньева (ред.) 1999] таких слов оказалось 1,8 %, всего более 1400¹. Это очень яркие, образные, порой даже символически насыщенные слова, предпочитаемые и в профессиональных языках (*взвод, запал, отбой, погон* у военных, *отжим, подкат, преднос* у спортсменов, *зажим, ожог, порез, разрез* у врачей), и в обыденной речи, и в поэзии и прозе, особенно Серебряного века (*промельк* у И. Северянина и др., *домёк, смёк* у А. Белого). Обилие таких слов в канцелярской речи даже вызывает пародии. Так, А. Кнышев составил большое «Объявление» о *запретах*: «Розжиг костров, выгул собак, отлов рыбы и отстрел дичи, выпас и выгон скота... с этого дня запрещен и прекращен...» [цит. по: Зубова, Меньшикова 2014: 202]. В последние годы такие существительные все больше становятся носителями остроумных и злободневных метафор в разговорной речи: *вброс, наезд, облом, распил, слив* и т. п. [Дементьев 2020].

В [Евгеньева (ред.) 1999] из всех существительных с приставками, но без суффиксов к мужскому роду относится 77 %, хотя есть и слова женского рода *опора, заводь* и под., и слова общего рода *недотёпа, недотрога, обжора, привереда, пройда* (то же, что *пройдоха* с суффиксом *-ох-*), *растяпа*². Многие из них появились еще до начала письменности у славян или образованы в древнерусский период, т. е. в XI–XIV вв. (*въходъ, законъ, завьтъ* и др.).

В течение длительной истории продуктивность разных моделей образования таких слов претерпела сильные изменения. По модели

¹ Подсчеты и анализ материалов выполнены в диссертации [Юй 2020].

² По среднему роду существительные с приставками без суффиксов не оформляются, вероятно, потому, что перед окончанием обязателен второй элемент конфикса, как в слове *приморье* (*при-...-(ь)j-*), а слова, которые соотносятся с глаголами, также образуются от них очень древним и продуктивным суффиксальным способом: *прибыть > прибытие, написать > написание*.

«бесприставочное бессуффиксальное существительное > приставочное бессуффиксальное существительное» ныне образуются лишь единичные производные: *бег* > *забег*; на первое место по продуктивности вышли словообразовательные отношения типа «приставочный глагол > приставочное бессуффиксальное существительное», как в случае *призывать* > *призыв*. Это связано с выходом глагола в центр как синтаксической, так и словообразовательной системы. По мысли А. А. Потебни, древний глагол был лишь признаком имени, нынешний глагол стал главным управляющим членом предложения и мотивирующим дальнейшее словопроизводство словом. Так, в древнерусском происходит согласование сказуемого с подлежащим по им. падежу: *Иоаннъ Грозный бяше царь*. В наше время глагольная связка управляет именной частью составного именного сказуемого в тв. падеже: *Иван Грозный был царем*. Словообразовательная цепочка *царь* > *царство* ‘государство, управляемое царем’ > *царствовать* > *царствование* порождает синонимическое сближение суффиксальных существительных *царство* и *царствование*, в результате чего у первого слова также развивается процессуальное значение. На основе этой синонимии возникла обратная соотносительность: *царство* ‘правление царя, время правления’ — *царствовать*. Обратная соотносительность выступает условием появления обратного словообразования [Николаев 2011]. Оно реализуется в отглагольных производных вроде *призывать* > *призыв*.

Способы словообразования невозможно определить без учета развития языка во времени. Современное поколение говорящих по-русски лишь пользуется самыми разными результатами прежних словообразовательных процессов. В исконной лексике производящее слово появляется раньше производного.

Однако между родственными словами могут возникать вторичные мотивационные отношения. Например, производящими для слов *отблеск*, *отсвет* являются существительные *блеск* и *свет*; производные от них глаголы *отблескивать*, *отсвечивать* могут вступать со своими производящими именами в отношения вторичной мотивации, или обратной соотносительности³. *Отблеск* и *отсвет* понимаются уже не только как отраженный свет, но и как имена действия — **отблескивание* (ни в словарях, ни в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) этого

³ Э. А. Балалыкина и Г. А. Николаев показывают, как изменяется словообразовательная цепочка при историческом развитии. Например, исконной словообразовательной цепочкой должна быть *пьяный* > *пьянство* > *пьянствовать*, но мотивационная связь между словами *пьяный* и *пьянство* ‘опьянение’ уже утрачена, она заменяется новой связью *пьянствовать* > *пьянство* ‘неумеренное потребление спиртных напитков’, поэтому между словами *пьянствовать* и *пьянство* возникла обратная соотносительность (вторичная мотивация) [Балалыкина, Николаев 1985: 45–46].

потенциального слова нет), *отсвечивание*, отличающиеся от своих более простых по составу синонимов двумя сложными суффиксами *-ива-* и *-ниј-*. В Малом академическом словаре толкование слова *отсвет* дается через его производящее *свет*: «Отраженный свет чего-л. или блик на поверхности чего-л.; отблеск» [Евгеньева (ред.) 1999]. Так же, правда без опоры на производящее *блеск*, толкуется и слово *отблеск*: «Отраженный свет, световое пятно на поверхности чего-л.; отсвет» [Евгеньева (ред.) 1999]. В НКРЯ первые употребления слов *отсвет* и *отблеск* в точности соответствуют приведенным толкованиям: «Это называется блик, — подумал герой наш, — особенно же сохраняется это название в мастерских художников; в других же местах этот *отсвет* называется светлым ребром» (Ф. М. Достоевский. Двойник. 1846); «Народ толпился в освещенном саду: слабый *отблеск* огней петергофских!» (А. И. Тургенев. Хроника русского. 1825–1826). В этих контекстах невозможны замены на *отсвечивание* и **отблескивание*. У Достоевского речь идет о следе от света, изображаемом на холсте. А. И. Тургенев образно говорит, что за границей сады освещают не так ярко, как в Петергофе. Со временем появляется все больше контекстов, в которых лучше представлено процессуальное значение: «Сквозь дремоту он слышал, как приходил сторож Павел, обивал от снега лапти, крикал с мороза, сморкался и гремел ведрами; видел сквозь полузакрытые веки, что в комнате разливается *отсвет* заката, и чувствовал, что от холода стынут ноги и кончик носа...» (И. А. Бунин. Учитель. 1894); «Обманчивый *отблеск*, между перелесками, заманивал нас то вправо, то влево...» (А. А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье. 1831). Здесь замена на отглагольные слова *отсвечивание* и **отблескивание* вполне допустима.

Суффиксальные производные отвечают так называемому «критерию Винокура»⁴. Скажем, направление словопроизводства легко устанавливается для случаев типа *«решит-ь, реш-у > реш-ениј-е»*, когда в производном слове появляется дополнительное средство образования — суффикс *-ениј-*. Для бессуффиксальных имен приходится искать производящие без приставок: *внук > правнук, блеск > отблеск*.

Производящие обычно появляются раньше своих производных. Так, слово *отблеск*, по данным НКРЯ, раньше других стал употреблять брат декабриста Н. И. Тургенева Александр Иванович Тургенев в 1826 г. и сразу в переносном значении. Один пример см. выше. Второй пример:

⁴ Согласно Г. О. Винокуру, в основе производных слов имеются «морфемы двух типов: 1) основы непроизводные, первичные и 2) аффиксы, присоединение которых к первичным основам превращает их в основы производные» [Винокур 1959: 419]. Таким образом, морфемная структура производных должна быть сложнее их производящих. Словообразование, по Г. О. Винокуру, изучает последовательное «присоединение морфем» [Винокур 1959: 441].

«Мир праху твоему, друг милый, блаженная тень, которую и в этом мире видел я только в *отблеске* ее добродетелей и нежной ко мне дружбы...» (А. И. Тургенев. Дневники. 1825–1826). Метафоричность первого употребления делает вероятным калькированный характер новообразования (ср. фр. *re-flet*, нем. *Ab-glanz* или англ. *re-flection*). В 1828 г. это слово было использовано в своем прямом значении ‘отражение света’, по всей видимости, независимо от дневниковой записи А. И. Тургенева. Сущ. *блеск* (др.-р. *бльскѣ*) фиксируется на письме с 1296 г. [Аванесов (гл. ред.) 1988: 239], намного раньше; по структуре оно проще слова *отблеск*. Таким образом, слово *отблеск* произведено от слова *блеск*. Факт калькирования в современном русском литературном языке служит внешним стимулом словопроизводства и не умаляет роли русского производящего, давно и прочно утвердившегося на письме.

Критерий Винокура иногда нарушается. Например, в случаях *зонт* < *зонтик* (пример Н. М. Шанского [Шанский 2005: 291–292])⁵, *взрез* < *взрезать*⁶. Производящие слова, появившиеся ранее своих производных и мотивирующие их по значению, оказываются по составу сложнее своих производных, следовательно, «критерий Винокура» не выполняется. Но существуют ли условия, при которых это нарушение становится возможным? Если ограничивать морфологические способы словообразования исключительно **прямым** его направлением, то нарушение остается недопустимым. Однако многие существительные становятся мотивированными родственными приставочными глаголами. Возникает вторичная мотивация, а на ее основе — образование более простых по составу существительных от более сложных по составу глаголов. Имитируется

⁵ Н. М. Шанский показывает первоначальное членение слова *зон-тик* в голландском языке-источнике: *zonne-dek*, буквально ‘от солнца навес’. По аналогии с русским членением типа *дом-ик* в русском языке произошло переразложение *зон-тик* > *зонт-ик*, в результате чего обратным способом образовано новое слово *зонт*.

⁶ В современных школах такую словообразовательную цепочку объясняют путем введения понятия нулевого суффикса. Однако, по словам И. Г. Добродомова и А. М. Камчатнова, такое введение не оправдано. Во-первых, в праславянском языке слова (например, *прилет-ѣ* и *плод-ѣ*) имеют, за вычетом приставки, один и тот же морфемный состав; но в современном русском языке слову *прилет* приписывается нулевой суффикс, а в слове *плод* суффикса не находят. Во-вторых, ученые считают, что нельзя смешивать понятие словоизменения (по парадигме) и словообразования (по модели). При образовании нового слова возникает последовательная формальная и семантическая связь от производящего к производному. В словоизменении связь между сосуществующими словоформами параллельная: они образуются не одна *от* другой, а *по образцу* морфологической парадигмы от одной и той же основы. В-третьих, слова *ходить* и *ход* связаны друг с другом, именно потому что у них есть одинаковый корень *-ход-*, но это автоматически не означает, что между ними существует словообразовательное отношение от глагола к имени [Добродомов, Камчатнов, 2014: 17–20].

ставшее обычным словообразование от глагола к имени существительному, но в порядке, обратном тому, при котором производное наращивается новой морфемой. В этом случае речь должна идти о каком-то особом способе словообразования. Н. М. Шанский назвал его в русском языкознании **обратным** [Шанский 2005: 291].

Впервые же явление обратного словообразования было замечено английским лингвистом Джеймсом Мюрреем (James Murray)⁷. Связано это с тем, что аналитический по своему строю английский язык утратил некоторые морфологически выраженные категории, например, категорию рода. Обычно суффиксальное образование имен в индоевропейских языках распределяется по двум или трем родам существительных. Если рода нет, то ослабляется морфологическая категориальная причина, по которой образование существительного должно быть преимущественно прямым и суффиксальным. Во многих формах глагола (например, в инфинитиве) морфологические признаки вообще не выражены. В этих условиях обратное словообразование обнаруживается в английском легче, чем в русском.

Идею обратного образования развивает Г. А. Николаев, мы предлагаем еще более расширить применение этого понятия для русского языка.

Согласно Н. М. Шанскому, обратное словообразование представляет собой особый вид морфологического словопроизводства, «посредством которого новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего» [Шанский 2005: 291]. Основанием для этого, по мнению Г. А. Николаева, выступает обратная соотнесенность, которая «...представляет собой такой тип словообразовательной соотнесенности, при которой не производящее мотивирует значение производного (обычный тип коррелятивной связи), а, наоборот, **производное слово является мотивирующим по отношению к производящему**» [Николаев 2011: 44].

Согласно устоявшемуся пониманию, в производных словах содержится основа производящих, поэтому производное должно быть более сложным по структуре. Однако, как показано выше, в случае обратного словообразования новое производное создано, как «производящее», поэтому производное оказывается **более простым** по структуре.

Первотолчком обратного словообразования является создание «ложного» словообразовательного отношения между двумя словами на базе

⁷ В английском языке обратное словообразование известно в виде *back-formation*. Джеймс Мюррей впервые употребил данный термин в объяснении слова *burgle*: «Late 19th century originally a humorous and colloquial **back-formation** (выделено нами. — Д. Д. и Ю. Ц.) from *burglar*» — пер.: «*burgle* ‘взламывать’ — в конце XIX вв. изначально юмористическое и разговорное обратное образование от слова *burglar* ‘взломщик’» (URL: www.Lexico.com (дата обращения: 12.08.2020)).

существующей словообразовательной соотнесенности. Например, заимствованное из голландского в русский язык слово *зон-тик* появилось раньше, чем *зонт*. По аналогии с уже существующей словообразовательной соотнесенностью *дом* > *дом-ик*, в процессе производства для пересмысленного слова *зонт-ик* в живой речи было создано «производящее» *зонт*, которое в действительности стало производным. В результате сформировался такой словообразовательный квадрат:

дом : *домик*

| |

зонт : *зонтик* [Шанский 2005: 291].

Понятие обратного словообразования очень полезно расширить для объяснения множества случаев образования приставочных имен существительных без суффиксов. Приставки могут содержаться уже в производящих глаголах, поэтому, в случае отсутствия суффиксов в производных словах, образование существительных с приставками может быть объяснено путем обратного словообразования от приставочных глаголов. Случаи обратного словообразования должны быть подтверждены хронологически, т. е. если для приставочных существительных без суффиксов в русской письменности есть соотносимые с ними глаголы, которые не только появились раньше, но и по составу оказываются более сложными, а по семантике — мотивирующими, то целесообразно эти приставочные имена относить к сфере обратного словообразования.

Слово *занос*, по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», известно с 1670 г. и обозначает ‘действие по глаг. *заносити*’ [Бархударов (гл. ред.): 252]. Глагол *заносити* появляется раньше — в «Назирателе», памятнике XVI в. [Бархударов (гл. ред.): 252], значит, и по определению лексического значения, и по относительной хронологии, словообразовательное отношение будет таким: *занос* < *заносити*.

По данным НКРЯ, слово *разгар* известно с самого начала XIX в.: «Банк во всем *разгаре*: проигрывают и выигрывают невероятные суммы» (С. П. Жихарев. Записки современника. 1806–1809). Соответствующий глагол *разгарати(ся)* встречается уже в «Изборнике Святослава» 1076 г. [Срезневский 1912: 29]. Обратное словообразование *разгар* < *разгарати(ся)* доказывается не только относительной хронологией производящего и производного, но и чередованием корневого гласного *o//a* в глаголе несом. вида. Производное имя сохраняет характер гласного производящего глагола несом. вида. В современной русской орфографии в видовой паре *разгорётся* : *разгарётся* безударную корневую гласную принято писать единообразно по образцу производящего глагола *гореть*. Даже если корневой гласный в бессуффиксальных существительных оказывается без ударения, в виде исключения в словах — результатах обратного

словообразования от глаголов несовершенного вида оставлено написание *а*: *вы́гарь, вы́гар, ўзгарь, пры́гарь*. Как видим, обратное словообразование, по существу, оправдывает исключения в правилах орфографии.

Приставочное существительное *спад* появляется в переводном тексте XII–XIII вв. в значении ‘совпадение’ [Богатова (гл. ред.) 2002: 274] и имеет характер словообразовательной кальки. Следы дальнейшего употребления этого слова не обнаруживаются. В Новое время, согласно НКРЯ, оно появляется только в середине XIX в.: «Плотина будет устанавливаться каждую весну по *спаде* воды и разбираться осенью по закрытии судоходства...» (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи. 1842–1850). Есть все основания полагать, что это исконное новообразование XIX в., а вовсе не продолжение непрерывной истории калькированного с греческого языка слова.

Глагол *спáсти, спáду* известен с XI в. [Крысько (гл. ред.) 2006: 17]. До конца XVII в., судя по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и НКРЯ, *спадать* могли *звезды, огонь, камень, дождь; дьявол, сатана, змий* с неба; *птенец* из гнезда, *вьюки* с лошади, *шеломь, вьнець, шляпа* с головы; *кров* с храма, *гайка* со стула, *столпъ, стены; царь* с престола, *князь* с коня, *мать* Симеона со стены; *орел; диакон* от степени; но не *вода*. Глагол развивал переносные значения ‘пасть, погибнуть; впасть (в греховное состояние)’, ‘потерять силу’, ‘сойти’, наконец ‘сбыть (о поднявшейся воде)’: «...а пока ледь разобьеть, тогда уже рѣки *спадутъ*» (Петр I, 225. 1697 г.) [Крысько (гл. ред.) 2006: 18]. Как видим, за полвека до существительного *спад* в соответствующем значении появляется глагол *спасть*. Это дает основание видеть и здесь случай обратного образования *спад* < *спадать*.

Судя по «Словарю русского языка XI–XVII вв.», глагол *обманути* был хорошо известен уже в XVI в. Первое употребление наречия *обманомъ* встречается в 1557 г., но широко и в разных формах существительное *обманъ* распространяется только в XVII в. [Шмелев (гл. ред.) 1987: 91]. Следовательно, и здесь обратное образование *обман* < *обмануть*.

Однократные глаголы на *-ну-* совершенного вида не всегда оказываются производящими при обратном словообразовании. Так, если *обман* < *обмануть*, *вдох* < *вдохнуть*, то *вгиб* < *вгибать*, а не **вогнуть*, *навис* ‘хвост и грива у лошади’ < *нависать* ‘то, что нависает’, а не ‘то, что нависло’, то есть глагол **нависнуть* в качестве производящего будет худшим решением. Производящими в таком случае часто становятся глаголы несов. вида: *вынос* < *выносить*, *ввод* < *вводить*, *отѣк* < *отекает*, *допуск* < *допускать*, *доклад* < *докладати*, *отрыв* < *отрывать*, *порыв* < *порывать*, так же с приставками *над-*, *вз-*, *с-*, *пере-*, *об-*, *раз-*. Все приводимые существительные появляются в русском языке позже их производящих приставочных глаголов и обычно не сохраняют их видового значения.

Только ли от глаголов возможно обратное словообразование? Из переосмысленного иноязычного примера Н. М. Шанского *зонт* < *зонтик* ясно, что имена также могут стать источником такого образования, однако это, вероятно, ограничивается единичными случаями. Например, слово *сосулька* дает более простое производное *сосуля*. Суффикс *-ул'*- характерен как для наименований лиц (*бабуля*), так и для наименований предметов (*ходули*, *свистулька*). В уменьшительном образовании *сосулька* живая народная речь производит метонимический перенос по смежности 'тот, кто сосет' > 'то, что сосут'. В литературную речь попал дальнейший образный перенос на природное явление во время оттепели — *ледяные сосульки*, при этом суффикс *-(е)к-* утратил частное значение уменьшительности и был переосмыслен как суффикс с общим предметным значением (ср. *ручка*). Новое слово *сосуля* обозначает тот же ледяной нарост на крыше дома, что и *сосулька*, только большего и опасного размера. В 1756 г. с *ледяными сосулями* в переводном описании сравниваются сталактиты в пещерах. Реже, чем *сосулька*, но все же в разнообразных контекстах в течение второй пол. XVIII и всего XIX в. употребляется и «увеличительное» слово *сосуля*. Изредка, уже в официальной и профессиональной речи, оно встречается и в советское время: *Крыша освобождена от сосулей*. В 2010 г. слово возвращается в русский литературный язык [Геккина 2019]. Эти ценные лексико-исторические сведения дают основание полагать, что новое слово *сосуля* с предметным увеличительным значением было образовано обратным способом и непосредственно не связано с лексической историей омонимичного народного наименования лица.

Итак, приставочные имена существительные без суффиксов, имеющие длительную историю в русском языке, образованы от еще более простых бесприставочных непроезводных существительных, если приставочные имена не калькированы еще в древности (переведены буквально по морфемам, например, *со-бор* = греч. *συν-αγωγή*) с греческого языка. Более новые имена такого же морфемного состава образованы обратным способом от глаголов, появившихся ранее. При таком объяснении можно не прибегать к понятию нулевого суффикса.

Литература

- Аванесов Р.И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1988. 526 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/old-russian-dictionary/index.htm> (дата обращения: 05.05.2021).
- Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование: учебное пособие / Ред. Ф. М. Абубакирова. Казань: Издательство Казанского университета, 1985. 184 с.

- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 392 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. 278 с.
- Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.danefae.org/lib/vinokur/1959/slovoobr.htm> (дата обращения: 02.06.2021).
- Геккина Е. Н. Из истории слов *сосуля* и *сосулька* // Русская речь. 2019. № 5. С. 22–33.
- Дементьев В. В. Активный способ метафоризации в современной разговорной речи (бесуффиксальные отглагольные дериваты) // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов междунар. конф. (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 23–24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).
- Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические признаки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 13–20.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 05.05.2021).
- Зубова Л. В., Меньшикова Ю. В. Морфемика и словообразование современного русского языка. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. 255 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27. М.: Наука, 2006. 276 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 05.05.2020).
- Николаев Г. А. Обратная соотношенность и обратное словообразование // Русское и славянское словообразование: Opera selecta / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Казанский университет, 2011. С. 44–50.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: типогр. Имп. АН, 1912. 1684 стлб. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldrusdict.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
- Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2-е. М.: URSS, 2005. 332 с.
- Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 381 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 05.05.2021).
- Юй Цзы-Лань. Словообразование русских приставочных имен существительных без суффиксов и их участие в ментальности: дис. ... маг. гуманитар. наук / Гос. ун-т Чжэнчжи. Тайбэй, 2020. 323 с.

References

- Avanesov R. I. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of Old Russian language (11th – 14th century). In 10 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 526 p. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/old-russian-dictionary/index.htm> (accessed 05.05.2021).
- Balalykina E. A., Nikolaev G. A. *Russkoe slovoobrazovanie: uchebnoe posobie* [Russian word-formation textbook] / Ed. F. M. Abubakirova. Kazan, Kazan Univ. Publ., 1985. 184 p.
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language in 11th – 17th century]. Issue 5. Moscow, Nauka Publ., 1978. 392 p.

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language in 11th – 17th century]. Issue 26. Moscow, Nauka Publ., 2002. 278 p.
- Dement'ev V. V. [The active way of metaphorization in modern colloquial speech (nonfixal verbal derivatum)]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadcatye Shmelevskie chteniya). Tезисы докладов mezhdunar. konf. (23–25 fevralya 2020 g.)* [Daily speech as an object of lexicography (13th Shmelev Readings)]. Resp. ed. L. P. Krysin. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS, 2020, pp. 23–24. (In Russ.) Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (accessed 01.09.2020).
- Dobrodromov I. G., Kamchatnov A. M. [Derivatological signs]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, 2014, no. 3 (57), pp. 13–20. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 05.05.2021).
- Gekkina E. N. [On the history of the words *sosul'a* and *sosul'ka*]. *Russkaya rech'*, 2019, no. 5, pp. 22–33. (In Russ.)
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language in 11th – 17th century]. Issue 27. Moscow, Nauka Publ., 2006. 276 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 05.05.2021).
- Nikolaev G. A. [Back relatedness and back word-formation]. *Russkoe i slavyanskoe slovoobrazovanie: Opera selecta* [Russian and Slavic word-formation: Opera selecta]. Ed. by K. R. Galiullin. Kazan, Kazan Univ. Publ., 2011, pp. 44–50. (In Russ.)
- Shanskii N. M. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian word-formation]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2005. 332 p.
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language in 11th – 17th century]. Issue 12. Moscow, Nauka Publ., 1987. 381 p. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/old-russian-dictionary/index.htm> (accessed 05.05.2021).
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. Vol. III. St. Petersburg, Publ. House of Imper. Academy of Sciences, 1912. 1684 col.
- Vinokur G. O. [Slavisms in the modern Russian literary language]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 419–442. Available at: <http://www.danefae.org/lib/vinokur/1959/slovoobr.htm> (accessed 02.06.2021).
- Yu Tzu-Lan. *Slovoobrazovanie russkikh pristavochnykh imen sushchestvitel'nykh bez suffiksov i ih uchastie v mental'nosti*. Diss. mag. gumanit. nauk [Word-formation of Russian prefixal nonsuffixal nouns and their function in mental]. Taipei, 2020. 323 p.
- Zubova L. V., Men'shikova Yu. V. *Morfemika i slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka* [Morphemics and word-formation of the modern Russian language]. St. Petersburg, Department of philology, St. Petersburg University Publ., 2014. 255 p.

Диабетичка vs идиотка. **Феминитивы от названия человека по болезни: особенности семантики и прагматики**

Анна Владимировна Занадворова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), annazann@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170015451-5

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются слова, обозначающие название человека по болезни (*аллергик, язвенник*), а также образованные от них номинации лиц женского пола — феминитивы (*астматик — астматичка, эпилептик — эпилептичка*). Подобные названия могут быть образованы как от названия больного органа: *сердце — сердечник (сердечница)*, так и от названия болезни: *гипертония — гипертоник (гипертоничка)*. В некоторых случаях такие обозначения образуются от соответствующего прилагательного, ср.: *грипп — гриппозный — гриппозник; кома — коматозный — коматозник*.

В отличие от обозначений профессий, не все подобные номинации даже в мужском роде принадлежат литературному языку. Многие из них отсутствуют в словарях, другие имеют помету *разг.* или *прост.* Если в словарях фиксируются и мужской, и женский вариант, их стилистические статусы, как правило, совпадают, но часто мужской вариант есть, а феминитив в словаре отсутствует. Однако подобные феминитивы активно употребляются в непринужденной письменной и устной речи, а также в художественной литературе.

Но нередко говорящий/пишущий употребляет мужскую номинацию по отношению к женщине, обычно в тех случаях, когда он считает

феминитив неузуальным (об этом сигнализируют контексты, когда в одном высказывании употребляется мужская и женская номинации, ср.: я *сердечница* и *аллергик*), а также если хочет выразиться более научно или официально. Ряд слов, обозначающих человека с нарушением умственной деятельности (*идиот*, *кретин*, *маразматик*), а также имеющего болезненное пристрастие к чему-л. (*алкоголик*, *наркоман*), имеет переносное пейоративное значение. В таких случаях соответствующие феминитивы (*идиотка*, *кретинка*, *маразматичка*) широко употребляются и не заменяются номинациями в мужском роде. Существует единственный пример, когда для характеристики мужчины используют феминитив. Это слово *истеричка*.

ключевые слова: феминитивы, лексикография, разговорная речь, просторечие, стилистические пометы

для цитирования: Занадворова А. В. *Диабетичка vs идиотка*. Феминитивы от названия человека по болезни: особенности семантики и прагматики // Русская речь. 2021. № 3. С. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170015451-5.

Issues of Modern Russian Language

Diabetichka vs. Idiotka. Feminitives Formed from the Names of Illnesses: Features of Semantics and Pragmatics

Anna V. Zanađvorova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), annazann@gmail.com

ABSTRACT: The article discusses the words denoting a person by diseases (*alergik* — allergy sufferer, *yazvennik* — ulcer sufferer), as well as feminitives formed from them (*astmatik* — *asthmaticchka*, *epileptik* — *epileptichka*). Similar names can be formed based on the diseased organ: *serdtse* (heart) — *serdechnik*, and from the name of the disease: *gypertonia* — *gypertonik* (*gypertonichka*).

In some cases, such designations are formed from the corresponding adjective, compare: *gripp* — *gripposniy* — *gripposnik*; *koma* — *komatosniy* — *komatosnik*. Unlike the designations of professions, not all such masculine nominations belong to the literary language. Many of them are absent from the dictionaries, others are labeled as colloquial or substandard in dictionaries. If the dictionaries fix both male and female versions, their stylistic statuses, as a rule, coincide, but often there is a masculine form in the dictionary, whereas a feminine is absent from the dictionary. However, such feminines are actively used in casual written and oral speech, as well as in fiction.

Nevertheless, the speaker / writer often uses the male nomination speaking about a woman, usually in cases where they consider a feminine unusual (this is signaled by contexts when in one expression the speaker uses both male and female nominations for the same person: *Ya serdechnitsa* (fem.) *i allergic* (masc.) — *I am a heart disease sufferer and an allergy sufferer*.

Another reason to choose a masculine form may be the speaker's wish to use the word in an official or scientific context. A series of words denoting a person with an intellectual disability (*idiot*, *kretin* — cretin, *marasmatik* — a senile person), as well as a person with some kind of addiction (*alkogolik* — alcoholic, *narkoman* — drug addict) have a transferable pejorative meaning. In such cases, the corresponding feminines (*idiotka*, *kretinka*, *marasmatichka*) are widely used and are not replaced with male nominations. There is only one example where a feminine is used to characterise a male person, which is the word *isterichka* — a hysterical person.

KEYWORDS: feminines, lexicography, colloquial speech, everyday speech, vernacular, stylistic marks

FOR CITATION: Zanadvorova A. V. *Diabetichka vs. Idiotka*. Feminities Formed from the Names of Illnesses: Features of Semantics and Pragmatics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170015451-5.

С появлением особого направления гендерных исследований феминитивы не раз попадали в поле зрения лингвистов (ср. [Кириллина 1999; Беркутова 2019; Фуфаева 2020] и др.), а также не раз становились предметом широкой общественной дискуссии (ср. [Пиперски 2018; Кронгауз 2018; Эпштейн 2019] и др.).

Как отмечают исследователи, в разговорной речи функционирует большее количество феминитивов, которые «не узаконены» в кодифицированном литературном языке, ср.: *врачиха, врачиха, директриса, шефиня* и др. [Земская (ред.) 1973; Земская (ред.) 1983]. Также существует ряд негативно эмоционально окрашенных феминитивов, которые существуют параллельно со своими литературными аналогами: *учительница — училка, преподавательница — преподаша*.

Как правило, при рассмотрении этой проблемы в поле зрения ученых обычно попадали слова — названия профессий и занятий. Рассматривались слова русского литературного языка, называющие людей по профессии (в мужском роде) и их женские аналоги (их статус в языке, разница в семантике, сфера употребления и т. п.), см., например, [Васильева 2013; Прохорова 2012; Челак 2018] и др.

Рассматриваемая в данной статье группа феминитивов не становилась до сих пор предметом самостоятельного исследования. Даже в книге И. В. Фуфаевой «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция», специально посвященной феминитивам, слова из этой группы практически не упоминаются [Фуфаева 2020]. Они образуются от существительных мужского рода, обозначающих человека, страдающего определенной болезнью. Причем подобные названия могут быть образованы как от названия больного органа: *сердце — сердечник, легкие — легочник*, так и от названия болезни: *гипертония — гипертоник, подагра — подагрик*. Примечательно с точки зрения словообразования, что некоторые обозначения людей образованы не прямо от названия болезни, а от соответствующего прилагательного, ср.: *грипп — гриппозный — гриппозник; кома — коматозный — коматозник*. Надо отметить, что в отличие от названий профессий не все подобные названия даже в мужском роде принадлежат литературному языку. Многие из них отсутствуют в словарях, другие имеют помету *разг.* или *прост.* Можно встретить и окказионализмы, у которых даже не установился единый вариант написания, т. к. это слово не фиксируется словарями, ср.: *оэрзешник* (варианты: *оэрзешник, ОРЗешник, ОРЗешник*) — ‘человек, болеющий ОРЗ (острым респираторным заболеванием)’, например: *Каждый день я осматриваю в среднем 20 пациентов, из которых, к примеру, 10 — оэрзешники, остальные — гриппозники; Это действительно все ковид? Или гриппозники и ОРЗешники тоже тут* (Блоги, 2018, 2021).

Интересно, что (как и в случае названия профессий) этот класс слов неоднороден по степени распространенности и употребительности. Какие-то обозначения широко распространены и кажутся абсолютно «нормальными», в то время как другие употребляются только в узких группах. Некоторые являются частью литературного языка, другие функционируют только в непринужденной устной и письменной речи.

Проанализируем подробнее, как этот класс лексики представлен в словарях. Для сравнения было взято четыре словаря — два классических толковых словаря: Малый академический словарь (МАС) [Евгеньева (ред.) 1981–1984] и Большой толковый словарь (БТС) [Кузнецов (ред.) 1998], а также «Словарь названий женщин» (СНЖ) [Колесников 2002] и «Толковый словарь русской разговорной речи» (ТСРР) [Крысин (ред.) 2014; 2017; 2019; (в печати)].

Этот небольшой список (32 слова) был составлен на основе «Словаря названий женщин». Из словаря методом сплошной выборки были выделены все наименования женщин по болезни, было исключено лишь несколько устаревших и диалектных слов. Как видно, подобные слова составляют очень малую часть словника (всего словарь включает около 7000 единиц).

Большая часть слов, отмеченных в словарях, отличается симметричностью в статусе женского и мужского вариантов. Так, в МАС и БТС даются без помет слова: *алкоголик — алкоголичка, кокаинист — кокаинистка, маньяк — маньячка, неврастеник — неврастеничка, эротоман — эротоманка*.

А слова *истерик — истеричка, лунатик — лунатичка, паралитик — паралитичка, сердечник — сердечница, сифилитик — сифилитичка, туберкулезник — туберкулезница, шизофреник — шизофреничка* имеют одинаковые пометы *разг.* или *прост.* при мужском и женском вариантах.

Слова *идиот — идиотка, кретин — кретинка*, имеющие два значения — медицинское и переносное бранное, также имеют одинаковые пометы в женском и мужском вариантах.

Однако значительная часть женских номинаций в МАС просто не включена. *Аллергик, наркоман, неврастеник, психастеник* даются без пометы, а *аллергичка, наркоманка, неврастеничка, психастеничка* отсутствуют. Слова *астматик, венерик, гипертоник, гипотоник, дальтоник, диабетик, параноик, подагрик, рахитик, ревматик* включены в классические толковые словари с пометой *разг.*, в то время как слов *астматичка, венеричка, дальтоничка, диабетичка, гипертоничка, гипотоничка, диабетичка, подагричка, параноичка, рахитичка, ревматичка* в МАСе нет.

БТС включает больше наименований женщин по болезни, чем МАС. В нем присутствуют *астматичка, дальтоничка, легочница, маразматичка, наркоманка, невротичка, склеротичка, эпилептичка*.

Однако отсутствующие в классических толковых словарях феминитивы активно употребляются в разговорной речи, в блогах и даже в художественной литературе, ср.:

У ее подруги, тоже астматички отказавшейся от лекарств, инфаркт привел к инвалидности, с трудом передвигается по квартире (Блоги, 2018); — *У меня есть знакомая гипертоничка, так она просит мужа, когда*

Таблица 1. Употребление названий человека по болезни, по данным словарей¹
Table 1. The usage of the names that identify a person by illness, according to dictionaries

Название больного	МАС	БТС	ТСРР	Название женщины	МАС	БТС	СНЖ	ТСРР
алкоголик	+	+	—	алкоголичка	+	+	+	(разг.); (разг.)
астматик	разг.	разг.	(разг.)	астматичка	—	разг.	разг.	(разг.)
дальтоник	разг.	разг.	—	дальтоничка	—	разг.	разг.	—
диабетик	разг.	разг.	—	диабетичка	—	—	разг.	—
идиот	+; прост., бран.	бранно	груб., бран.; неодобр.	идиотка	+; прост., бран.	бранно	+	груб., бран.; неодобр.
истерик	разг.	разг.	—	истеричка	разг.	разг.	разг.	(разг.)
кокаинист	+	+	—	кокаинистка	+	+	+	—
кретин	+; прост.	+; бран.	презр., бран.	кретинка	+; прост.	+; бран.	+	презр., бран.
легочник	—	разг.	—	легочница	—	разг.	+	—
лунатик	устар. и разг.	разг.	—	лунатичка	устар. и разг.	разг.	разг.	—
маньяк	+	+; разг.	(разг.)	маньячка	+	+; разг.	+	(разг.)
маразматик	—	разг.	(разг.)	маразматичка	—	разг.	разг.	(разг.)
наркоман	+	+	—	наркоманка	—	разг.	+	—
неврастеник	+	+	—	неврастеничка	+	+	+	—
невротик	—	разг.	—	невротичка	—	разг.	+	—
нимфоман	—	—	—	нимфоманка	+	мед.	+	—
паралитик	разг.	разг.	(разг.)	паралитичка	разг.	разг.	разг.	—

параноик	разг.	разг.	(разг.)	параноичка	—	—	разг.	—
подагрик	разг.	разг.	(разг.)	подагричка	—	—	разг.	—
психастеник	+	+	—	психастеничка	—	+	+	—
псих	прост.	разг., сниж.	(разг.)	психичка	—	—	прост.	груб., пренебр.
психопат	+	+, разг.	—	психопатка	+	+, разг.	+	—
рахитик	разг.	разг.	—	рахитичка	—	—	разг.	—
ревматик	разг.	разг.	(разг.)	ревматичка	—	—	разг.	(разг.)
сердечник	разг.	разг.	(разг.); (разг.)	сердечница	разг.	разг.	+	(разг.)
сифилитик	разг.	разг.	—	сифилитичка	разг.	разг.	+	—
склеротик	разг.	разг.; разг.	(разг.)	склеротичка	—	разг.; разг.	разг.	(разг.); (разг.)
туберкулезник	разг.	разг.	—	туберкулезница	разг.	разг.	разг.	—
шизофреник	разг.	+	—	шизофреничка	разг.	+	+	—
эпилептик	разг.	разг.	—	эпилептичка	—	разг.	+	—
эротоман	+	+	—	эротоманка	+	+	+	—
язвенник	разг.	разг.	(разг.)	язвенница	—	разг.	разг.	—

¹ Если в одной ячейке через точку с запятой стоят две пометы или два знака «+», это означает, что слово имеет два значения. В столбце, где даны сведения из ТЭСРР, по умолчанию у всех слов стоит помета (разг.), она взята в скобки, так как в словаре такая помета не дается, но, поскольку словарь посвящен именно разговорной лексике, подразумевается, что все слова относятся к сфере разговорной речи. Отметим также, что в МАС феминитивы включены в словник в качестве самостоятельных заголовочных слов словарных статей, хотя и являются по сути отсылочными статьями (женск. к ...), а в БТС женский вариант приводится в статье с названием мужского рода.

у нее болит голова, дать ей по морде (Г. Щербакова. Митина любовь); Особенно часто он поражает женщин: четверть пожилых чернокожих американок — **диабетички**; (про фильм «Аватар»): Эта великая **паралитичка** — Эйва — и дает возможность синим кошкам жить полной жизнью (Блоги, 2017–2019); И я заболела / тоже **легочница** все-таки / воспалением легких // (Архив Хельсинкского университета, 1998); Каждый четверг танцевал он в курзале бешеные венгерки с молодыми **ревматичками**, бравшими грязевые ванны (Н. Тэффи. Курорт); Открывал балкон, закрывал балкон, читал про гидромассажные ванны: форсунка, регулируемая сила струй, — слушая подвиги соседки-**астматички** (А. Терехов. Каменный мост); Потом у Калининка моста / Смотрела своих **венеричек**. / Устала: их было до ста (Саша Черный); А я не стала ее принимать, там написано, что это от эпилепсии, а я не **эпилептичка** (Блоги, 2018).

Есть, наконец, довольно много феминитивов, которые не отмечены даже в «Словаре названий женщин», но употребляются в разговорной речи и блогах, а также на специальных форумах, посвященных здоровью и лечению, например: **анорексичка**, **артриница**, **булимичка**, **бронхитница**, **варикозница**, **гайморитница**, **гриппозница**, **желудочница**, **почечница**, **спидозница** и др. Подобные слова встречаются в небольшом количестве, их скорее можно отнести к окказионализмам, однако они легко образуются по регулярным моделям и без труда порождаются говорящими и пишущими при возникновении коммуникативной необходимости:

Чувствую себя **артритницей** и **остеохондрозницей**; Сама **бронхитница** со стажем, меня кашлем не напугать; **Варикозниц** я не особо пугаюсь, варикоз не заразный, вроде...; Ну да, как жеж Даша, старая **гайморитница** и **бронхитница** не примет участия в осеннем соплемарафоне; Девочки, это опять я, незадачливая **гриппозница**; Соседка-**желудочница** несколько лет подряд ездит в Трускавец водичку пить...; Заболела наша **почечница** Лизонька, обострение; А ведь еще есть мамы-**спидозницы**, которые рожают больных детей; **Анорексичек** и **булимичек**, видимо, очень мало в процентном соотношении, поэтому их на пляже не встретишь (Блоги, 2017–2020).

Примечательно, что у разговорной пары **диабетик** — **диабетичка** есть просторечный эквивалент **диабетчик** — **диабетчица**, который также довольно активно употребляется в блогах, ср.:

Отец **диабетчик** со стажем. Нужен увлажняющий крем для ног; Мой приятель-**диабетчик** в полном восторге от лечения; Папа, мама-**диабетчица**, беременная дочь с годовалым ребенком. У них все в порядке; Я тоже **диабетчица**... У врача не была, не люблю я поликлиники (Блоги, 2017–2019).

Попробуем определить, какие факторы влияют на статус таких образований женского рода. Большинство подобных феминитивов находится за гранью литературного языка и употребляется только в непринужденной письменной или устной речи, часто в узкоспециальной обстановке, полупрофессиональных сообществах.

Однако большой кластер обозначений человека по болезни имеет переносное значение, и это в первую очередь касается болезней, связанных с умственным развитием, ментальными нарушениями: *дебил, идиот, имбицил, кретин, маразматик, склеротик, шизофреник* и др. Помимо прямого медицинского обозначения больного эти слова имеют переносное бранное значение, которое более распространено, чем прямое. Обычно эти слова употребляют, чтобы выразить раздражение людьми глупыми, забывчивыми или неадекватно себя ведущими (такие значения отмечаются, например, в «Толковом словаре разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014; 2017; 2019]).

Соответствующие женские обозначения (*дебилка, кретинка, идиотка, имбицилка, шизофреничка, склеротичка, маразматичка*) также активно употребляются, ср.:

Товарищи! Правление пошло на поводу у шизофренички! (К/ф «Гараж», 1979); *Ну ты даешь! Склеротичка! Ты хоть помнишь куда машину поставила!*; *Ой / я идиотка! Мне же позвонить надо было!!!* (Записи устной речи, 2014); *Склеротичка. Делала запеканку и забыла муки положить...; Да, можете считать меня великовозрастной маразматичкой, но я люблю компьютерные игры; У меня полное ощущение, что производители товаров для детей уверены, что воспитывать девочку означает воспитывать имбицилку. Швабры, косметика и розовые пони* (Блоги, 2018).

Можно отметить, что в данном случае нет примеров, чтобы женщин называли мужским обозначением, за исключением намеренно каламбурных, ср.: (женщина о себе в шутку): *Ой / я идиот! Прости / забыла отравить //* (Запись устной речи, 2018); *Я старый склеротик! Только что обнаружила у себя цукаты, которые купила специально для рождественского кекса. Видимо, придется им еще полежать...* (Блоги, 2019). Поскольку цель употребления подобных слов — оскорбить, то нет и необходимости «повышать» статус женщины или придавать своей речи большую научность или официальность.

Интересно также, что одно из женских обозначений — *истеричка* — даже более распространено, чем мужское — и в отличие от мужского употребляется в переносном смысле, т. е. женщин часто называют истеричками, когда просто хотят указать на их неадекватное скандальное поведение.

— *Это она нарочно / это она нарочно / чтобы напугать меня / а я не пьяница / я сердечница // — Истеричка! — Змеиное жало! (К/ф «Ищите женщину», 1982); Мало того / что эта истеричка устроила скандал на студии / она еще перепутала наши чемоданы // (К/ф «Иван Васильевич меняет профессию», 1973).*

Примечательно, что и по отношению к мужчинам могут применить «женскую» номинацию (если речь идет не о медицинском диагнозе, а о скандальном поведении), ср.:

— *Истеричка ты, Кукушкин, хоть и друг мне, — сурово отвечал Киса (Ю. Мамлеев. Конец света / Живое кладбище); — Спокойно! — сказал он. — Успокойся, истеричка, нюня, чепуховый человечико! Успокойся, иначе ты совершенно никому не будешь нужен! Ну! Так он говорил сам себе, стоя посередине комнаты — один (Ю. Герман. Дорогой мой человек); Истеричка-начальник. У мужчин-истеричек, которые занимают высокие должности, два вида врагов — внутренние и внешние; Семь признаков мужчин-истеричек. Думаю, очень многие не любят истеричек. Ладно, женщинам это еще как-то простительно, у нас ПМС бывает, но вот истеричек мужиков я оправдать не могу; Мужчина-истеричка, бывает, я сама с таким как-то пожила пару месяцев; Увы, Лобов таки оказался истеричкой (Блоги, 2015–2019).*

Это, пожалуй, единственный пример слов из данной группы, когда мужчину называют словом в женском роде, так как считается, что подобное поведение в большей степени свойственно женщинам. Другая группа слов, обозначающая болезненное пристрастие человека к чему-либо, — *алкоголик, наркоман* и т. п. — также имеет употребительные женские аналоги: *алкоголичка, наркоманка*. В медицинском смысле это болезненное пристрастие, переросшее в физическую зависимость, также квалифицируется как болезнь. Однако в бытовой речи человека могут назвать *алкоголиком* и *наркоманом* (и соответственно, *алкоголичкой* и *наркоманкой*), даже если они просто злоупотребляют алкоголем и наркотиками, не имея устойчивой физической зависимости, ср.:

Начинается / еще ты меня считаешь дурой / алкоголичкой и глупой / потому что связалась с Димой // (Из материалов Ульяновского университета, 2007); (о соседке сверху): Надоела эта наркоманка чокнутая / бутылки из окна бросает // (Запись устной речи, 2017).

В случаях, когда эти слова употребляются в переносном значении, по отношению к женщине «мужская» номинация не употребляется, если же женщина названа *алкоголиком* и *наркоманом*, то очевидно, что текст имеет научный или официальный характер.

К этим словам примыкает также пара слов *маньяк — маньячка*, которые тоже активно употребляются в прямом и переносном смысле.

*Я — компьютерный маньяк, но что ж тут поделаешь; Маньячка. Только я с температурой 34,8 могу пойти снимать закрытие ММКФ. Пришла домой — 35,7, на солнце согрелась, видать; Спортивная маньячка. В последнее время я полюбила спорт какой-то «особою любовью» (Блоги, 2018–2019). О значении и употреблении слов *алкоголичка, идиотка, маразматичка, маньячка, наркоманка* см. также «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014; 2017].*

Примечательно, что в остальных случаях, когда название человека, страдающего определенной болезнью, не имеет переносных значений, наблюдается отчетливое преобладание обозначения лица «мужским» словом даже в разговорной и письменной непринужденной речи (то есть не все «женские» номинации кажутся говорящему «нормальными» и употребительными). Это хорошо видно в контекстах, где человек употребляет несколько названий из этой группы, но в некоторых случаях использует женский вариант, а в некоторых — мужской:

Пригорок / я инвалид / я и сердечница / и астматик / я на этот пригорок что-то зашла слишком легко // (Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2009); Худенькая, маленькая, сама астматик и диабетичка, она начала помогать больным раком детям еще когда ни о каких фондах никто не слышал. Она осталась бессребреницей; Я конечно старая склеротичка, извращенка и маразматик, с трудом отличающий что было в оригинале, а что в додзинсах, но все таки я оказалась права; Мне легче понять анорексиков и булимичек чем отсутствие мяса (Блоги, 2018–2021).

Превалирование в названиях профессий слов мужского рода нередко связывали с тем, что большинство людей, владевших ими, были мужчинами. Говорилось также о том, что причины «неравноправия» женских и мужских номинаций имеют исторические корни — хотя в современном обществе женщин-врачей, например, едва ли не больше, чем мужчин, но до начала XX века, пока женщин не уравнили в правах, этим видом деятельности преимущественно занимались мужчины, и такая ситуация нашла отражение в языке. Однако применительно к предмету настоящего исследования этот аргумент нельзя признать значимым, так как большинство болезней не является гендерно специфическим.

Существуют и целые классы феминитивов, не имеющих стилистической окрашенности и широко употребляющихся наравне с мужскими номинациями. Это названия жительниц стран и городов (*японка, москвичка*), названия людей по вероисповеданию (*христианка, мусульманка*) и нек. др. «В указанных сферах феминитивы — единственно возможный вариант. Способ выражения пола через зависимое слово — *коренная волжжанин, японец избобрела* — отсутствует» (см. [Фуфаева 2020: 25–26]). Это

вполне объяснимо — подобные названия никак не связаны с социальным статусом, — и казалось бы, что и названия человека по болезни должны вести себя сходным образом.

Также специалисты по культуре речи отмечают, что «наименования, характеризующие женщину по какому-либо признаку, свойству, состоянию, применительно к женщине употребляются только в форме жен. рода: *больная, молодая, знакомая, прохожая, раненая*. Лишь те немногие наименования, которые обозначают официальную должность, звание или общественные обязанности в строго деловом стиле, иногда употребляются в форме муж. рода: *Ольга Олейник — выдающийся ученый; заведующему сектором тов. Ивановой* выдана премия; *председательствующим* на собрании была тов. *Игнатова*... Таким образом, в качестве общеупотребительной формы в обиходной и особенно устной речи в разряде субстантивированных прилагательных и причастий при именовании лиц женского пола предпочтительна форма женского, а не мужского рода» [Граудина, Ицкович, Катлинская, 2001: 148–149].

Можно было бы предположить, что употреблению феминитивов препятствует наличие у подобных слов и других значений. Ср. например:

склеротичка и **маразматичка** — имеют значение также ‘книжечка, ежедневник, место для записей’: *Настенная доска-склеротичка в стиле шебби шик — нежная, воздушная, изысканная альтернатива магнитным доскам; Хочу тюльпан! Записала в склеротичку погултить луковички для горшков; У меня есть книжечка-маразматичка, с 2005 году. В ней я по месяцам записываю, какие посмотрела фильмы, указывая известных мне актеров, а по возможности — и режиссера...* (Блоги, 2017 — 2019);

алкашка — ‘алкогольная продукция’: *А начинать нужно с молодежи, чтобы та не начинала хлестать алкашку с юного возраста; В шведском супермаркете вы не купите алкашку крепче 3,5 %* (Блоги, 2020–2021);

алкоголичка — ‘мужская майка устаревшего покроя, которую носят обычно алкоголики, бомжи и другие малообеспеченные люди’: *Я был одет в наряд супермена: драные штаны с тремя полосками, майка-алкоголичка, драная дырявая куртка* [Крысин (ред.) 2014: 43];

инвалидка — ‘машина, предназначенная для управления инвалидом’: — *Есть тут один инвалид, Михалыч, а у него — инвалидка. — Жена? — Машина!* (Г. Куликова. Эрос пленных не берет) [Крысин (ред.) 2014: 758].

С помощью суффикса **-к(а)**, омонимичного названию лица женского пола, также регулярно образуются названия мест (*курилка, читалка*), в том числе и названия учреждений, в которых лечат болезнь, обозначенную производящей основой, ср.:

психиатричка: *Очень страшна психиатричка психически здоровому человеку тем, что его помещают в среду людей с деформированной психикой;*

Психиатричка у нас как областное заведение. Но все равно паспорт тащить туда страшно... (Блоги, 2018–2019);

психичка: По ней наши подпольщики вешают, что Девина упекли в **психичку**, где ему промывают мозги (Блоги, 2017); У меня — карты, цифры. А у них? Могли посадить в **психичку**. Грозилась (Из воспоминаний В. Б. Нестеренко: <https://askepak.livejournal.com/11829.html>);

венеричка — 1) венерическое заболевание: *Поговаривали, что вражеская агентесса заразилась его венеричкой, которая дала осложнение на мозг; А тут решил с библиотекаршей, и вот те раз — намотал себе венеричку* (Блоги 2018–2020); 2) место, где лечат венерические заболевания: *Уже который год она в венеричке наблюдается!; Но побывать в венеричке, сами понимаете, то еще удовольствие* (Блоги, 2019–2020).

У слов, обозначающих женщин по национальности, такие значения возникают регулярно, что обыгрывается в ряде анекдотов (ср. болгарин — человек, а болгарка — инструмент, финн — человек, а финка — нож, испанец — человек, а испанка — грипп, турок — человек, а турка — посуда, голландец — человек, а голландка — печь, американец — человек, а американка — бильярд, вьетнамцы и чехи — люди, а вьетнамки и чешки — обувь...), однако сосуществование нескольких значений у подобных слов не мешает их активному употреблению.

Нельзя сказать, что употребление «женской» номинации всегда имеет пренебрежительный оттенок, люди нередко употребляют такие слова по отношению к себе или в нейтральных контекстах: *Разговор на прогулке с симпатичной гипертоничкой в громадной меховой шапке* (Ю. М. Нагибин. Дневник); *Лечусь антибиотиками, пью АЦЦ и периодически дышу из балончика, как последняя астматичка*; *Но у меня родители — один гипотоник и одна гипертоничка*; *Я тоже диабетичка, пока тьфу-тьфу обхожусь диетами и жизнью без сладкого/алкоголя*; *Шведская учительница-диабетичка, которая страшно соскучилась по своей работе на полугодовом больничном, предложила мне учиться у нее шведскому бесплатно* (Блоги, 2017–2019).

Также нельзя сказать, что наименование больного в мужском роде (как в случае, например, с поэтом и поэтессой, поваром и поварихой), показывает его более высокий социальный статус. Однако даже в непринужденной обстановке — в разговорной речи или в блогах — для обозначения женщин, страдающих определенной болезнью, часто используется «мужская» номинация (поскольку употребление мужской номинации маркирует официальный или научный контекст). Таким образом, в зависимости от коммуникативной задачи может быть выбран как мужской, так и женский род. Ср.: *Булимими способны скрывать заболевание в течение многих лет, поскольку их вес может оставаться в норме, а периоды обжорства держатся в секрете. Я не могу отрицать факт своей болезни, но и не*

могу достоверно сказать — да, я **булимичка** (Блоги, 2019–2021). То есть, когда человек хочет выразиться «более научно» или считает обстановку официальной (например, на приеме у врача), он выбирает мужскую номинацию.

Итак, на основании представленного материала можно сделать следующие **выводы**: класс наименований человека по его болезни неоднороден, и лишь небольшая его часть относится к кодифицированному литературному языку; большая же часть принадлежит к сфере разговорной речи. Соответствующие феминитивы, как правило, равны по статусу «мужским» наименованиям, но они в меньшей степени фиксируются словарями, хотя активно употребляются в непринужденной устной и письменной речи и даже в художественной литературе. В блогах и на соответствующих форумах можно встретить много окказионализмов подобного рода.

Феминитивы, обозначающие человека по болезни, поражающей умственные способности или называющей болезненное пристрастие к чему-либо, часто имеют переносное бранное значение. В таких случаях они употребляются не менее активно, чем «мужские» номинации. В тех случаях, когда их используют в пейоративном значении (ср. *идиотка, кретинка, психопатка, склеротичка, маразматичка, алкоголичка, наркоманка* и др.), по отношению к женщине мужское обозначение не используют. Существует обратный пример, когда феминитив из указанной группы употребляется по отношению к мужчине: это слово *истеричка*.

Частотность и сфера употребления феминитива не всегда напрямую зависит от распространенности болезни, например, слова *сердечница* и *легочница* включены в словари, а *желудочница* и *почечница* нет.

В целом говорящие (и пишущие), когда речь идет о женщинах, даже в непринужденном общении часто отдают предпочтение мужской номинации: в некоторых случаях им кажется, что «такого слова нет», в других — они считают, что тема разговора (медицина) требует употребления более научного, официального названия.

Литература

- Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
- Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности // Проблемы российского образования. 2013. №1. С. 46–53 [Электронный ресурс]. URL: http://pmedu.ru/res/2013_1_6.pdf (дата обращения: 25.03.2019).

- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М.: Наука, 2001. 555 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981–1984, изд. 2, испр. и доп.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. Общие вопросы. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 239 с.
- Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
- Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: Астрель: АСТ, 2002. 608 с.
- Кронгауз М. А. «Авторка», «нянь» и другие феминитивы [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6820376> (дата обращения: 30.04.2021).
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, 2, 3, 4. М.: Языки славянской культуры, 2014; 2017; 2019; (в печати).
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., Норинт, 1998. 1534 с.
- Пиперски А. Ч. Коварные суффиксы. Как современные феминитивы меняют русский язык // N+1 (28.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-feminitives> (дата обращения: 05.05.2021).
- Прохорова А. С. Наименования лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX–XXI веков // Преподаватель XXI века. № 3, т. 2, 2012. С. 292–295.
- Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.
- Челак Е. А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Филологические науки. Выпуск № 12 (78). Декабрь 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/languages/feminitivy-v-diskurse-internet-kommunikacii/> (дата обращения: 05.04.2021).
- Эпштейн М. Феминитивы – или слова общего рода? Нужны ли языку слова «авторка» и «философиня»? // Сноб. 30.01.1918 [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133860> (дата обращения: 05.10.2018).

References

- Berkutova V. V. [Feminitives in Russian: a linguistic aspect]. *Filologicheskii aspekt*. 2019. № 1 (45). Pp. 7–26. (In Russ.)
- Chelak E. A. [Feminitives in the discourse of Internet communication]. *Filologicheskie nauki*. № 12 (78) December 2018. Available at: <https://research-journal.org/languages/feminitivy-v-diskurse-internet-kommunikacii/> (accessed 05.04.2021). (In Russ.)
- Epshtein M. [Feminitives – or general words? Does the language need the words “authorka” and “filosofiniya”?]. *Snob*. 30.01.1918. Available at: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133860> (accessed 05.10.2018). (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984, 2nd edition.
- Fufaeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya* [What are the women called. Feminitives: history, structure, competition]. Moscow, Corpus, 2020. 304 p.
- Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: stilisticheskii slovar' variantov* [The grammatical correctness of Russian speech: stylistic vocabulary of options]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 555 p.

- Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institut Sotsiologii RAN, 1999. 189 p.
- Kolesnikov N. P. *Tolkovyi slovar' nazvanii zhenshchin: Bolee 7000 edinits*. [Explanatory dictionary of names of women: More than 7000 units]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2002. 608 p.
- Krongauz M. A. ["Authorka", "nyan" and other femininives]. Available at: <https://tass.ru/lyudi-iveschi/6820376> (accessed 30.04.2021). (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 1, 2, 3, 4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014; 2017; 2019; (in print).
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Piperski A. Ch. [Insidious suffixes. How modern femininives are changing the Russian language]. N+1 (28.11.2019). Available at: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-femininives> (accessed 05.05.2021). (In Russ.)
- Prokhorova A. S. [Denominations of female persons by professional affiliation at the turn of the XX–XXI centuries]. *Prepodavatel' XXI veka*. № 3, t. 2, 2012, pp. 292–295. (In Russ.)
- Vasil'eva A. S. [Trends in the use of female names by their profession]. *Problemy rossiiskogo obrazovaniya*. 2013, № 1, pp. 46–53. Available at: http://pmedu.ru/res/2013_1_6.pdf (accessed 25.03.2019).
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy* [Russian colloquial speech. General issues]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 283 p.

«Знать свои рямки»: слова с корнем *рям-/рем-* в русских говорах Пермского края

Юлия Владимировна Зверева, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (Россия, Пермь), zv.ul@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170015452-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена этимологической интерпретации слов с корнем *рям-/рем-*, которые широко распространены в пермских говорах. В статье рассматриваются две версии происхождения корня слова. Автор считает, что наиболее вероятно заимствование из финских языков. В работе также рассматриваются лексические единицы, образованные в результате контаминации слов с корнем *рям-/рем-* и слов с другими корнями, которые имеют значение 'лоскут, обрывок ткани'. В русских говорах к корню слова присоединяются различные суффиксы, на территории Пермского края отмечено большое количество производных лексем. Автор также рассматривает слова с этим корнем, которые включают суффикс *-ез-/з-* и вследствие фонетической и некоторой семантической близости могут быть отождествлены с лексическими единицами с корнями *ремиз-* и *ремез-*. Однако это разные единицы с точки зрения происхождения, и их сближение можно считать совпадением. От слов с корнем *рям-/рем-* в говорах образуются единицы, обозначающие человека в старой, потрепанной одежде. Слова с этим корнем, относящиеся к людям, могут также называть неопрятного, неаккуратного человека, а также человека, лишенного материального достатка. В говорах Пермского края отмечаются различные фразеологизмы со словами *рямки* (*ремки*), часть из них фиксируется и на других территориях, некоторые являются региональными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектная лексика, пермские говоры, этимология, фразеология, слова с корнем *рям-/рем-*

для цитирования: Зверева Ю. В. «Знать свои рямки»: слова с корнем *рям-/рем-* в русских говорах Пермского края // Русская речь. 2021. № 3. С. 47–59. DOI: 10.31857/S013161170015452-6.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117).

Issues of Modern Russian Language

“Know Your Ryamki”: Words with the Root *Ryam-/Rem-* in the Russian Dialects of the Perm Region

Yuliya V. Zvereva, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Perm), zv.ul@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the etymological interpretation of words with the root *ryam-/rem-*, which are widely used in Perm dialects. The article discusses two versions of the origin of the word root. The author believes that it is most likely that the words are of the Finnish origin of the word. The work also examines the lexical units formed as a result of the blending the words with the root *ryam-/rem-* and words with other roots, which have the meaning ‘scrap of tissue’. In Russian dialects, various suffixes are attached to this root. On the territory of the Perm region, a large number of derived lexemes with the root *ryam-/rem-* are also noted. The author also considers words with this root, which include the suffix *-es/-z-*. Due to phonetic and some semantic similarity they can be identified with lexical units with the roots *remiz-* and *remez-*. However, these are different units in terms of origin, and their convergence can be considered a coincidence.

Some units, which are formed from the words with the root *рым-/рем-* in dialects, units are formed that denote a person in old, worn-out clothes. Words with this root relating to people, can also refer to an untidy, sloppy person, as well as a poor, needy person. In the dialects of the Perm Region, various phraseological units with the words *рымки (remki)* are noted, some of them are recorded in other territories, some are regional.

KEYWORDS: Russian dialect vocabulary, Perm dialects, etymology, phraseology, words with the root *рым-/рем-*.

FOR CITATION: Zvereva Yu. V. "Know Your Ryamki": Words with the Root *Ryam-/Rem-* in the Russian Dialects of the Perm Region. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 47–59. DOI: 10.31857/S013161170015452-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation project No. 19-18-00117 "Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region".

Введение

На одном из форумов в Интернете обсуждался вопрос о том, что такое *ремьё* и *ремки* (один из участников использовал выражение «хожу в ремье», «ходить в ремках»). Оказалось, что это диалектное по происхождению слово активно используется на территории Урала и Сибири не только в говорах, но и в речи горожан. Более того, некоторые жители этой территории не чувствуют региональной природы слова, могут использовать его в речи, не объясняя значения. Поиск примеров употребления слов *ремьё* и *ремки* в Интернете дал интересные результаты. Так, авторы самиздата могут использовать *ремки* и *обремкаться* в своих произведениях, например, в таком стихотворении:

*Вот так и я хожу в ремках и рвани,
Но верю в то, что это от кутюр.*¹

Существуют также попытки дать лексикографическое описание слову *ремек (ремки)*, дается толкование этой единице, приводятся цитаты из различных источников². Интересно, что в городской речи слово не только функционирует, но и обрастает новыми значениями, которых изначально

¹ Солнцева Ю. В рамках и рвани [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/11/27/6970> (дата обращения: 10.04.2021).

² Значение слова «ремки» («ремки») [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/22898/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8-%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BA%D0%B8> (дата обращения: 12.04.2021).

не было в диалектах. По данным «Словаря русских народных говоров», языковые единицы с корнем *рям-/рем-* в значении ‘лоскут ткани, обрывки; старая одежда’ фиксируются в севернорусских говорах и во вторичных говорах Урала и Сибири [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 52–63; 350–352]. В городской речи *ремюк* имеет также значения ‘человек, носящий старую одежду, рванину, рваньё, лохмотья, тряпки, обноски, отрепья’ и ‘нечто старое, изодранное (в том числе об автомобилях)’³. Активно используются в региолектах Урала также производные от этого корня глаголы и глагольные формы: *изрямкать, обрямкать (обремкать), порямкать* ‘порвать, износить’, *изрямкаться* ‘прийти в негодность, порваться’, *рямкаться* ‘изнашиваться’, *изрямканный, порямканный* ‘поношенный, порванный’.

Иллюстрации, которые приводят авторы, обычно относятся к региональным вариантам языка жителей Екатеринбурга, Кургана, Челябинска, Тюмени, а примеров употребления слова в речи пермяков нет, не фиксируется оно и в популярном издании «По-пермски говоря»⁴. Но лингвисты знают, что речь жителей Западного Урала (Пермский край), Среднего Урала (Свердловская область) и Западной Сибири имеет много общих черт, что во многом объясняется историей заселения этих мест. Логично предположить, что языковые единицы с корнем *рям-/рем-* должны использоваться на территории Пермского края. Это действительно так, но слова *ремки, ремьё* и другие однокоренные к ним встречаются в основном в диалектной пермской речи, горожане, за редким исключением, их не знают.

В русских говорах Пермского края отмечено большое количество слов с корнем *рям-/рем-*: *ремежьё, ремезьё, ремзы́, ремóк, ремиза́, ремóжное, рему́га, ря́мка, ря́мковáтое, ряму́ха, ряму́шка, рямы́* ‘старая, изношенная одежда’; *ремешки́, рему́шки, ря́мки* ‘обрывки одежды, лохмотья’, *ря́мжина* ‘кусочек холщовой ткани’, *ря́мочка* ‘плетеный шнурок, бечевка для подвязывания или завязывания чего-либо’; *ремки́, рему́шки* ‘одежда, белье’. Корень имеет довольно большое словообразовательное гнездо, этот корень отмечается также в прилагательных *ря́мковáтый* ‘изношенный, рваный’ и глагол *обря́мкаться* ‘прийти в ветхость; обноситься’.

Этимология слова

В диалектных словарях языковые единицы с безударным корнем часто пишутся через *-е-*, а в ударной позиции обычно выступает *-а-* после мягкого (в написании *-я-*). Такое чередование связано с еканьем,

³ Что такое «ремки»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/686665-что-такое-ремки.html> (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ По-пермски говоря [Электронный ресурс]. URL: https://www.manhunter.ru/other/899_slovar_po-permski-govorya.html (дата обращения: 22.04.2021).

характерным для пермских говоров, а также со сближением этого корня с омонимичным в слове *ремень*. Основанием для отождествления корней *рем-/рям-* 'обрывок ткани, тряпка' и *ремен-* является общая сема 'длинный лоскут ткани, кожи'. Обычной практикой в крестьянском быту было использование вышедшей из употребления одежды в качестве основы для изготовления половиков, при этом старая одежда разрезалась на длинные полосы: *Рямки соберёшь, изорвёшь на полосы — половики ткать; Рямки-то и ткём. Юбка изорвалась, сразу на половики. Что тряпьё, что рямка* [КСРГСПК].

Такое развитие семантики вполне закономерно, тем более что слово *ремень* существует во многих славянских языках. По мнению этимологов, эта лексема восходит к праславянской форме **remu* (р. п. **remene*); это слово родственно общеславянскому **(j)arъto* 'ярмо', латинскому *arma* 'доспехи, утварь, оружие', греческому *ἀραρίστω* 'соединяю', имеющим в своем составе индоевропейский корень **ar-* 'связывать' [Мельничук (гл. ред.) 2006: 57; Мельничук (гл. ред.) 2012: 552–553].

Отметим, что версию происхождения слова *ремки* от корня в слове *ремень* считают наиболее убедительной и участники различных языковых форумов в Интернете.

Однако языковые единицы с корнем *рям-/рем-* в значении 'лоскут ткани, обрывки; старая одежда' фиксируются в севернорусских говорах и во вторичных говорах Урала и Сибири [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 52–63; 350–352], тогда как слова *ремень* и *ремешок* 'длинная узкая полоса из ткани, кожи, служащая для кругового обхвата, обвязывания талии' отмечены в среднерусских и южнорусских. Этот факт позволяет предположить другое происхождение корня. Так, С. А. Мызников считает, что слова с корнем *рям-* являются результатом прибалтийско-финского влияния, в карельском и финском *gätä* 'разбитая или плохая вещь', *gätu* 'хлам, старье' [Мызников 2019: 701]. В этом же источнике диалектное *ремох (ремок)* 'тряпка, лоскут' автор сопоставляет с финским *riemu* 'рваная одежда, тряпка, лохмотья' [Мызников 2019: 661]. Видимо, в процессе адаптации к русскому языку основа слова получает расширение с помощью различных суффиксов: *-ег-/ог-/г-* (*рем/ег/а, рем/ог/а, рем/г/а*), *-ёх-/ох-* (*рем/ёх, рем/ох*), *-ј-* (*рямьё*), *-з-/ез-/из-* (*рем/з/ы, рем/из/а*), *-ёт-/от-* (*рем/ёт/о, рем/от/а*), *-уг-* (*рем/уг/а*), *-ух-* (*рем/ух/а*), *-ушк-* (*рем/ушк/и*), *-яг-* (*рем/яг/и*) [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 52–63; 350–352] и других. В вятских говорах также отмечены единицы с суффиксом *-онј/-ониј-:* *ремонье, ремония* [Сметанина (гл. ред.) 2014: 180–181]. От производных основ могут быть образованы новые единицы с суффиксами собирательности *-ј-* (*реможье, ремошье*), *-от-* (*ремк/от/а*),

-ениј- (*ремезенья*) и единичности -ин- (*ремез/ин/а, ремуш/ин/а, рямуз/ин/а*) [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 52–63; 350–352].

Интересно, что данные НКРЯ показывают использование лексемы *рямки* (*ремки*) в значении ‘старая, изношенная одежда’ в художественных произведениях таких авторов, как В. П. Астафьев и П. П. Бажов, которые проживали на Урале, а также в рассказе К. К. Случевского «Черная буря», посвященного описанию жизни поморов. Скорее всего, существование языковых единиц с этим корнем в пермских говорах связано с переселением жителей Русского Севера в Верхнее Прикамье.

Сближение корня *рем-/рям-* с другими корнями

В пермских говорах фиксируется большое количество слов, называющих старую одежду и обрывки ткани. Кроме корня *рям-/рем-*, это значение выражают единицы с корнями *лоскут-* (*лоскутина, лоскуть, лоскутьё*), *лохмот-* (*лохмотья*), *руб-* (*рубёц*), *ряс-* (*рясы*), *тряп-* (*тряпка, тряпьё*), *шалашол-* (*шалашёлка, шалашолья*) и др. Скорее всего, в результате такой синонимии появляются контаминированные единицы из двух корней:

1) *ремки* + *шалашолья* > *ремшолья*: «*Всё пропиват, одне ремшолья носит*» [КСРГСПК];

2) *рямки* + *шалашолки* > *рямошёлки*: «*Рямошёлки. А то же это, что шолошолки [тряпки]*» [КСРГСПК];

3) *рясы* + *рямушки* > *рясомушки*: «*Ты, сватья, рясомушки-те обрежь на подоле-то, небаско [некрасиво]*» [Подюков (ред.) 2012: 60].

В уральских (в том числе в пермских) и сибирских говорах фиксируются лексемы с корнем *рехм-*: *рехмút, рехмútки, рехмútья, рехмóтьё, рехмóшки* ‘старая, рваная одежда’, ‘обрывки одежды, лохмотья’ [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 79]. Вероятно, эти лексические единицы также возникли в результате контаминации корней: *рем-/рям-* и *лохм-*: *рахмóтья, рехмóтья* из *ремки* + *лохмóтья*; *рехмútки* из *ремки* + *лохмútки* [Филин (гл. ред.) 1981: 162]. Нельзя исключить и появление [х] в корне в результате метатезы. В русских говорах Низовой Печоры, с которыми пермские имеют много общего, отмечается лексема *рямхóтья* (*рехмóтья*) [Ивашко (гл. ред.) 2005: 242], перестановка звуков могла дать *рехмóтья* (*рехмóтьё*).

Возможно, корень *рям-* повлиял и на возникновение у слова *ля́мка* значения ‘обрывки одежды’, которое отмечается в таких примерах:

1) «*Вот своё пряли. Раньше эдь не было [покупной одежды], что где [найдут]: костичу [костру], ля́мку, пока меньше на тряпьё буэт [будет] — всё носили*» [КСРГСПК];

2) в *ля́мках* ходить ‘жить в бедности’: «*У нас ведь богатства-то не было никакого, всю жизнь в ля́мках ходили*» [Прокошева 2002: 403].

Сближение корней, как и в случае со словом *ремень*, происходит на основе семы 'длинная полоса ткани'. Кроме того, такое смешение может быть вызвано меной звука [р] на [л], в пермских говорах такое фонетическое явление отмечается в некоторых словах. Возможно, мена объясняется близостью этих звуков с точки зрения места образования и звучности ([р] и [л] — сонорные плавные).

Слова с корнем *рям-/рем-*, обозначающие человека

В русских говорах Пермского края отмечено несколько слов с корнем *рям-/рем-*, называющих человека по особенностям ношения одежды, социальному статусу. От лексем со значением 'старая, изношенная одежда; лохмотья' часто образуются слова с семантикой 'плохо, небрежно одетый человек'. В некоторых случаях происходит перенос по смежности: *ремушка* 'человек, носящий старую, рваную одежду': *Ремушка ходит в дурных одеждах. Что тебя понудило ходить оборванному?* [КСРГСПК]. Но чаще наименования человека появляются в результате прибавления суффикса:

1) *ремезьё* > *ремезённик*: «Ремушник, чё-то оборвётся, как **ремезенник** ходит» [КСРГСПК];

2) *ряму́ха* > *ряму́шник*: «Ходят в худом одеянии, дак **рямушник** зовут» [КСРГСПК];

3) *ремешолье* > *ремешельник*: «**Ремешельник**, когда плохо одет. Ох, ты ремешельник, в плохой одежде который» [КСРГСПК].

Лексемы с корнем *рям-/рем-* могут также относиться к человеку, который занимался скупкой тряпья: *рямошник*, *ремушник*: «Одноигольные исподки нельзя распустить, изнаются, и всё. Раньше сдавали **рямошнику**; Приёмщик — **ремушник**, который принимает тряпье» [КСРГСПК]. Эти слова в пермских говорах являются синонимичными литературным *тряпичник* и *старьёвщик*.

Часто у лексем со значением 'плохо одетый (человек)' возникает добавочная семантика 'неопрятный, неаккуратный (человек)'. По мнению носителей традиционной культуры, постоянное ношение старой одежды свидетельствует о неряшливости человека. Особые требования к чистоте обычно предъявлялись женщине как хозяйке дома, поэтому в говорах часто отмечаются лексемы, характеризующие женщину с точки зрения аккуратности/неаккуратности. Одним из таких слов в пермских говорах является *рямза* 'неаккуратная, нечистоплотная женщина': «**Рямза** — неаккуратная хозяйка» [КСРГСПК].

Одежда всегда была показателем социального статуса человека, поэтому плохо одетый человек воспринимался как неимущий, бедный.

В пермских говорах лексемы *рямушник*, *рямушница* и сочетание *как рямка* могут характеризовать человека с точки зрения материального достатка: «А чё у нашего брата, **рямушника**, возьмишь... бедно жили»; «Наряжались мы уж больно плохо, ничё у нас не было — нас, бедных, **рямушницами** звали» [Борисова, Прокошева (ред.) 2002: 312]; *У меня денег-то нет, дак и хожу как рямка* [Прокошева 2002: 318]. Не всегда такие производные единицы называют плохо одетых людей, так, в говорах зафиксирована лексема *изрямочник* ‘женщина, увлекающаяся нарядами, тряпками’: «Дак вот Люська-то, последняя, ну, чистой **изрямочник**; всё носит Нюркину одежду, та её бузгат [бьёт] всё время» [Борисова, Прокошева (ред.) 2000: 356]. Слово *изрямочник* в этом значении совпадает с одним из значений слова *тряпичник* ‘о человеке, любящем наряды, придающем преувеличенное внимание одежде, тряпкам’.

В литературном языке у слова *тряпка* существует переносное значение — ‘бесхарактерный, слабовольный, излишне мягкий человек’. Видимо, по аналогии с *тряпкой* у слова *ремок* оно также появляется: *как ремок* ‘о слабовольном человеке’: «Закладывают **как ремки**, на место себя некоторые поставит не могут» [Подюков (ред.) 2012: 36]. Нужно отметить, что подобный тип переноса (кусок, обрывок ткани > человек с определенными характеристиками) довольно часто встречается в диалектной речи. В пермских говорах находим такие примеры: *банная затычка* ‘кляп, тряпка, которыми закрывают отверстие для выхода дыма в бане, в черной избе’ > ‘о человеке зависимом, на побегушках’ [Борисова, Прокошева (ред.) 2002: 313], ‘о нечистоплотном человеке’ [Скитова (гл. ред.) 1984: 331], *шалашёлка* ‘старая, рваная одежда’ > ‘о распутной женщине’ [КСРГСПК].

Фразеология

В пермских говорах отмечено несколько фразеологизмов, в состав которых входят слова с корнями *рям-/рем-*. Так, на территории Прикамья зафиксировано сочетание *рямок на рямокé* ‘о старой, изношенной, рваной одежде’: «Ты на чё ещё эту кофту надеваешь; ведь **рямок на рямокé висит**» [Борисова, Прокошева (ред.) 2002: 312]. Такая модель, основанная на повторе лексемы, довольно распространена в пермских говорах, это же значение имеют фразеологизмы *рубёц на рубёц* и *ряса рясой*. Отмечаются похожие конструкции в севернорусских, уральских и сибирских говорах: *ремек на ремке* ‘о рваной одежде’, ‘о человеке, одетом в лохмотья’ [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 59], *рям за рям, рям на ремку* ‘бедный, оборванный, в лохмотьях’ [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 350]. В говорах Прикамья существует также фразеологизм *трясти ремезьём (тряпками, шалашолками)* ‘ходить в изношенной, рваной одежде’: «У нас все снаряжённы, одетые. Это

уж кака пьяница — придёт, ремеззём тресёт!» [Скитова (гл. ред.) 2011: 46]. Это устойчивое сочетание, видимо, является вариантом *трясти ремками*, которое (с тем же значением) встречается в уральских и сибирских говорах.

Во фразеологии пермских говоров ярко проявляется система ценностей крестьянина, в частности его отношение к одежде. До начала XX века в крестьянском хозяйстве пошив одежды производился из домотканого полотна, производство ткани было долгим и трудоемким процессом, поэтому одежда была ценностью, служила показателем материального достатка человека. В пермских говорах слово *рямки*, как уже было сказано, может обозначать и добротную одежду, на основе этого значения происходит расширение семантики: 'одежда' > 'имущество, материальные ценности'. Это значение находит отражение в устойчивом сочетании *со всеми рямочками* 'полностью, целиком': «*Со всеми рямочками — со всеми вещами, со всеми потрохами*» [КСРГСПК].

Только в говорах Пермского края отмечается фразеологизм *знать свои рямки* 'помнить о своих корнях': «*Так и ростила детей-то, чтоб отцовску фамилию не потеряли, чтобы свои рямки знали*» [КСРГСПК]. В данном устойчивом сочетании у слова *рямки* появляется значение 'начало, происхождение' и 'род, поколение'. Вероятно, на смысл фразеологизма влияет и первое значение слова 'обрывки одежды, ткани', которое ассоциируется с бедностью, нуждой. Скорее всего, для носителей диалекта выражение *знать свои рямки* имеет не только значение, связанное с памятью о своем происхождении, но и с появлением на свет в бедной семье.

Слова с корнями *рям-/рем-*; *ремиз-*; *ремез-*

В пермских говорах слова с корнем *рям-/рем-* могут встречаться с различными суффиксами, в том числе расширение основы происходит и с помощью суффикса *-ез/-з-* (*ремзы́, ремезьё, ремиза́*). Эти лексемы могут быть сближены со словами, содержащими корень *ремиз-*, который является заимствованием из французского языка. Однако и в литературном языке слово *ремиз* с различными значениями, и в говорах *ремизить* 'ругать, срамить' [Борисова, Прокошева (ред.) 2002: 288] фиксируются с ударением на звуке [и], кроме того, значения слов с корнями *рям-/рем-* и *ремиз-* абсолютно не совпадают. В словаре русского языка Д. Н. Ушакова фиксируется лексема *ремиза* (*ремизка*): 1) 'ушко для продевания нитей основы на ткацком станке' и 2) 'хлопчатобумажные остатки, обрезки' [Ушаков 1939: 1336]. Второе значение соотносится с тем, которое содержится в корне *рем-/рям-*, однако ударение в слове *ремиза* (*ремизка*) падает на звук *-и-*. Притом в пермских говорах лексема *ремиза* (*ремизка*) в значении части ткацкого стана не используется, эта деталь называется

словом *ни́тченка* (*ниченка*). Таким образом, пермские диалектные единицы *ремзы́*, *ремезьё*, *ремиза́* не связаны со словами с корнем *ремиз-*.

В Пермском крае отмечены фразеологизмы *ре́мезово гнездо́* ‘о ветхом предмете, пришедшей в негодность вещи’ (*Огородеч-от [забор] пал во всё — чисто ремезово гнездо*; *Куфайка* [фуфайка] *уж ни на чё не находит, вот висится, ремезово гнездо* [Прокошева 2002: 81]) и *ре́мезово тенето́* ‘о ветхом строении’ (*Имба-то у меня уж настояшио ремезово тенето, поправить некому* [Прокошева 2002: 373]). Во втором фразеологизме требует пояснения диалектное слово *тенето*, которое в пермских говорах имеет значение ‘паутина’ [Борисова, Прокошева (ред.) 2002: 436]. Прилагательное *ремезово*, видимо, образовано от названия птицы *ре́мез* ‘птица из семейства синицевых, обитающая по берегам водоемов’. *Ремез обыкновенный* (*Remiz pendulinus*) широко распространен в Европе, встречается также на Урале и в Сибири.

Существуют разные версии происхождения слова *ремез*: 1) заимствование из немецкого (*riedmeise*) через посредство польского языка (польск. *remiz*), в которых также обозначает эту птицу [Фасмер 1987: 467], 2) славянское по происхождению слово, которое этимологически связано с *ремесло* [Черных 1999: 110]. В русских говорах встречаются также однокоренные слова, обозначающие эту птицу: *ремезо́к*, *ремезо́нец*, *ремезя́точки* [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 53], то есть название птицы довольно распространено и знакомо носителям говоров. Словосочетания *ре́мезово* (*ремёзи́ное*, *ремёзно́е*, *ремёзо́нцевое*) *гнездо* в свободном значении зафиксированы в диалектных словарях [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 53]. Видимо, люди всегда обращали внимание на особое строение гнезда: оно напоминает рукавичку, подвешенную к ветке, у которой вместо большого пальца оборудован вход. У восточных славян гнездо ремеза используется в магических практиках: гнездом, подвешенным на палку, могут ударять супругов с целью примирить их, используют в лечении, а также для защиты домашних животных [Гура 1995: 503]. Таким образом, появление фразеологизмов *ремезово гнездо* и *ремезово тенето* в пермских говорах вполне объяснимо, вероятно, они связаны с наименованием птицы. Об этом свидетельствует как ударение на первом слоге прилагательного *ре́мезово*, так и семантика выражений. Образ гнезда, которое строится из шерсти животных, мягких частей растений, паутины и качается на склоненной ветке, мог послужить основой для возникновения выражений со значением ‘ветхий предмет, строение’. Но нельзя исключать и варианта, что на семантику фразеологизмов также повлияли существующие в пермских говорах слова *ремиза́* и *ремезьё*, которые обозначают старую, изношенную одежду.

Интересно, что в говорах Среднего Урала, которые территориально близки пермским, встречается фразеологизм *ре́мезово гнездо* ‘наросст на

дереве' [Матвеев (гл. ред.): 73]. Скорее всего, в основе фразеологизма, который встречается в уральских говорах, лежит сравнение формы гнезда ремеза и наростов на деревьях.

Выводы

Таким образом, в пермских говорах представлено большое количество слов с корнем *рям-/рем-*, но, в отличие от других территорий Урала, а также Сибири, в городской речи эти единицы не встречаются.

Лексика с корнями *рям-/рем-* в пермских говорах унаследована из материнских севернорусских диалектов, в которых, видимо, появилась в результате заимствования из финских языков. Эта версия происхождения слова подтверждается распространением лексических единиц с корнем *рям-/рем-* в значении 'обрывок ткани, тряпка' в севернорусских, уральских и сибирских говорах и отсутствием в средне- и южнорусских диалектах.

В пермских говорах слова с корнем *рям-/рем-* входят в большой синонимический ряд слов, называющих лоскуты, обрывки ткани. Результатом смешения близких по значению слов являются контаминированные единицы, в которых можно выделить элементы двух основ.

На русской почве основа *рям-/рем-* расширяется с помощью различных суффиксов, в пермских говорах отмечено большое количество производных лексем. Слова с этим корнем, включающие суффикс *-ез/-з-*, из-за фонетического сходства и некоторых пересечений в области семантики могут быть отождествлены с лексическими единицами с корнями *ремиз-* и *ремез-*. Однако это разные единицы с точки зрения происхождения, и их сближение можно считать совпадением.

От слов со значением 'лоскут ткани, тряпка' часто образуются единицы, обозначающие человека. Обычно лексемы с корнем *рям-/рем-* называют человека в изношенной одежде, неопрятного человека, а также могут характеризовать его социальный статус и род занятий.

В говорах Пермского края отмечаются фразеологизмы со словом *рямки* (*ремки*), часть из них фиксируется и на других территориях, некоторые являются региональными. В составе устойчивых выражений эта лексическая единица может приобретать значения 'имущество' и 'происхождение'.

Источники

КСРГСПК — картотека Словаря русских говоров севера Пермского края (кафедра теоретического и прикладного языкознания, ПГНИУ, Пермь).

Литература

- Борисова А. Н., Прокошева К. Н. (ред.). Словарь пермских говоров. Вып. 1: А–Н. Пермь: Книжный мир, 2000. 479 с.; Вып. 2: О–Я. Пермь: Книжный мир, 2002. 574 с.
- Гура А. В. Гнездо // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 502–503.
- Ивашко Л. А. (гл. ред.). Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2005. 470 с.
- Матвеев А. К. (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала: Учебное пособие. Т. 5. Свердловск: УрГУ, 1984. 142 с.
- Мельничук О. С. (гл. ред.). Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова Думка. Т. 5. 2006. 705 с.; Т. 6. 2012. 569 с.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1064 с.
- Подюков И. А. (ред.). Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Вып. 3. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2012. 454 с.
- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.
- Скитова Ф. Л. (гл. ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 1. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 399 с.; Вып. 6. Пермь: Перм. ун-т, 2011. 311 с.
- Сметанина Э. В. (гл. ред.). Областной словарь вятских говоров. Вып. 9. П–Р. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014. 231 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Т. 3. 1939. 1424 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1981. Вып. 17. 384 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык. 1999. 560 с.

References

- Borisova A. N., Prokosheva K. N. (ed.). *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. Issue 1: A–N. 479 p.; Perm: Knizhnyi Mir Publ., 2000; Iss. 2: O–Ya. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 2002. 574 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. Vol. 3. 560 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 17. Leningrad, Nauka Publ., 2001. 384 p.

Ю. В. Зверева. «Знать свои рямки»: слова с корнем *рым-/рем-* в русских говорах Пермского края
Yu. V. Zvereva. "Know Your Ryamki": Words with the Root *Ryam-/Rem-* in the Russian Dialects of the Perm Region

- Gura A. V. [Nest]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Ed. N. I. Tolstoj. Vol. 1. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995, pp. 502–503. (In Russ.)
- Ivashko L. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory* [Dictionary of Russian dialects of Lower Pechora]. Vol. 2. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 2019. 470 p.
- Matveev A. K. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 5. Sverdlovsk, Ural Univ. Publ., 1984. 142 p.
- Mel'ničuk O. S. (ch. ed.). *Etimologičnij slovník ukrains'koi movi* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kiev, Naukova Dumka Publ., 2006. 705 p.; Vol. 6. Kiev, Naukova Dumka Publ., 2012. 569 p.
- Myznikov S. A. *Russkij dialektnyj etimologičeskij slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 1064 p.
- Podyukov I. A. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Juzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region]. Comp. by I. A. Podyukov (sci. ed.), S. M. Pozdeeva, E. N. Svalova, S. V. Khorobrykh, A. V. Chernykh. Iss. 3. Perm, Publ. House of Perm. St. Ped. University, 2012. 454 p.
- Prokosheva K. N. *Frazeologičeskij slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm, Publ. House of Perm. St. Ped. University, 2002. 432 p.
- Skitova F. L. (ch. ed.). *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti (Akchimskij slovar')* [Dictionary of the dialect of the village Akchim, Krasnovisherskiy district, Perm region (Akchimskiy dictionary)]. Iss. 1. Perm, Publ. House of Perm University, 1984. 399 p.; Iss. 6. Perm, Publ. House of Perm University, 2011. 311 p.
- Smetanina Z. V. (ch. ed.). *Oblastnoi slovar' vyatskikh govorov* [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Iss. 9. Kirov, Raduga-PRESS Publ., 2014. 231 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 35. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 360 p.
- Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' russkogoazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow, St. Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1939. 1424 p.

Метафорическое переосмысление модных слов (на материале русского и китайского языков)

И Лицунь, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва),
yiliqun@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170015453-7

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждаются модные слова и один из основных семантических процессов, затронувших их, — метафорическое переосмысление, которое активизируется в лексике современного русского и китайского языков. Целью статьи является анализ употребления модных слов не в контексте их словарных значений, а в контексте семантического переосмысления. У носителей современного русского и китайского языков есть общий опыт и перцепция, на которых основывается идентичность метафорического переосмысления некоторых модных слов. Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что феномен языковой моды является предметом исследования в русскоязычной научной среде. Оригинальность статьи заключается в том, что в ней дается классификация типов метафор в контексте их семантического переосмысления на основании собственных наблюдений и сопоставительного анализа. Материалы и результаты статьи могут быть использованы в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, прагматике и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модное слово, семантическое переосмысление, метафора, китайский язык, русский язык

для цитирования: И Лицунь. Метафорическое переосмысление модных слов (на материале русского и китайского языков) // Русская речь. 2021. № 3. С. 60–66. DOI: 10.31857/S013161170015453-7.

Metaphorical Reinterpretation of Trendy Words (On the Material of Russian and Chinese Languages)

Yi Liqun, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), yiliqun@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with trendy words and one of the main semantic processes affecting trendy words — metaphorical reinterpretation of fashion words, which is activated in the vocabulary of modern Russian and Chinese languages. The purpose of the article is to analyze the use of trendy words not in the context of their dictionary meanings, but in the context of semantic reinterpretation. Speakers of modern Russian and Chinese have common experience and perception, which leads to similar metaphorical reinterpretation of some trendy words. The relevance of this article is determined by the study of the language fashion, which is the subject of discussion in the Russian-speaking scientific community. The originality of the article — lay in the author's own observations and comparison of the Russian and Chinese languages. The article gives classification of different types of metaphors in the context of their semantic reinterpretation. The author gives examples based on the results of the study in two languages. The study of trendy words is not only very relevant at present time, but also promising from the point of view of various aspects: cognitive linguistics, cultural linguistics, pragmatics, etc. The article is of interest to specialists and can be used in works devoted to similar topics.

KEYWORDS: buzzword, semantic reinterpretation, metaphor, Chinese language, Russian language

FOR CITATION: Yi Liqun. Metaphorical Reinterpretation of Trendy Words (On the Material of Russian and Chinese Languages). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 60–66. DOI: 10.31857/S013161170015453-7.

Русский и китайский языки претерпевают большие изменения в последние десятилетия. При этом наибольшее влияние на речь оказывает языковая мода. Языковая мода понимается как «меняющееся представление о правильном и эффективном использовании языка, доводимое порой до абсурда» [Костомаров 1999: 20] и «один из регуляторов языкового поведения, обеспечивающего дифференциацию языковых средств по признаку престижности» [Костомаров 1999: 274]. Модные слова можно рассматривать как некую особую хронику общества; соответственно, следует признать их самой информативной и инновационной категорией лексики. Феномен модного слова становится все более актуальным в наше время. Многочисленные научные работы посвящены определению критериев модного слова, конкретным модным словам в определенный исторический период, но мало работ, посвященных теме сопоставительного анализа модных слов в русском и китайском языках в рамках когнитивной лингвистики. Целью настоящей статьи является анализ метафорического переосмысления модных слов, которое активизируется в лексике русского и китайского языков.

По мнению российского социолога А. Б. Гофмана, «современность — основополагающая ценность в структуре моды» [Гофман 2015: 27]. Ученые И. Т. Вепрева и Арто Мустайоки отмечают: «Современность как внутренняя ценность моды принципиально применима для характеристики модного слова, но, с другой стороны, по отношению к слову данный параметр предпочтительнее обозначить как признак новизны и свежести» [Вепрева, Мустайоки 2006: 50]. Как известно, современная изменяющаяся внеязыковая действительность оказывается шире и богаче самого богатого языка, то есть существует асимметрия языкового знака, которая связана с проблемой смысловосприятия и смыслопорождения. Кроме новых слов, к модным словам относятся еще слова, существующие в языке, но развившие новые значения. «Эти слова в устах наших современников все чаще используются в значениях, не указанных в лингвистических словарях, приобретая тем самым новый смысл. Причем именно в новых значениях они становятся необычайно популярными, модными благодаря СМИ, которые способствуют их распространению в обществе» [Панова 2015: 34].

Значительное количество модных слов активизируется путем метафорического переосмысления имеющихся в языке лексем. Метафорическое переосмысление выражается в переносе основанного на сходстве между двумя представлениями наименования, то есть это вторичное использование или вторичная номинация «старого» модного слова. Чтобы выявить переосмысление модных слов, необходимо разъяснить понятия «интенционал» и «импликационал». Согласно В. М. Никитину, интенционалом

является содержательное ядро лексического значения, в котором есть родовое значение (гиперсемы) и дифференциальное значение (гипосемы); импликационалом является периферия семантических признаков, окружающих семантическое ядро с информационным потенциалом [Никитин 1979: 98]. В конкретных употреблениях импликационал некоторых слов входит в семантическое ядро, в результате чего получается новая вторичная номинация. Следует отметить, что сутью данного процесса является метафорическое переосмысление, основывающееся на общих семах между интенционалом и импликационалом. Механизм метафоры позволяет с ее помощью создавать новые языковые значения. Таким образом, метафора из фигуры речи переходит в языковой знак, что приводит к утрате словом или словосочетанием прежней и к приобретению новой референции [Черданцева 1988: 79]. При анализе метафорического переосмысления модных слов в русском и китайском языках часто применяется классическая метафора по сходству следующих аспектов: 1) внешней формы; 2) функций; 3) действий; 4) производимого ощущения или впечатления.

В качестве примера известных модных слов, образованных путем метафорического переосмысления по сходству внешней формы, можно привести следующие: *рогалик* — хлебобулочное изделие, имеющее форму рога; *облом* — поражение, неудача, депрессивное состояние, а буквально означающее место, где что-то обломилось; *裸 (luò)* — только сам человек без ничего (раньше изображающее обнаженное тело); *打虎拍蝇 (dǎhǔ pāiyíng)* — как убивать тигров, так и хлопать мух (бороться с коррупцией на всех уровнях, не щадя ни мелких, ни самых высокопоставленных чиновников) (данная метафора подчеркивает всестороннюю борьбу с коррупцией).

На основе сходства функций строятся такие модные слова: *бабки* — просторечное название денег, изначально так называли выигрыш в старинной русской игре, например, небольшие кости ног копытных животных; в современном русском языке это слово употребляется исключительно во множественном числе и в разговоре о значительных суммах денег. Российский писатель Владимир Новиков отмечает: «У “презренного металла” существует тьма-тьмущая жаргонных кличек: “башли”, “капуста”, “тити-мити”, “лавэ” и прочее. “Бабки” в этом ряду занимают первое и главное место: происхождение у них старинное. Некоторые объясняют его тем, что на ассигнациях XVIII века была изображена Екатерина II (“бабки”), другие вспоминают о народной игре в бабки, некогда воспетой Пушкиным. Игровая версия более убедительна: “бабки” — это всегда выигрыш, внезапно привалившая удача. К ним ведет не труд в поте лица, а смелая афера или шальной предпринимательский успех» [Телия 1996: 14]. К группе слов, образованных на основе сходства функций, также принадлежит модное слово *видеоняня* — цифровое устройство, которое функционирует как няня, помогая наблюдать за малышом.

В современном китайском языке к такой группе можно отнести некоторые модные слова, например: 正能量 (*zhèngéngliàng*) — положительная энергия, которая помогает изменить жизнь к лучшему, воздействует как положительный заряд; 点赞 (*diǎnzàn*) — лайкать, изначально указывало на действие в Интернете (отметить сообщение или публикацию с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью «Like» («Мне нравится»), что добавляет их в избранное на личной странице пользователя социальной сети); в настоящее время такое модное слово входит в китайский литературный язык и означает выражение одобрения кого-то или чего-то.

На основании сходства действий образуются не только модные существительные, но и глаголы. В качестве примера приведем глагол *бомбить*. Словарное значение слова *бомбить* — «несов., перех. Разг. Атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы» [Евгеньева (ред.) 1985: 107]. И оно получает широкое употребление в обыденно-житейских контекстах в разных модных значениях. Приведем примеры: *Когда эта сенсационная информация перестала для многих быть тайной, пресс-службу Минобороны начали яростно «бомбить» вопросыми российские и иностранные журналисты* (В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999), НКРЯ); *Я понимаю, что вы сейчас опять меня будете бомбить статистикой* (В. Павлов. Мы пошли бы другим путем (2001), НКРЯ); *Осознав, что он на восемь лет изолирован от общества, осужденный как с цепи сорвался, начал бомбить жалобами все возможные инстанции, а потом — скорее всего, это был жест отчаяния — написал в Комитет государственной безопасности (тогда он так назывался) о том, что ему известно про убийство, совершенное высокопоставленным чиновником несколько лет назад, и он готов поделиться подробностями в обмен на смягчение своей участи* (Е. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам (2007), НКРЯ). В таких контекстах слово *бомбить* употребляется в значении ‘непрерывно отправлять кому-либо что-либо’ (письма, телеграммы, электронные послания и т. п.).

Модное имя существительное *тормоз* первоначально обозначает устройство, предназначенное для остановки, замедления движения или фиксации в неподвижном состоянии транспортного средства либо движущегося или вращающегося технического узла, а теперь так часто называют человека глупого, медлительного или медленно соображающего. 土豪 (*tǔháo*) — *устар.* местный богач, местный влиятельный человек, местный тиран, а сейчас — почти для богатых. И модное китайское существительное 奇葩 (*qípā*) ‘дивный цветок’ было переосмыслено как ‘чудак’ по сходству с изначальным значением ‘редкость’.

Мегафорическое переосмысление по сходству производимого ощущения или впечатления — наиболее частотный случай. Например, интересным

представляется модное слово *прикол*, которое соединяет значения ‘розыгрыш, насмешка, шутка, хохма и остро́та’. В основе метафоры лежит ощущение как необходимое условие остроумия.

По такому принципу образования в современном китайском языке появилось модное слово 柠檬 (*níngméng*) (лимон) в новом переносном значении — ‘завидовать’. Переосмысление лежащей в основе метафоры базируется на схожести с кислым вкусом лимона.

Безусловно, вышеприведенная классификация не может претендовать на безупречное разделение типов метафор в контексте их семантического переосмысления. Однако выявлено, что наиболее частотными являются метафоры, базирующиеся на разноплановых сходствах. Например, в русской разговорной речи модное слово *ушибить* обладает значением ‘потрясти, нанести душевную рану, сокрушить’, то есть физический удар сравнивается с душевным ударом. Или же китайское модное слово 蚁族 (*yǐzú*) (муравьи, муравьиное племя) именуется безработных или низкооплачиваемых выпускников вузов, живущих по несколько человек в одной комнате. Чтобы заработать на жизнь, они трудятся каждый день по много часов и живут в тесноте, как в муравейнике, без частного пространства.

Итак, процедура метафорического переосмысления заключается в том, что старая форма слова используется для вторичного наименования путем переноса смысла и семантической информации с обозначаемого словом предмета с учетом определенных характеристик. Таким образом, метафорическое переосмысление является одним из продуктивных способов образования модных слов в русском и китайском языках, способствующих установлению и исследованию связей различных особенностей отраженных объектов на основе установления сходств между интенционалом и импликационалом. На продуктивность метафоры как средства создания новых наименований сильное влияние оказывает ее антропометричность. Она выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соотносить что-то новое для себя по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми имеет дело человек в практической деятельности [Телия 1996: 136]. Стремление человека к новому опыту имеет в моде основное значение. Люди устают от старого и страстно желают нового [Гофман 2015: 33]. У носителей русского и китайского языков есть общий человеческий опыт и перцепция, на которых основывается идентичность метафорического переосмысления некоторых модных слов. Конечно, большая разница наблюдается в частотности использования метафорического переосмысления модных слов в данных языках. В обоих языках происходит огромное количество неких уникальных процессов, порождающих значительное количество модных слов, образующихся путем ме-

тафорического переосмысления и выражающих национальную специфику языковых картин мира. Отметим, что исследование модных слов не только очень актуально в настоящее время, но и перспективно с точки зрения различных аспектов: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и др.

Литература

- Вепрева И. Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.
- Гофман А. В. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 2015. 228 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е, стер. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 702 с.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
- Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 91–102.
- Новиков В. И. Словарь модных слов. М.: АСТ: CORPUS, 2018. 352 с.
- Панова М. Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6. С. 34–39.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М.: Наука. 1988. С. 78–92.

References

- Cherdantseva T. Z. [Metaphor and symbol in phraseological units]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 78–92. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (red.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 702 p.
- Gofman A. V. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people. New theory of fashion and fashionable behavior]. Moscow, Nauka Publ., 2015. 228 p.
- Kostomarov V. G. *Yazykovoï vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the era. From observations of the speech practice of the mass media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
- Nikitin M. V. [On the semantics of metaphor]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1979, no. 1, pp. 91–102. (In Russ.)
- Novikov V. I. *Slovar' modnykh slov* [Dictionary of fashionable words]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2018. 352 p.
- Panova M. N. [Fashionable words in the speech of officials]. *Russkaya Rech'*, 2015, no. 6, pp. 34–39. (In Russ.)
- Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996. 288 p.
- Vepreva I. T., Mustaioki A. [What is it, a fashionable word: to the question of the parameters of language fashion]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2006, no. 2, pp. 45–62. (In Russ.)

Просторечная лексика в динамике ее словарного описания

Анна Сергеевна Кулева¹, Лариса Леонидовна Шестакова², Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), an.kuleva@gmail.com¹, lara.shestakova@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170015454-8

аннотация: В статье рассматриваются трудности, возникающие при словарном описании просторечной лексики. Изменения, связанные с динамикой функционирования лексики этого разряда в русском языке, исследуются на материале нового толкового словаря среднего типа с опорой на данные других словарей. Выбранный для анализа небольшой по объему фрагмент, состоящий из словарных статей на букву Ж, иллюстрирует действие основных тенденций в функционировании просторечной лексики: с одной стороны, к выходу определенной ее части из активного употребления, с другой — к повышению стилистической окраски слов, перемещению их в разговорный регистр. В то же время сравнение материалов из словарей разного времени и широкое привлечение данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает неоднозначность этих тенденций, необходимость учета разных факторов, в том числе экстралингвистических, при решении вопросов о сохранении просторечной лексемы в словаре или исключении из него, замены пометы *Прост.* пометой *Разг.* или сочетанием помет и т. д. К числу таких факторов относятся, в частности, принадлежность слова к определенному словообразовательному гнезду, синонимическому ряду и т. п.

ключевые слова: просторечная лексика, толковый словарь, словник, словарная статья, стилистические пометы, Национальный корпус русского языка

для цитирования: Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Просторечная лексика в динамике ее словарного описания // Русская речь. 2021. № 3. С. 67–82. DOI: 10.31857/S013161170015454-8.

благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи_м.

Issues of Modern Russian Language

Substandard Lexis in the Dynamics of Its Dictionary Description

Anna S. Kuleva¹, Larisa L. Shestakova², Vinogradov Russian Language Institute
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), an.kuleva@gmail.com¹, lara.shestakova@mail.ru²

АБСТРАКТ: The article focuses on the difficulties of describing the substandard lexis in the explanatory dictionary. Changes related to the dynamics of its functioning in the Russian language are studied on the material of a new explanatory dictionary of the middle type referring to other dictionaries. The analysed short fragment, composed of dictionary entries beginning with the letter “Ж” [Zh], shows the main trends in the functioning of the substandard lexis. On the one hand, there is a trend of a certain part being withdrawn from active use, on the other hand, there is also a tendency of improving the stylistic coloring of the words, shifting to the sphere of the colloquial language. At the same time, comparing the materials of dictionaries of different times and wide involvement of the Russian National Corpus (RNC) shows the ambiguity of these trends, the need to take into account various factors, including extralinguistic ones, when deciding on the preservation of a substandard lexeme in the dictionary or exclusion from it, replacing the label *Prost.* (Substandard) marked *Razg.* (Colloquial) or a combination of marks, etc. These factors include the belonging of a word to a certain systemic formation (word-formation nest, synonymic row, etc.).

KEYWORDS: substandard lexis, explanatory dictionary, vocabulary, dictionary entry, stylistic labels, Russian National Corpus

FOR CITATION: Kuleva A. S., Shestakova L. L. Substandard Lexis in the Dynamics of Its Dictionary Description. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 67–82. DOI: 10.31857/S013161170015454-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-29-09063 ofi_m.

При работе над современными толковыми словарями русского языка особую проблему представляет не только актуализация словника, но и уточнение стилистической окраски лексики (см. подробнее [Крысин 2011; Цумарев и др. 2017]). Как показывают многочисленные исследования и публикации (см. обзор литературы в [Базаров и др. 2021]), в сфере лексической стилистики на протяжении последнего века произошли существенные изменения, которые можно проследить по авторитетным толковым словарям: как среднего (СУш [Ушаков 1935–1940], МАС [Евгеньева 1981–1984]) и большого объема (БАС-1 [Словарь 1948–1965], БАС-2 [Горбачевич 1991–1994], БАС-3 [Горбачевич, Герд 2004]), так и однотомным (СШв [Шведова 2007]) и специальным (ТСРРП [Крысин 2014]).

Новый толковый словарь среднего объема (по типологии [Ожегов 1952]), работа над которым ведется в ИРЯ РАН (АТoS [Крысин 2016]), отражает, в частности, результаты специально проведенного авторским коллективом исследования, посвященного стилистической стратификации лексики современного русского языка. Одним из направлений этого исследования стал анализ функционирования в языке и описания в словаре просторечной лексики в ее динамике. В ходе работы был составлен словник переходов «из *Прост.* в *Разг.*» на материале четырех томов МАС, 2-е издание которого стало основой для работы над новым словарем. Отметим, что важной частью анализа изучаемой лексики стала верификация ее стилистической окраски по словарям и реальному употреблению (прежде всего по данным НКРЯ, [ruscorpora.ru]).

В сопоставлении с собственно просторечной лексикой разговорная лексика просторечного происхождения оказывается весьма интересным разрядом, на примере которого прослеживаются важные процессы, происходящие в русском языке в последние десятилетия. Признано, что в современном русском языке существует тенденция к увеличению

доли разговорной лексики при сокращении просторечной страты и областной. Во многом это объясняется экстралингвистическими причинами: социальными изменениями, урбанизацией, ролью образования и СМИ и т. д.

Изменения в сфере сниженной лексики, традиционно соотносимой прежде всего с просторечием, можно свести к следующим процессам.

1. Лексический пласт, характеризовавшийся в словарях XIX в. как «простонародный», а в словарях XX в. как «просторечный», был связан с социальным положением определенной группы носителей языка. Ср. утверждение, что просторечие-1 используется «горожанами старшего возраста, не имеющими образования (или имеющими начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом» [Крысин 2003: 56]. Очевидно, что в настоящее время указанные условия перестали играть определяющую роль. Соответственно, и лексика из поля просторечия-1 перестает реально употребляться современными носителями языка, сохраняясь в сфере литературной стилизации, языковой игры и пр. Более того, данный лексический пласт практически не пополняется в настоящее время. Составителей толкового словаря среднего типа это подводит к следующим системным решениям:

- исключить единицу из словника¹ (принимая, что слова такого типа должны отражаться толковым словарем большого объема, а также специальными словарями — устаревших слов и т. п.);
- заменить помету *Прост.* другой пометой или сочетанием помет: *Прост. устар.*, *Устар.*, *Обл.* и др.

2. Ядерную часть современной сниженной лексики составляют экспрессивно окрашенные, оценочные единицы, характерные для ситуации непосредственного общения при снижении не столько социального, сколько морально-этического «порога». Ср. определение, согласно которому просторечие-2 обычно связывается с «горожанами среднего и молодого возраста, имеющими незаконченное среднее образование, не владеющими нормами литературного языка», речь которых «лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована» [Там же].

В этом пласте лексики наблюдаются двунаправленные процессы. С одной стороны, повышение (в последние десятилетия) стилистического статуса некоторых слов и групп слов, с другой — вхождение в язык новых единиц, преимущественно жаргонного происхождения, пополняющих

¹ В данном случае имеется в виду словник АТОС, составленный на основе МАС с привлечением других словарей.

разряд «нового просторечия». Учитывая это, составители словаря приходят к следующим решениям:

- заменить помету *Прост.* пометой *Разг.* или «нулевой пометой» (отсутствием пометы), свидетельствующей о нейтральном статусе данной единицы²;
- заменить помету *Прост.* пометой *Разг.* в сочетании с другими пометами, отражающими экспрессивность или оценочность: *Разг. неодобр.*, *Разг. пренебр.* и др.;
- включить новую единицу в словник, сопроводив ее в словарной статье соответствующим стилистическим маркером; отметим, что список традиционно используемых в толковых словарях помет в АТОС дополнен пометами *Жарг.*, *Сленг.* и *Эвфем.* [Крысин 2016, т. 1: 30–36];
- не включать новую единицу в словник, если нет уверенности в устойчивости ее употребления в языке, подкрепленной убедительными текстовыми примерами, или же в ее допустимости хотя бы на периферии литературного языка.

Названные направления словарной работы рассматриваются в статье с использованием конкретного языкового материала.

Интерес для анализа представляет словарный отрезок на букву Ж, вошедший в т. 3 нового толкового словаря: во-первых, он сравнительно невелик, что делает его легко обозримым; во-вторых, в отличие от многих других алфавитных отрезков, в нем преобладает полнозначная лексика (незначительно количество служебных слов, отсутствуют приставочные образования); в-третьих, слова на букву Ж разнообразны по происхождению (соседствуют исконно русские и заимствованные единицы).

Если на ок. 570 словарных статей на букву Ж в МАС приходится 58 случаев использования пометы *Прост.* и 86 *Разг.* (считая пометы как к слову в целом, так и к отдельным значениям, оттенкам значений и др.), то в рабочих материалах т. 3 АТОС на ок. 540 словарных статей приходится 50 слов с пометой *Прост.* и 100 — с *Разг.*

Для сравнения можно отметить, что в БАС-3 (при очевидным образом большем словнике) ок. 90 раз на выбранном отрезке встречается помета *Прост.* и более 210 *Разг.*

Таким образом, тенденция к сокращению просторечного пласта при расширении разговорного подтверждается количественно. В то же время соотношение рассматриваемых пластов, прослеживаемое по словарям, демонстрирует как их разнородность и неустойчивость, размытость

² Как показывают наблюдения, переход слова из просторечного регистра в нейтральный — явление редкое, соответственно единичны случаи исключения пометы *Прост.* без ее замены другой пометой (ср.: *бобёр* 'бобр').

границ между ними, так и существенные трудности в определении их динамики.

Важной особенностью толкового словаря можно назвать словарную традицию как базовый принцип формирования словника. Иными словами, если та или иная единица была включена в словарь, крайне мала вероятность того, что в более поздних словарях ее не будет. С одной стороны, нет оснований сомневаться в важности названного принципа. С другой стороны, накопление в словнике толкового словаря лексем, введенных без веских оснований, перешедших в состав периферийных единиц, приводит к тому, что словник перестает отражать реальное состояние языка, теряет актуальность. Естественно, лексикографы позапрошлого и прошлого веков не имели в своем распоряжении инструментов, которыми располагает современный исследователь, и должны были ориентироваться на материалы картотек, включавшие и единичные индивидуально-авторские примеры, и свою языковую интуицию. Современные лексикографы, опираясь на корпусные данные и используя корпусные методы, имеют возможность пересмотреть некоторые ранее принятые решения.

Отмеченная проблема особенно характерна для сниженной лексики, которая, в соответствии со сферой своего употребления, весьма подвижна, изменчива, подвержена языковой моде.

Так, например, из словаря в словарь переходит лексема *желть*, однако оценивается она по-разному:

СУш: *Спец.* Желтая краска;

БАС-1: 1. Желтизна. 2. *Спец.* Желтая краска;

МАС, БАС-3: 1. *Спец.* Желтая краска. 2. *Прост.* Желтизна.

Ср. в БАС-2: 1. *Прост.* То же, что желтизна. 2. В проф. речи — желтая краска.

Поиск в НКРЯ дает 34 вхождения в смешении с формой сравнительной степени *желтей*, ср. немногочисленные «чистые» примеры к значению 'желтизна':

Дни желтые — тяжелой той желтью, что бывает у яблок, уже спелых и готовых упасть — чуть только качни, погляди, дунь (Е. И. Замятин. Русь. 1923);

Пусть подышит заодно желтым, иногда даже красным с желтью дымом, что валит из трубы сутки напролет (В. Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине. 1993);

Парень посмотрел на Сашу, и его белые, в красном обводе глаза налились ядовитой желтью ненависти (Ю. Нагибин. О Галиче — что помнится. 1994).

При этом терминологическое значение представлено только двумя устаревшими примерами, один из которых относится к 1795 г. (*Потребныя къ такой разрисовкѣ краски суть слѣдующія: Кремницкія бѣлила, Неаполитанская желть; аврипигментъ, свѣтлая и темная киноварь...*), а другой — к 1970, причем во втором прямо указывается на устарелый характер терминологического сочетания с опорным словом *желть*:

CdS [сульфид кадмия] — важный минеральный краситель. Раньше его называли кадмиевой желтью. Вот что писали про кадмиевую желть в первой русской «Технической энциклопедии», выпущенной в начале XX века... (В. Станцо. Кадмий // Химия и жизнь. 1970).

Характерно, что статья «Минеральные краски» в Википедии, содержащая названия *кадмиевая желть, кассельская желть* или *желть Тернера, кобальтовая желть, неаполитанская желть, сидериновая желть, цинковая желть*, отсылает к явно несовременному источнику (*Менделеев Д. И., Лидов А. П. Краски минеральные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907*). Современные же источники дают такие названия, как *Кадмий лимонный, Кадмий жёлтый, Стронциановая жёлтая, Неаполитанская жёлтая* и др. (Завод художественных красок «Невская палитра» // <https://www.nevskayapalitra.ru/colors/>).

Таким образом, наиболее подходящей для слова *желть* кажется помета *Устар.*, просторечный статус слова не подтверждается, а его включение в словарь среднего объема представляется необязательным.

Словари фиксируют и недолговечные единицы, вызванные к жизни конкретным историческим этапом, прецедентным употреблением и т. п. Так, только в СУш находим следующие единицы:

ЖАНКАРДІСТ (*спец. простореч.*). Рабочий, работающий на жаккардовом станке (на ткацком станке для изготовления узорчатой материи). Ср.: 0 вхождений в НКРЯ.

ЖИВОПЫРКА (*простореч. вульг., из воровского арг.*). Место, где постоянная толчея народа, шум, скандалы. || Чайная, столовая, клуб. Ср. в БАС-3 'тесное помещение, строение', 10 вхождений в НКРЯ: *Строительные рабочие, встречаясь в трактирах, кабаках и живопырках, узнавали друг от друга о житье-бытье столичного рабочего люда* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1939–1945); *Но бабушка с мамой... разменяли квартиру. В результате дед и бабушка оказались в двухкомнатной живопырке (вульг.), то есть маленькой тесной квартире, — зато в центре, на Горюховой, а мама с Вовкой переехали на край света, в самый конец Московского проспекта, зато в двухкомнатную же, но светлую квартиру на*

третьем этаже, с лифтом, лоджией и видом из окна (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // Звезда. 2001).

ЖОРЖИК (*нов. простореч. ирон.*). Матрос-франт. [От уменьш. формы собственного имени Жорж.] В НКРЯ представлены единичные примеры среди десятков употреблений формы личного имени, ср.: *Начали бунт шесть «жоржиков» — матросов в широченных брюках-клеш* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. 1958)³.

В таких случаях составители более поздних словарей нередко идут на то, чтобы не включать подобные лексические единицы в словарь, даже если они подкрепляются реальными текстовыми примерами. Это решение можно признать вполне оправданным.

Как уже отмечалось, лексика так называемого просторечия-1 постепенно выходит из употребления, что находит отражение в толковых словарях. Во многом это связано с экстралингвистическими причинами: начинают ощущаться еще более сниженными и/или перестают употребляться названия ушедших или уходящих реалий, обозначения социальных отношений и т. п. Этот процесс можно наблюдать как на значительном временном отрезке (при сравнении нескольких словарей), так и на материале последних десятилетий (в процессе работы над словарем современного языка). Особенно интересны случаи, когда изменения касаются не отдельного слова, а словообразовательного гнезда, синонимического ряда и др.

Так, в БАС-1 представлен ряд слов, связанных с основным значением глагола *жевать* 'размельчать, разминать пищу во рту':

ЖЕВАНЬИНА '*Простореч.* О чем-либо жеваном или подобном жеваному', так же в БАС-2 и БАС-3, отсутствует в МАС и АТОС;

ЖЕВÓК '*Простореч.* Комок жеваной пищи, жеваной бумаги и т. п.', так же в СУШ, БАС-2 и БАС-3, МАС и АТОС⁴;

ЖЁВКА '*Простореч.* Жеваная пища в тряпке для кормления ребенка; соска'; в БАС-2 — *Обл.*, в БАС-3 — *Устар. и обл.*, в МАС и АТОС отсутствует.

³ Ср. также в БАС-2 и БАС-3: **ЖИВУЛЬКА**, на живульку 'на живую нитку' (13 вхождений в НКРЯ); в БАС-3 **ЖИМАНУТЬ** (5 вхождений в НКРЯ).

⁴ Решение о включении этого слова в АТОС с сохранением пометы *Прост.* было принято по результатам анализа данных НКРЯ и др. источников. Приведем несколько корпусных примеров: *В два жевка съел горбушку, в три глотка молоко выпил, сапожишки на ноги, шапочку на голову, пальтишко в беремя и долой из дому* (В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991); *Дорога кривела рытвинами, словно ее пережевали и выплюнули и жевок засох, сохранив кривые, грубые следы зубов или настырных десен* (З. Прилепин. Санька. 2006).

К этому же гнезду относится слово *жвачка*, см. соотношение значений и компонентов значений этого существительного по разным словарям в табл. 1.

Таблица 1

Словари	Значения, компоненты значений		
	Вторичное пережевывание жвачными животными пищи	Вторично пережевываемая пища (животным или человеком); нечто, предназначенное для жевания (табак, резинка)	<i>перен.</i> Нудное, надоедливое повторение одного и того же
СУш	1	—	2. <i>перен.</i> Нудное, надоедливое повторение одного и того же, в выражении: жевать жвачку (<i>ирон. неодобрит.</i>).
БАС-1	1	2. Табак, резина и т. п., употребляемые для жевания.	~ Жевать (пережевывать) жвачку. Надоедливо повторять одно и то же.
МАС	1	2. <i>Прост.</i> Табак, жевательная резинка и пр., употребляемые для жевания.	◇ Жевать (или пережевывать) жвачку — нудно, надоедливо повторять одно и то же.
БАС-3	1	2. 4. <i>Разг.</i> Табак, резина и т. п., предназначенные для жевания.	3. <i>Перен. Разг.</i> В речи писателей, журналистов — скучный материал. ~ Жевать (пережевывать) жвачку. Надоедливо повторять одно и то же.
СШв	1	— 2. Жевательная резинка (<i>разг.</i>).	3. <i>перен.</i> Нудное повторение одного и того же (<i>разг. пренебр.</i>).

Как видно, в словарях структура словарной статьи различная, что связано, конечно, с типологическими характеристиками словарей. При этом сильно варьирует стилистическая окраска, особенно — окраска значения, передающего сравнительно новую реалию «жевательная резинка»: отмечается нейтральная окраска в БАС-1, в МАС использована помета *Прост.*, в СШв и АТoS — *Разг.*

В АТoS для слова *жвачка* предлагается статья следующей структуры (часть иллюстраций опущена):

ЖВАЧКА, -и, род. мн. -чек, ж. 1. Вторичное пережевывание жвачными животными пищи, возвращающейся из желудка в полость рта. ... || Вторично пережевываемая пища ...

2. Разг. Жевательная резинка. *Жевать жвачку с ментолом. Обертка от жвачки. □ Новости завершились. Пошла обильная реклама жвачек, туалетной воды, --- шоколадных палочек, зубной пасты.* А. Проханов. Господин Гексоген. *Соня разглядывала джинсы Андрюшки, к которым намертво прилипла жвачка. Мальчик научился выдувать пузыри и запихивал в рот сразу несколько пластинок — чтобы пузырь был больше.* М. Трауб. Домик на Юге. || Табак, живица, бетель и др., употребляемые для жевания. *Я — новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть, с табачной жвачкой во рту.* И. Гончаров. Фрегат «Паллада». — *Жвачка? Что ты, какая жвачка... Стой-ка, а ведь была у нас жевательная резинка. Только не в магазине. Мне папка из леса привозил живицу, смолу листовенничную.* О. Колпакова. Большое сочинение про бабушку.

3. перен. Разг. О чем-л. бессмысленном, отупляющем или надоевшем, повторяющемся. *Дамские романы — жвачка для мозгов. □ Он [Комаровский] --- молот и молот что-то нескончаемо скучное все про одно и то же. Его коньком был теперь Дальний Восток. Об этом он и жевал свою жвачку, развивая Ларе и доктору свои соображения о политическом значении Монголии.* Б. Пастернак. Доктор Живаго. *Валя стояла в углу конференц-зала --- и внимательно слушала. Она не могла понять, чем привлекает ее эта бесполезная литературная жвачка, но иногда в словах мэтра, да и его слушателей проскальзывало нечто такое, что поражало своей глубиной и тонкостью.* Т. Тренина. Русалка для интимных встреч.

Таким образом, видим, что реалии 'жеваная пища в тряпке для кормления ребенка' (*жёвка* и *жвачка*) и 'что-л. жеваное или похожее на жеваное' (*жеванина*) уходят далеко на периферию, соответствующие слова можно проиллюстрировать заведомо несовременными примерами (ср.: *Ребенок вдруг заорал благим матом, но Петька посадил его, голенького, на мягкий песок, вынул из кармана соску из тряпки с нажеванным хлебом и сунул ему в рот. Ребенок начал жадно сосать жвачку и замолчал.* Ф. Gladkov. Повесть о детстве); 'жевание табака и пр.' выступает в статусе экзотизма, а на передний план выходит реалия *жвачка* 'жевательная резинка', актуализирующая переносное значение *жевать жвачку* 'нудно говорить', *жвачка* 'что-л. бессмысленное' при затемнении исходного значения, связанного со жвачными животными.

Наиболее важная часть лексики рассматриваемого типа — это слова (а также значения слов), для которых можно констатировать переход из просторечного пласта в разговорный, т. е. повышение стилистического статуса, вызванное ослаблением ограничивающих факторов и расширением сферы употребления лексем. См. примеры из первых двух томов АТoS: *администраторша*, *аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный’, *барахлить*, *бегать* ‘избегать, сторониться’ (*бегать от кого-л.*), *бзик*, *бюлетенить*, *вагон* ‘очень много’, *вертихвостка*, *вещь* ‘нечто значительное, ценное, важное’ (*это вещь!*), *всамделишный*, *выкрутиться*, *высоченный*, *газовать*, *галдеть* и *галдеж*, *грудастый* и т. д. Из третьего тома в этот ряд попадает, например, слово *живот* в значении ‘органы пищеварения (желудок, кишечник)’ (*в животе урчит, живот крутит* и т. п.).

В некоторых случаях изменение в стилистической окраске лексем можно рассматривать как тенденцию к дифференциации лексических единиц в словарном гнезде, синонимическом ряду, тематической группе и пр. Отдельные слова в ряду подобных специфицируются по значению и/или употреблению, стилистической окраске, в других случаях одни единицы вытесняются другими, что также соответствует представлению о том, что именно для сферы сниженной лексики характерна неустойчивость и подвижность, подверженность языковой моде.

Так, в большинстве словарей системно разводятся различающиеся экспрессивным словообразовательным формантом единицы *жарища* и *жарынь*, см. табл. 2⁵.

Таблица 2

единицы	СУш	БАС-1	МАС	БАС-3	СШв	АТoS	ТСРPP
жарища	<i>разг. фам.</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.</i>	—	<i>разг.</i>	<i>неодобр.</i>
жарынь	<i>обл.</i>	<i>простореч.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	[<i>разг.</i>]
жарюга	—	—	—	—	—	—	[<i>разг.</i>]

Эта картина подтверждается и корпусными данными.

Жарища — 137 вхождений в НКРЯ, ср.:

— *Не завтракал, не успел, да и не хочется, вон какая с утра жарыща* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. 1959); *Она выразительно смотрела на Игоря Тюменцева и говорила: — Жарища нынче. Мочи нет. Всю-то я ночь*

⁵ Поскольку ТСРPP описывает разговорную лексику, соответствующая помета в этом словаре не ставится, отмечаются только более сниженные или специфицированные регистры; в таблицах такая подразумеваемая помета обозначается [*разг.*].

насквозь до утра протрадала (И. Грекова. На испытаниях. 1967); Люди в этой ложе сидели серьезные, все в галстуках, а я, по-американски, в шортах (жарища была страшная), в летних сандалиях, в маечке (В. Фетисов. Овертайм. 1997); Представляю, каково в такую **жарищу** пассажирам самого автобуса! (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками. 2005).

Жарынь — 46 вхождений в НКРЯ, ср.:

— Дождем не пахнет? — **Жарынь!** — сказал Тюрин. — У меня ажно утроба перегрелась (Б. Можаяев. Дождь будет. 1966); — Берегла к бане, да ладно, ноне жарынь такая — кажный день баня (Ф. Абрамов. Дом. 1973–1978).

Жарюга — 0 вхождений в НКРЯ.

Похожую картину, но в динамике, демонстрирует пара слов *жадина* vs *жадюга*, особенно в ряду близких по значению слов.

Таблица 3

единицы	СУш	БАС-1	МАС	БАС-3	СШв	АТоС	ТСРРР
жадина	<i>разг. фам.</i>	<i>разг.</i>	<i>прост.</i>	<i>разг.</i>	<i>разг. презр.</i>	<i>разг. неодобр.</i>	<i>неодобр.</i>
жадюга	<i>простореч. фам. укор.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост. презр.</i>	<i>прост.</i>	<i>презр.</i>
жаднюга	<i>простореч. фам. укор.</i>	—	—	—	—	—	—
жадоба	—	—	—	—	—	—	<i>презр.</i>
жаднущий, жаднуший	—	<i>простореч./—</i>	—	<i>прост./прост.</i>	<i>прост./прост.</i>	—	—
жила ²	<i>простореч. неодобрит.</i>	<i>простореч.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост. презр.</i>	<i>прост.</i>	[<i>разг.</i>]
жмот	<i>простореч. обл.</i>	<i>простореч.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>прост.</i>	[<i>разг.</i>]

Очевидно, что на фоне близких по значению слов лексема *жадина* оказывается наименее стилистически маркированной. Более того, здесь трудно говорить о линейном повышении стилистической окраски, поскольку помета *Прост.* стоит только в МАС, тогда как СУш и БАС-1 не столь категоричны. Важно, что собственно стилистическая окраска (т. е. степень «грубости», широта функционирования в различных речевых ситуациях) не напрямую связана с морально-этической оценкой определенной лексемы. Состави-

тели АТoS, меняя приписанную слову в МАС помету *Прост.* на *Разг.*, дополнили ее пометой *неодобр.* (ср. *Разг. фам.* в СУш и *Разг. презр.* в СШв).

Одним из факторов системного изменения стилистической окраски слова является, полагаем, принадлежность к группе слов, объединенных общим словообразовательным элементом. Сравнивая, к примеру, единицы *железина* и *железяка*, можно говорить не только об изменениях в их стилистической окраске, но и о параллельном вытеснении одного слова другим в сходной роли. Согласно [Академос], слов с финалью *-зина* сравнительно немного (ок. 30), причем употребительных лексем сходной стилистической окрашенности почти нет (ср. *взлѳзина*, *выползина*, *желѳзина* и *дрезѳина*, *корзѳина*, *кузѳина*), тогда как слово *железяка* входит в ряд из 15 экспрессивных единиц: *бояка*, *воѳка*, *гулѳка*, *конаяка*, *кривлѳка*, *морозѳка*, *раскорѳка*, *чертѳка* и др. Ср.:

Таблица 4

единицы	СУш	БАС-1	МАС	БАС-3	СШв	АТoS	ТСРРР
железина	<i>простореч.</i>	<i>простореч.</i>	<i>прост.</i>	<i>разг.</i>	—	<i>прост.</i>	[<i>разг.</i>]
железяка	—	—	<i>разг.</i>	<i>разг.</i>	<i>прост.</i>	<i>разг.</i>	<i>пренебр.</i>

Железина — 30 вхождений в НКРЯ, например:

*Щепки летят, кирпичи сыплотся, **железина** какая-то оторвалась, дым, пожар, из трубы горячая вода хлещет* (Ю. Герман. Дорогой мой человек. 1961).

Железяка — 318 вхождений в НКРЯ, например:

*В кустах, как обломки затонувшего корабля в водорослях, чернеют разные **железяки** — ободы автомобильных колес, трубы, какие-то смятые конструкции, проржавевшие котлы* (А. Иванов. Географ глобус пропил. 2002).

Проблема пополнения словника современного толкового словаря среднего типа остается непростой. С одной стороны, для адекватного отражения в словаре разговорного пласта лексики недостаточно выявить лексемы, повысившие стилистический статус с *Прост.* до *Разг.* Понятно, что некоторые единицы по каким-то причинам не были включены в словник «базового» словаря (МАС), в то же время повышение стилистической окраски отдельных слов (например, жаргонного происхождения) произошло «за пределами» словарей. С другой стороны, не всегда очевидна (при всем желании отразить современное состояние языка) необходимость введения в словарь той или иной употребительной сейчас лексемы.

Некоторые слова, известные носителям языка и вполне частотные, не настолько оторвались от своего жаргонного источника, чтобы можно было включить их в словарь литературного языка. См., к примеру, статью, не вошедшую в АТОС:

ЖМУ́РИК, -а, м., одуш. Жарг. Труп, покойник. — *Леша, ты не переусердствуй, — заметил Мусса Рябому. — Нам он живой нужен. Как мы у жмурика узнаем, где спрятаны наши деньги?* А. Ростовский. По законам волчьей стаи⁶.

Для сниженной лексики, как отмечалось, характерна быстрая сменяемость единиц, подчиняющаяся своего рода языковой моде. В связи с этим трудно предсказать, прочно ли войдет в язык та или иная единица, которая сейчас у многих на слуху и кажется распространенной и широкоупотребительной. Так, из рассмотренных словарей только ТСРРР включает оценочное междометие *жесть!*, сопровождая его пометой *жарг.* Примеры употребления этой единицы (также в значении существительного, наречия) в НКРЯ пока немногочисленны, преимущественно в языке прессы, форумов, крайне редко — в художественных текстах, ср.:

Настоящая жесть начинается на 30-й минуте полуторачасового фильма (В. Корецкий. 10 японских ужасов // Русский репортер. 2012);

[Naganja, nick] ...в одной из самых элитных школ — в 2 классах из 4, которые я вела, травля была. В мягкой форме в основном, так как конечно учителя-психологи-родители не допускали **жести** и вели разностороннюю проработку этой проблемы (коллективный. Форум: Комментарии к статье «Забота о детях: почему раннее образование в этом не помощник?». 2012);

— *По городу жесть* какие слухи ходят, — говорит он (В. Лорченков. Бездна. 2012);

Удивился, что Маша терпела и не пожаловалась раньше. Может быть, боялась, предположил я. Про наркотики — вообще жесть (А. Клепаков. Опекун. 2016);

Хорошим тоном считается не склонять бариста: чемпионат бариста (не баристов или барист, боже, как же глупо это звучит...), я встречаюсь с бариста (не с баристой или с баристом, жесть...) (Н. Чистяков. Как говорить с бариста и что заказывать в кофейне? // Афиша Daily. 2018).

Как представляется, введение этой единицы в толковый словарь на данном этапе было бы преждевременным.

⁶ Ср. зафиксированные в словаре с пометой *Жарг.* значения лексем: *ботаник* 'прилежный ученик', *глухарь* 'преступление, которое трудно или невозможно раскрыть', *грохнуть* 'убить, застрелить' и т. п.

Таким образом, можно заключить, что при работе над современным толковым словарем среднего объема просторечная лексика требует от составителя особого внимания. Применение методики сравнительного анализа лексикографических данных, использование системного подхода, широкое привлечение материалов НКРЯ служат объективации процессов (основных и сопутствующих им) в функционировании просторечной лексики и выработке способов их отражения в толковом словаре нового времени.

Источники

Академос. Орфографический академический ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

Литература

- Базаров Е. Э., Кулева А. С., Пестова А. Р., Шестакова Л. Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 42–61.
- Горбачевич К. С. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 5/6 (Е–З). М.: Русский язык, 1991–1994. 908 с.
- Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Крысин Л. П. Просторечие // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 53–68.
- Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–. М., 2014–.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
- Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1935–1940.
- Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Нечаева И. В., Кулева А. С., Грунченко О. М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Bazarov E. E., Kuleva A. S., Pestova A. R., Shestakova L. L. [Substandard vocabulary in the modern explanatory dictionary: changes in the use of vernacular lexemes]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: studies in literature and language]. 2021. Vol. 80. No. 1. Pp. 42–61. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Gorbachevich K. S. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: 20 vols.* [The dictionary of modern standard Russian language]. Vol. 5/6. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1991–1994. 908 p.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1–. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–.
- Krysin L. P. [Vernacular]. *Sovremennyy russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian: social and functional differentiation]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2003, pp. 53–68. (In Russ.)
- Krysin L. P. [The problem of updating the dictionaries of the modern Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: studies in literature and language]. 2011. Vol. 70. No. 1. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 1–.* [Explanatory dictionary of the Russian every day speech. Iss. 1]. Vol. 1–. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014.
- Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1: A – Vilyat'; Vol. 2: Vina – Gyaur. Moscow, Publ. House YaSK, 2016.
- Ozhegov S. I. [On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznavniya* [Topics in the study of language]. 1952. No. 2. Pp. 85–103. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern standard Russian language]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965.
- Tsumarev A. E., Shestakova L. L., Nechayeva I. V., Kuleva A. S., Grunchenko O. M. [“Academic explanatory dictionary of the Russian language”: the traditional and the new]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: studies in language and literature]. 2017. Vol. 76. No. 5. Pp. 5–21. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940.

Функционирование устойчивых сочетаний с компонентом *жар-птица* в современном русском языке

Александр Владимирович Петров¹, Екатерина Викторовна Виноградова²,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Россия, Симферополь)¹,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Россия, Симферополь)²,
liza_nada@mail.ru¹, elnikova.katusha@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S013161170015455-9

АННОТАЦИЯ: *Жар-птица*, являясь сказочным персонажем в славянской мифологии, с глубокой древности привлекала внимание русского человека. Образ *жар-птицы* связан с поиском счастья и лучшей жизни, что сближает с русской волшебной птицей образ *синей птицы*, созданный в западноевропейской культуре. Слово *жар-птица* с течением времени приобрело символическое значение, которое закреплено в различных словарях русского языка. Сочетаясь с другими лексическими единицами, существительное *жар-птица* стало компонентом ряда устойчивых сочетаний, таких, как *ловить/поймать жар-птицу*, *поймать за хвост жар-птицу*, *найти перо жар-птицы*, *жар-птица удачи*. Устойчивые сочетания передают образные значения, восходящие к одной идее — отыскать счастье, добиться удачи. В устоявшихся выражениях с субстантивом *жар-птица* спаянность глагольного и именного компонентов относительно свободная, допускает отдельные вариации, связанные с расширением состава оборота, с заменой глагола, с выбором его супплетивной формы. Для создания картотеки языковых фактов были использованы интернет-источники и материалы Национального корпуса русского языка. В художественных и публицистических текстах отмечено также явление буквализации и контаминации устойчивых

сочетаний. Таким образом, авторская обработка устойчивых сочетаний свидетельствует о непреходящем значении образа *жар-птицы* для духовной культуры народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сказочный образ *жар-птицы*, фразеология, фразеологизмы с компонентом *жар-птица*, трансформация фразеологизмов

для цитирования: Петров А. В., Виноградова Е. В. Функционирование устойчивых сочетаний с компонентом *жар-птица* в современном русском языке // Русская речь. 2021. № 3. С. 83–90. DOI: 10.31857/S013161170015455-9.

Issues of Modern Russian Language

The Functioning of the Word-Combinations with the *Firebird* Component in Modern Russian

Alexander V. Petrov¹, Ekaterina V. Vinogradova², V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Russia, Simferopol)¹, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Russia, Simferopol)², liza_nada@mail.ru¹, elnikova.katusha@yandex.ru²

АБСТРАКТ: The firebird, a fairy-tale character in Slavic mythology, has attracted the attention of Russian people since ancient times. The image of the firebird is associated with the search for happiness and a better life, which brings it together with the bluebird, created in Western European culture. Over time, the word *firebird* acquired a symbolic meaning, which is fixed in various dictionaries of the Russian language. Combined with other lexical units, the noun *firebird* has become a component of a number of word-combinations, such as *ловить/поймать жар-птицу*, *поймать за хвост жар-птицу*, *найти перо жар-птицы*, *жар-птица удачи*. All these fixed expressions convey figurative meanings that go back to one idea — to find happiness and good luck. In fixed expressions with the substantive *firebird*, the cohesion of the verbal and nominal components is relatively free. It allows for

individual variations associated with the expansion of the composition of the expression, the replacement of the verb and the choice of its supplementary form. In literary and journalistic texts, the phenomenon of literalization and contamination of fixed expressions is also noted. Thus, the author's usage of the fixed word-combinations proves the timeless significance of the image of the firebird in Russian culture.

KEYWORDS: image of the firebird in fairytales, phraseology, phraseological units with a *firebird* component, transformation of phraseological units

FOR CITATION: Petrov A. V., Vinogradova E. V. The Functioning of the Word-Combinations with the *Firebird* Component in Modern Russian. Russian Speech = *Russkaya Rech'*. 2021. No. 3. Pp. 83–90. DOI: 10.31857/S013161170015455-9.

Стремление к обретению счастья, лучшей жизни во все времена было целью человека. В русской языковой традиции эта мечта отражена в устойчивом сочетании *обетованная земля* 'желательное, давно с нетерпением ожидаемое'. А выражение *обетованную землю увидеть* иносказательно означает 'достигнуть желанной цели' [Михельсон 1902: 90]. Достижению цели может помочь *жар-птица* — образ, созданный устным народным творчеством: «сказочная птица с ослепительно светящимися, сверкающими перьями» [Федоров 1997, т. 2: 165], «волшебная птица со сверкающими, горящими, как жар, перьями» [Кузнецов 2000: 300].

Порядок следования компонентов в сложном слове является стабильным, вместе с тем есть и исключения: *Это, слышь ты, не пожар, Это свет от птицы-жар* (П. П. Ершов); *Птицу-жар держу рукой, Да поменялся б я с тобой На карман пустой* (А. Розенбаум).

Художественный образ, связанный с жар-птицей, находит реализацию в конструкциях с творительным метафорическим, в которых актуализируются семантические признаки сияния, свечения, огня: «...*встает заря во всей красе Струистым оперением жар-птицы* (Вс. А. Рождественский); *Но — «мама» шепну я — и вспыхнет жар-птицею дерево, И как бы в упор на меня изольется сиянье...* (В. Блаженный); а также во фразах с отрицанием «не» в значении 'не волшебник': *Ну хорошо они б меня расстреляли. Подумаешь! Я не жар-птица. Я должен тренироваться ежедневно подобно тому, как скрипач нудит свои гаммы* (Александр Митта, Валерий Фрид, Юлий Дунский. «Гори, гори, моя звезда», к/ф (1969)).

В других лексикографических источниках отмечается символическое значение образа жар-птицы: «О чем-л. трудно достижимом, о счастье,

удаче в чем-л.» [Солганик 1995: 177]; «О чем-л. очень желанном, но трудно достижимом, недосыгаемом» [Берков, Мокиенко 2000: 163].

Фольклорный образ жар-птицы, связанный в сознании русского народа с чем-то необычным, недостижимым, но вместе с тем приносящим счастье и удачу (что следует из сюжетов сказок о жар-птице) [Зубкова 2017; Петров, Виноградова 2019], лежит в основе идиомы *поймать жар-птицу*, представленной в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [Баранов, Добровольский 2007: 899], в «Тезаурусе русских идиом» [Баранов, Добровольский 2018: 502] и в «Русской фразеологии. Историко-этимологическом словаре» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 218]. В последнем словаре выражение представлено в форме *поймать жар-птицу* и имеет толкование 'поймать свое счастье'. В первых двух словарях-тезаурусах фразеологизм имеет форму *поймать... жар-птицу [за хвост]*, относится к таксону 76.1.1 ВЕЗЕНИЕ, УДАЧА, не имеет дефиниции, снабжен иллюстративными контекстами употребления. Фразеологизм *поймать жар-птицу* отражен также в украинском издании «Світ фразеологізмів» [Забіяка, Забіяка 2014] в значении 'стать счастливым, достичь чего-то значительного' (перевод с укр. языка наш).

Устойчивое сочетание *поймать жар-птицу* активно функционирует в речи. Ср.: *Не хочешь — сапожничай, счетоводствуй, плутуй с совестью и навсегда лишишь спокойствия человека, видевшего, но не сумевшего поймать жар-птицу* (А. И. Батюто. Дневник); *Каждое утро кажется, что вот уже поймал жар-птицу, а к полудню она выглядит бесхвостой, обципанной курицей* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов).

В отдельных контекстах с жар-птицей сопоставляется журавль: *Журавль, он же моя жар-птица, далеко в небе* (А. Т. Гладилин. Прогноз на завтра). Такая параллель подчеркивает несбывшиеся надежды героя на счастье и лучшую жизнь. Во фразеологическом фонде русского языка зафиксированы устойчивые выражения с компонентом «журавль»: «журавль в небе» 'о чем-л. весьма далеком, недостижимом' [Федоров 1997, т. 1: 237] и «поймать журавля в небе» с пометой *ирон.* 'добиться невозможного' [Федоров 1997, т. 2: 112].

В художественных текстах прослеживается трансформация фразеологизма «поймать жар-птицу», обусловленная а) расширением его компонентного состава и б) актуализацией глагола несов. вида из супплетивной пары «ловить — поймать»: *А теперь... теперь я... куда хочу уйду! Жар-птицу ловить уйду, за самые за тридесять земель!* (М. Горький); *Лови жар-птицу в осинової роцце, ищи княжон по постоялым дворам* (А. В. Амфитеатров); *Нам самим свою Жар-птицу ловить, коли есть хоть какая к тому способность* (Б. Васильев). По мнению героя произведения Бориса Васильева «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» (1998), каждый русский человек своим трудом должен строить свое счастье — «свою

Жар-птицу» — в зависимости от своих способностей и не надеяться на удачу или государство.

В «Большой словарь крылатых слов русского языка» включен фразеологизм *найти перо жар-птицы* [Берков, Мокиенко 2000: 295]. В издании отмечается, что «выражение образовано на основе фольклорного оборота *жар-птица*. Отыскать счастье, добиться удачи. *В их душах я хочу поселить уверенность в успехе. Я его гарантирую. Только захотите — и вы добудете перо жар-птицы*. Пр., 23.05.90. *Беженцы из Баку надеялись в Ленинграде найти свое перо жар-птицы, зажечь наконец счастливой жизнью без национального напряжения и страха за жизнь*. М. М. Киенков. Деканские былички. *Добыть перо жар-птицы; достать перо жар-птицы*». [Берков, Мокиенко 2000: 295]. Наряду с устойчивым сочетанием *найти перо жар-птицы* в словарной статье представлены выражения с варьирующимися предикатами *добыть перо жар-птицы* и *достать перо жар-птицы*.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой объединены предикаты *найти/достать*: «найти (достать) перо жар-птицы» ‘перен.: о счастье, удаче’ [Ожегов, Шведова 2006: 190]. Однако, как показывают интернет-источники, контексты с вариантными предикатами *достать/добыть перо жар-птицы* являются единичными: — *Спасибо! — говорит царь. — Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и саму птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!* (russiapost.su/archives/211862); *Для тебя перо Жар-птицы Я добуду вновь* (В. С. Соловьев). В Национальном корпусе отражены контексты и с предикатами *ухватить, ухваченный*: ...у вас появится шанс *ухватить «перо Жар-птицы»* (А. Бастрич); *Искусство — ...духовная и эстетическая побудительная высьота, осуществленная мечта человека, ухваченное перо жар-птицы и проретеев огонь человеческих исканий и побед* (В. В. Библихин).

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова зафиксировано устойчивое сочетание *ловить/поймать за хвост что*, означающее: ‘разг. ирон. 1. Стремиться получить, добыть что-либо трудно дающееся. 2. Удачно находить, обнаруживать что-либо; наталкиваться на что-либо’ [Федоров 1997, т. 1: 355].

Этот фразеологизм используется в различных тематических сферах, таких, как экономика, банковская среда, борьба с браконьерством, толкование сновидений и др. Порядок именных компонентов является относительно свободным, о чем свидетельствует языковое пространство Интернета: «*Поймать валюту за хвост*» — выражение функционирует в среде работников банка и означает ‘выгодно провести операции с валютой’; «*Поймать за хвост лето*» — о желании успеть отдохнуть в конце лета; «*Поймать судьбу за хвост*» — название книги современной писательницы Анастасии Левковской.

В контекстах по частоте встречаемости доминирует форма глагола совершенного вида, поскольку смысл, передающийся глаголом несовершенного вида *ловить*, не является показателем достигнутого результата, тогда как для носителя языка важно уже пойманное/найденное/добытое.

Кроме этого, у предиката в составе фраземы была выявлена семантическая валентность объекта, реализованная одушевленными именами: *ловить/поймать за хвост кого*. Ср.: «**Браконьеров поймали за хвост**» — инспекторам удалось одержать победу в борьбе с браконьерами; «**Поймать петуха за хвост**» — отмечается удачное распределение экономических ресурсов страны. В заголовке статьи актуализируется свободное словосочетание с буквализацией слова-компонента *хвост*.

Частотным распространителем рассматриваемой фраземы является лексема «жар-птица», что, по всей видимости, отражает результат процесса контаминации двух фразеологизмов: *ловить/поймать за хвост что* — *ловить/поймать жар-птицу* → *ловить/поймать за хвост жар-птицу*. Достаточность контекстов употребления устойчивого сочетания свидетельствует о формировании новой образной единицы: *В этот сезон он хочет поймать за хвост «жар-птицу», а затем перейти на более крупных животных: бегемота, слона и динозавра* (Скульптор с портняжными ножницами (2003) // Сад своими руками. 2003.05.15); *Именно поэтому я подумал, что поймал жар-птицу за хвост: мой старший товарищ научит меня делать бизнес, а я как человек «с хорошим потенциалом» обязательно сделаю целое состояние на умении делать и организовывать продажи* (Д. В. Нежданов); «*Как поймать за хвост жар-птицу под названием уверенность в себе?*» — статья психолога о том, как повысить самооценку; «*Поймай за хвост свою жар-птицу*» — высказывание, означающее ‘найти себя в жизни, стремиться к своей мечте’. Наблюдается употребление императива и расширение устойчивого сочетания определительным местоимением «свой».

Устойчивые сочетания могут передавать разные фазы действия: *ловить* — *поймать* (схватить, ухватить) — *держать* — *поддерживать* — *отпустить* — *упустить*: *...ухватил жар-птицу за хвост* (В. Некрасов); *схватить за хвост жар-птицу* — утверждение, свидетельствующее о том, что крестьяне смогли найти выход из экономического кризиса (<https://mediazavod.ru>); *Он держал почти за хвост Жар-птицу* (А. Кралина).

Заголовок статьи «*Подержали жар-птицу за хвост и отпустили*» акцентирует внимание на начинающей команде по теннису, у которой еще мало опыта в больших соревнованиях; *Не поминайте лихом глупого инженера, который упустил жар-птицу* (Иосиф Хейфиц, Юрий Герман. «Дорогой мой человек», к/ф (1958)).

Рассматриваемое выражение часто употребляется с отрицанием: *Но мы не поймем жар-птицы, Она ускользнет из рук. И мост, что в юность*

стремится, Под нами подломится вдруг (А. А. Баркова); *Кому подняться лень с постели, / За хвост жар-птицу не поймать* (Н. Цветкова); *...не схватили жар-птицу за хвост* (о проигрыше хоккейной команды)¹.

В современном русском языке наблюдается регулярная генитивная метафора *жар-птица* *удачи*: *Не их вина, что жар-птица* *удачи* *в самый последний миг выпорхнула* (Студенческий меридиан. 1985); *Жар-птица* *удачи* *попадает в руки тому, кто страстно желает ее поймать* (С. Шведов); *«Жар-птица* *удачи»* — статья о везении и невезении, которые, по мнению автора, имеют физическую природу (М. Зильберман); *Жар-птица* *удачи* — фигурка из полимерной глины, из объявления о продаже в Красноярске. Изменение падежного значения приводит к разрушению устойчивого выражения: *Жар-птицу* *удачу* *увидела я, Она привлекала, манила, дразня* (А. Страутыня).

Таким образом, в различных лексикографических источниках зафиксированы устойчивые сочетания *ловить/поймать жар-птицу, найти перо жар-птицы, жар-птица* *удачи, поймать за хвост жар-птицу*, которые отражают ценность для народного сознания вопроса о поиске счастья и лучшей жизни. В качестве варьирующихся глагольных компонентов выступают предикаты совершенного вида (*добыть, достать, ухватить, держать, ухватиться, схватить, поддержать*), что подчеркивает важность стремления к результату — обретению счастья, *удачи*.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир Энциклопедий Аванта+, 2007. 1134 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Тезаурус русских идиом. М.: Лексрус, 2018. 888 с.
- Берков В. П., Мокиенко В. М. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. 624 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: АСТ, 2007. 928 с.
- Забіяка В. А., Забіяка І. М. Світ фразеологізмів. Київ: Академія, 2014. 304 с.
- Зубкова Е. Н. Лексема *жар-птица* как номинация русской фантастической птицы и особенности ее функционирования в русском языке // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь, 2017. № 4 (39). С. 319–341.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

¹ В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [Баранов, Добровольский 2007: 899] и «Тезаурусе русских идиом» [Баранов, Добровольский 2018: 502] представлена следующая форма леммы идиомы *поймать... жар-птицу [за хвост]*, где отточие обозначает варьирующийся глагольный компонент, а в квадратные скобки помещен факультативный компонент фразеологической единицы.

- Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: Т. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Имп. акад. наук, 1902–1903. Т. 1. 1902. 779 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.05.2021).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ технологии, 2006. 944 с.
- Петров А. В., Виноградова Е. В. Образ жар-птицы в сказках русских писателей и искусстве // Гуманитарно-педагогическое образование. 2019. Т. 5, № 3. С. 61–66.
- Солганик Г. Я. Стилистический словарь публицистики. М.: Русские словари, 1999. 650 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1: А – М. 390 с.; Т. 2: Н – Я. 396 с.

References

- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki* [Dictionary-the-saurus of modern Russian idioms]. Moscow, Mir Entsiklopedii Avanta+ Publ., 2007. 1134 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Tezaurus russkikh idiom* [Thesaurus of Russian idioms]. Moscow, Leksrus Publ., 2018. 888 p.
- Berkov V. P., Mокienko V. M. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov russkogoazyka* [A large dictionary of winged words of the Russian language]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2000. 624 p.
- Birikh A. K., Mокienko V. M. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow, AST Publ., 2007. 928 p.
- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogoazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997. Vol. 1: А – N. 390 p. Vol. 2: N – YA. 396 p.
- Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogoazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii: Sb. obraznykh slov i inoskazanii: T. 1–2* [Russian thought and speech: Your own and someone else's: The experience of Russian phraseology: Collection of figurative words and allegories: Vol. 1–2]. Vol. 1. St. Petersburg, Imp. Akad. of Sciences Publ., 1902. 779 p.
- Natsional'nyi korpus russkogoazyka [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 05.05.2021).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogoazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2006. 944 p.
- Petrov A. V., Vinogradova E. V. [The image of the Firebird in the fairy tales of Russian writers and art]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2019, no. 5 (3), pp. 61–66. (In Russ.)
- Solganik G. Ya. *Stilisticheskii slovar' publitsistiki* [Stylistic dictionary of journalism]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1999. 650 p.
- Zabiyaka V. A., Zabiyaka I. M. *Svit frazeologizmiv* [World of phraseological units]. Kiev, Akademiya Publ., 2014. 304 p.
- Zubkova E. N. [Russian Firebird lexeme as a nomination of a Russian fantastic bird and features of its functioning in the Russian language]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2017, no. 4 (39), pp. 319–341. (In Russ.)

Из истории русского языка

Корифей пропаганды, или Риторика Сталина

Раиса Иосифовна Розина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, РГГУ
(Россия, Москва), rorozina@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170015456-0

АННОТАЦИЯ: В статье делается попытка ответить на вопрос, какими методами Сталин воздействовал на свою аудиторию. Автор статьи доказывает, что важную роль в успешном манипулировании сознанием читателей и слушателей играла в первую очередь организация текста. Каждый текст четко членится на вступление, в котором излагаются основные тезисы, основную часть, в которой последовательно развивается каждый из тезисов, перечисленных во вступлении, и заключение, в котором снова перечисляются те же тезисы уже как выводы из основной части. Важную роль играли приемы упрощения восприятия текста, в частности это обязательное указание числа тезисов, очень простой синтаксис и жесткая связь между предложениями внутри каждого абзаца, основанная на повторе последнего слова предшествующего предложения в начале следующего. Помимо этого, Сталин часто использовал такие методы удержания внимания читателя как риторический вопрос и вопросно-ответный ход, имитирующий вовлеченность читателя в обсуждение, хотя ответ на поставленный вопрос давал сам Сталин. Автор статьи доказывает, что логика сталинских текстов лишь кажется безупречной: впечатление логичности, ясности и доказательности рассуждений создается благодаря четкой организации текста и его упрощенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: организация текста, связность текста, риторика, вопросно-ответный ход, риторический вопрос, повтор, ораторское искусство, язык Сталина

для цитирования: Розина Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Русская речь. 2021. № 3. С. 91–103. DOI: 10.31857/S013161170015456-0.

From the History of the Russian Language

The Giant of Propaganda, or Stalin's Rhetoric

Raisa I. Rozina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences),
Russian State University for Humanities (Russia, Moscow), rarozina@yandex.ru

ABSTRACT: The article addresses the question of which methods Stalin used to influence his audience. The author argues that an essential role in manipulating his readers and listeners was in the first place played by clear text organization. Each text was segmented into the introductory part, where all the talking points were enumerated, the main part, in which the talking points given in the introduction were extended, and the conclusion, in which the same talking points were listed again, now as a summary of the ideas discussed in the main part. An important role was played by various ways Stalin used to simplify the text. One example is an almost obligatory indication of how many talking points were going to be considered, along with a very simple sentence syntax and a rigid relationship between sentences within each paragraph, based on the repetition of the last word of the preceding sentence at the beginning of the following one. Besides, Stalin often used such methods of keeping the reader's or listener's attention active as rhetorical questions and question-answer sequences imitating the reader's or listener's engagement in the discussion, though the answer to the question was supplied by Stalin himself. The author argues that the logics of Stalin's texts just seems impeccable. The impression of logical consistency, clarity and validity of reasoning is produced by a clear text organization and its simplicity.

KEYWORDS: text organization, cohesion, rhetoric, a question-answer sentence, a rhetorical question, repetition, public speaking, Stalin's speech

FOR CITATION: Rozina R. I. The Giant of Propaganda, or Stalin's Rhetoric. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 91–103. DOI: 10.31857/S013161170015456-0.

*Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетний,
И не видать еще конца.*

А. Т. Твардовский
«По праву памяти»

Эта статья была написана и опубликована ровно 30 лет назад в издании научно-популярной серии «Наука убеждать. Риторика» [Розина 1981]. Внезапно возникший в последние несколько лет интерес к личности Сталина и попытки снова поднять его на пьедестал побудили автора вернуться к своему тексту и внести в него некоторые изменения и дополнения. Статья печатается в новой редакции.

Несмотря на большое число исследований, посвященных личности Сталина, его способность воздействовать на аудиторию остается загадкой. Умение убеждать своих слушателей и читателей в правоте своих утверждений идет вразрез со сложившимся представлением о Сталине как об ораторе. «Сталин научился хорошо писать по-русски, однако свободно говорить так и не мог до конца жизни. Он говорил по-русски лишь тихим голосом, медленно и с сильным грузинским акцентом. В революционной среде, где ораторские способности ценились особенно высоко, Сталин постоянно испытывал чувство неполноценности» [Медведев 1990: 15–16]. Логику сталинских текстов обычно развенчивают: ее считают примитивной, «семинарской» и даже вообще противоречащей всякой логике. «Тайна логики Сталина состояла в том, что никакой логики не было» [Баткин 1989: 93]. И тем не менее, вопреки примитивности логики и даже — если они были — вопреки логическим нарушениям, в текстах Сталина и в его выступлениях было нечто, заставлявшее, по свидетельству многих его современников, воспринимать их как глубоко значительные. Андрей Платонов, уже испытавший на себе гнев Сталина за опубликованный в 1929 году в журнале «Октябрь» рассказ «Усомнившийся Макар» [Варламов 1913: 49], в 1932 году, тем не менее, писал о чувствах героя своей повести инженера Вермо: «В вещах Босталоевой Вермо нашел “Вопросы ленинизма”¹ и стал перечитывать эту прозрачную книгу, в которой дно истины ему показалось близким, тогда как оно на самом деле было глубоким, потому что стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких применений смешных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени

¹ Очевидно, имеется в виду первое издание сборника трудов Сталина, вышедшее в 1926 году.

и мира. Читая, Вермо ощущал спокойствие и счастливое убеждение верности своей жизни, точно старый товарищ, неизвестный в лицо, поддерживает его силу» (А. Платонов. Ювенильное море). Недавний пост в социальной сети «Facebook» редактора нового издания сборника статей Сталина М. Л. Гречко свидетельствует о том, что такое восприятие его текстов можно встретить и сейчас, ср.: «Отправила в издательство очередную законченную работу. На этот раз я всего лишь “редактор-составитель”, автор предисловия и аннотаций, а вот сама книга внимания заслуживает. Это сборник статей Иосифа Виссарионовича Сталина. <...> Работать над сборником было безумно интересно! Но и достаточно трудно. Харизма автора невероятна, она подавляет. Собранность, безукоризненное владение логикой, четкость мысли — поражают. Прорабатывая его статьи разных лет, можно заметить, как этот человек постепенно мобилизовывал сам себя, как избавлялся от того, что считал слабостями. Так ладонь напрягается, медленно сжимаясь в кулак, становясь оружием» (07.04.2021)².

Из исследований политических текстов известно, что успешность их воздействия прямо зависит от того, насколько верно автор текстов представляет себе свою аудиторию. Текст должен быть понятен тем, кому он адресован: он должен апеллировать к эмоциям определенной группы людей, поэтому «образ аудитории» определяет структуру текста, который строится не по законам формальной логики, а в соответствии с логикой мышления целевой аудитории. Это же определяет способы развертывания отдельных положений текста и выбор языковых средств, повышающих его эмоциональное воздействие.

Задачей Сталина было завоевать массы людей, большая часть которых не имела образования; поэтому естественно стремление Сталина максимально упростить восприятие своего текста. По-видимому, с этим связано использование приема, во многом определяющего своеобразие сталинских текстов: сознательное обнажение структуры текста, «выведение ее на поверхность».

При восприятии текста читателю, как правило, приходится проделать определенную работу по выведению и логическому упорядочиванию ее содержания. Иногда автор облегчает читателю эту задачу, кратко излагая содержание отдельных частей текста, как, к примеру, это делает Франсуа Рабле в названиях глав «Гаргантюа и Пантагрюэля», ср.: «Глава XXXIII. О том, как Пантагрюэль накрыл языком целое войско, и о том, что автор увидел у него во рту», или Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера», ср.: «Глава VI. О жителях Лилипутии; их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране. Реабилитирование им одной знатной дамы».

² <https://www.facebook.com/maria.grechko.9>

Сталин практически освобождает своих читателей от активной деятельности по осмыслению текста, с помощью целой системы средств выделяя основные положения его содержания. Прежде всего этому служит обязательное разделение даже самых небольших текстов на части и оглавление частей. Соотношение заглавий частей текста полностью соответствует принципам, по которым строятся планы образцовых школьных сочинений: вступление; основная часть, пункты которой раскрывают содержание текста по принципу «от общего к частному» и, в свою очередь, делятся на подпункты по тому же принципу; заключение. Построенный таким образом текст может быть легко воспринят даже теми читателями или слушателями, которые имеют лишь начальное школьное образование: автор строит его именно так, как их учили, не делая никаких «зигзагов» в сторону, никаких отступлений от основной линии и вдобавок подчеркнуто демонстрируя, как он строит текст. Но еще важнее, чем логика соотношения заглавий отдельных частей с общим названием его текста, информативность «плана» текста.

В совокупности заглавия частей сталинского текста представляют аннотацию к нему, сделанную самим автором, например: «Итоги первой пятилетки. I. Международное значение пятилетки. II. Основная задача пятилетнего плана и пути ее осуществления. III. Итоги пятилетки в четыре года в области промышленности. IV. Итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства. V. Итоги пятилетки в четыре года в области улучшения материального положения рабочих и крестьян. VI. Итоги пятилетки в четыре года в области товарооборота между городом и деревней. VII. Итоги пятилетки в четыре года в области борьбы с остатками враждебных классов. VIII. Общие выводы» [Сталин 1952: 396–432]. Или: «Год великого перелома. I. В области производительности труда. II. В области строительства промышленности. III. В области строительства сельского хозяйства. Выводы» [Там же: 294–305].

В некоторых случаях совокупность заглавий даже содержательнее, чем обычная аннотация: они сообщают не только о чем идет речь в тексте, но и что именно утверждается в каждой его части, как это происходит в «Речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников», первая часть которой называется «Путь колхозов — единственно правильный путь», а вторая — «Наша ближайшая задача — сделать всех колхозников зажиточными»³.

Прием выведения содержательной структуры текста на поверхность Сталин осуществляет и другим способом — формируя основной тезис каждой части своего текста в ее начальных абзацах:

«Я говорил выше о классовых сдвигах и о классовой борьбе в нашей стране. Я говорил, что группа Бухарина заражена слепотой и не видит

³ В английской терминологии эти два типа аннотации различаются и называются соответственно indicative abstract и informative abstract.

этих сдвигов, не понимает новых задач партии. Я говорил, что на этой почве возникли у бухаринской оппозиции растерянность, боязнь трудностей, готовность спасовать перед ними.

«В чем состоит теоретическая основа этой слепоты и этой растерянности группы Бухарина?»

Я думаю, что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию Бухарина о вращении кулачества в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата.

«Вторая ошибка Бухарина, вытекающая из первой его ошибки, состоит в неправильном, в немарксистском подходе к вопросу об обострении классовой борьбы, об усилении сопротивления капиталистических элементов социалистической политике Советской власти».

«Третья ошибка Бухарина касается вопроса о крестьянстве... При характеристике крестьянства у него выпадает факт дифференциации крестьянства, исчезает куда-то наличие социальных группировок и остается одно лишь серое пятно, называемое деревней» [Сталин 1952: 240–248].

Если бы не кавычки, которыми мы отделили абзацы, выписанные из начал идущих друг за другом частей работы Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)» (IV. Разногласия по линии внутренней политики: а) О классовой борьбе; б) Об обострении классовой борьбы; в) О крестьянстве), можно было бы подумать, что перед нами связный текст. Поэтому если совокупности заглавий частей сталинских работ представляют сделанные им самим аннотации к собственным произведениям, то начальные абзацы частей, взятые в их последовательности, составляют рефераты его работ. Именно с этой особенностью сталинских текстов связано, очевидно, распространенное среди представителей того поколения, которому приходилось изучать произведения Сталина, мнение о том, что Сталина легче конспектировать, чем Ленина: конспект был дан готовым, он содержался в самом тексте.

Вызывающая насмешку любовь Сталина к точному указанию того, о скольких именно положениях, признаках и т. п. пойдет речь («шесть новых условий развития промышленности» [Сталин 1952: 364], «три основных момента достижений за истекший год по линии хозяйственного строительства» [Сталин 1952: 294], «две серьезных ошибки Рыкова» [Сталин 1952: 274] и т. п.), связана с этим принципом. Необходимо было точно указать, сколько пунктов выделять в конспекте. Это служило и целям контроля: читатель заранее знал, что он должен найти в тексте, скажем, пять основных признаков империализма; если же вместо пяти он находил четыре или шесть признаков, значит, текст был невнимательно прочитан или неверно понят.

Стремлению максимально упростить восприятие подчинен, очевидно, и синтаксис текстов Сталина. Для него характерно большое количество простых предложений (по нашим подсчетам — от 45 до 55 % на фоне 30 % у Н. И. Бухарина). Но дело совсем не только в количественном соотношении простых и сложных предложений, а в особом типе связи между предложениями в тексте. Для Сталина нетипична, например, последовательность внешне не связанных между собой предложений, как, например: «Я вышел в сад. Листья деревьев чуть слышно шелестели. Время от времени раздавался стук упавшего на землю яблока». Семантическая связь между этими предложениями легко устанавливается читателем благодаря тому, что мысленно он восстанавливает недостающую информацию, которая «пропущена» в тексте, так как она тривиальна: «Я вышел в сад. [В саду росли деревья. Деревья были покрыты листьями.] Листья деревьев чуть слышно шелестели. [На деревьях росли яблоки.] Время от времени раздавался стук упавшего на землю яблока».

В сталинских текстах вся, самая элементарная информация эксплицирована, поэтому необходимость восстанавливать какие-либо связи между предложениями не возникает. Вдобавок Сталин начинает каждое следующее предложение словами, которыми кончается предыдущее:

«Иstekший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства. Перелом этот шел и продолжает идти под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни. Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих успехов в основных областях социалистической перестройки и реконструкции нашего народного хозяйства» [Сталин 1952: 294].

Возможность избежать повтора, употребив заменяющее какое-либо слово или группу слов, местоимение или синоним, явно намеренно исключается Сталиным. Свидетельство этому — многочисленные примеры, когда, несмотря на употребление местоимения, замещающего слова предшествующего предложения, Сталин все равно тут же повторяет эти слова, делая тем самым повтор еще более явным, подчеркнутым:

«Нельзя сказать, чтобы **эти** опасные и вредные для дела **настроения** имели хоть сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но **они, эти настроения**, все же имеются в нашей партии...» («Головокружение от успехов») [Сталин 1952: 332].

Повтор конца предложения в начале следующего подчеркивает смысловую связь между ними, делая текст более спаянным. Связанные таким образом предложения выстраиваются в смысловые цепочки, пронизывающие весь текст и облегчающие его восприятие. В то же время подобный повтор как средство связи между предложениями позволяет упростить синтаксис текста: избежать употребления деепричастных и причастных

оборотов, равно как и придаточных предложений. По типу связей между предложениями сталинские тексты близки текстам, предназначенным для детей («Жили-были дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое»), и научно-популярным текстам («Голландская фирма “Люим и Бал” производит специальный захват для автоматизированной укладки бетонной брусчатki. Захват монтируют на гидравлическом экскаваторе, и он аккуратно выкладывает мостовую из блоков. Закладку остается уплотнить вибратором, и дорожное полотно готово к эксплуатации» («Наука и жизнь»)).

Но больше всего тексты Сталина напоминают искусственные, намеренно упрощенные тексты. Если проделать над текстом ряд операций — разбить все сложные предложения на простые, а простые связать между собой звеном: конец одного предложения — начало другого, — получится текст, во многом близкий тексту Сталина. Вот, например, отрывок из журнала «Наука и жизнь»:

«Нередко при серьезных нарушениях сердечного ритма приходится вживлять больному водитель ритма — миниатюрный электронный приборчик, регулярно подающий прямо на сердце разряды, помогающие ему сокращаться».

А вот этот же текст в преобразованном виде:

«У больных часто встречаются нарушения сердечного ритма. При нарушениях сердечного ритма вживляют водитель ритма. Водитель ритма — это миниатюрный электронный приборчик. Этот приборчик регулярно подает на сердце электрические разряды. Электрические разряды помогают сердцу сокращаться».

Неверно, конечно, думать, что можно построить целый текст, связывая все его предложения в одну цепочку. Цепочек обязательно несколько; они могут прерываться, переплетаться друг с другом, снова возобновляться; но стремление свести количество этих цепочек к минимуму и сделать связи между предложениями-звеньями как можно более явными характерно для текстов Сталина.

В целом можно предположить, что текст Сталина намеренно строился с расчетом не только на легкое понимание, но и на усвоение. Простотой синтаксиса, нарочито подчеркнутым, выведенным на поверхность содержанием, в котором полностью отсутствует какой-либо подтекст, выделением основных положений тексты Сталина напоминают учебные тексты, в частности тексты учебников истории, где выделенные графически подзаголовки (так называемые «фонарики»), подобно заглавиям частей сталинских работ, образуют аннотации к тексту.

Однако если бы единственной отличительной особенностью текстов Сталина было их сходство с учебными, он не достигал бы своей цели.

Учебник никого не подвигает ни на какие действия, никого не волнует — он только информирует или же обучает, как следует поступать в определенных обстоятельствах, опираясь на уже известный из прошлых лет опыт. Задачей же Сталина было не только преподнести готовые решения или сведения своим слушателям, но и убедить их в своей правоте, причем применительно к новым, прежде не встречавшимся обстоятельствам или задачам. Поэтому тексты Сталина должны были иметь форму доказательства, рассчитанного к тому же на логику его аудитории — логику обыденного сознания. Эта логика требует, чтобы выводу предшествовало рассуждение; доказательству — доступный пример, иными словами, логика обыденного сознания — это преимущественно индуктивная логика.

Наиболее широко применявшимся Сталиным средством рассуждения (или, скорее, средством, имитировавшим рассуждение) был вопросно-ответный ход. Так же как и некоторые другие навязчиво использовавшиеся Сталиным приемы, этот прием неоднократно осмеивался современными оппонентами Сталина именно по вопросно-ответному ходу: («А что говорят нам на этот счет итоги истекшего года? Значение итогов истекшего года состоит в том, что они разбивают в дребезги расчеты господ капиталистов» [Сталин 1952: 296]). Рой Медведев охарактеризовал стиль Сталина как катехизисный, ср.: «Догматизм и нетерпимость, характерный для его статей и выступлений стиль катехизиса также сложились, бесспорно, не без влияния церковного образования» [Медведев 1990: 15]. Это кажется некоторым упрощением роли вопроса у Сталина. Катехизис — форма изложения вероучения: он представляет собой список вопросов, подобных экзаменационным, и правильных ответов на них, которые должны заучиваться верующими. У Сталина вопрос используется в органичной связи с текстом, и одна из основных функций вопроса — привлечение внимания к важным положениям текста, заслуживающим обсуждения. Вопрос — сигнал того, что автор задумывается, рассуждает: «Есть ли элементы классовой борьбы в колхозах?», «Можно ли сказать, что классовая борьба в колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов?», «Что значит классовая борьба вне колхозов, до образования колхозов?», «А что значит классовая борьба на базе колхозов?». Пусть автору заранее известны все ответы — и они тут же будут даны им самим, но благодаря вопросам в тексте возникают паузы, в него вносится сомнение, он приобретает живой полемический характер, и в эту полемику оказывается втянутой аудитория. Каждый слушатель ищет ответ вместе с автором и вместе с автором приходит к нему.

Чтобы подкрепить свои рассуждения и усилить авторитетность текста, Сталин прибегает к цитированию, причем цитирует он почти исключительно Ленина. Сам акт приведения цитаты из какой-либо ленинской работы имеет ритуальный характер. Дело в том, что вопрос о правоте

Ленина для аудитории не стоит, и если находится цитата, в общем виде соответствующая какому-либо положению сталинской речи, значит, прав и Сталин. При этом цитаты наряду со специальными приемами подчеркивания основных положений текста также способствуют более легкому восприятию его содержания. Они выражают мысли, высказанные в тексте, в более общем виде и останавливают внимание на них: «...партия сумела целесообразно использовать наше отступление на первых стадиях новой экономической политики для того, чтобы потом, на последующих ее стадиях, организовать перелом и повести успешное наступление на капиталистические элементы».

Ленин говорил при введении нэпа: «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики... чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед» [Сталин 1952: 321].

Рассуждения подводят аудиторию к выводу. И он воспринимается как вытекающий из всего предыдущего текста не только потому, что ему предшествовало доказательство, подкрепленное цитатами, не только потому, что к нему вели цепочки спаянных друг с другом утверждений, но и потому, что аудитория уже психологически подготовлена к нему: ведь этот же вывод уже был сформулирован в начале работы или в начале ее части:

«Разногласия в нашей партии возникли на почве тех классовых сдвигов, на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии. Главная ошибка группы Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать» (начало части II статьи «О правом уклоне в ВКП(б)») [Сталин 1952: 294];

«Несчастье группы Бухарина состоит в том, что она не видит новых классовых сдвигов и не понимает новых задач партии» (конец части II этой же статьи) [Сталин 1952: 229].

Иногда вывод имеет более общий характер, чем утверждение, сделанное вначале, и не совпадает с ним дословно: «Рухнули и рассеялись в прах возражения “науки” против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40–50 тысяч гектаров».

Далее следует доказательство и суммирующий его вывод: «Обо всем этом забыла достопочтенная наука» [Сталин 1952: 235].

Но в том, что вывод повторяет утверждение, сделанное вначале, нет логического нарушения. Это и есть особая логика сталинской речи, логика, возникающая в результате взаимодействия двух установок: сделать текст максимально понятным, максимально прозрачным и построить его в соответствии с представлением аудитории о правильно структурированном

тексте: логика, требующая, с одной стороны, изначально дать готовые тезисы, а с другой — построить рассуждение и дать выводы.

Такая логика соответствует и логике доказательства теорем, принятой в математике: вначале формулируется теорема, затем проводится доказательство и делается вывод «что и требовалось доказать», в общем виде воспроизводящий начальную формулировку.

Арсенал образных средств, усиливающих эмоциональное воздействие сталинских текстов, небогат. Сталин редко использует стилистически окрашенную лексику, редко прибегает к метафоре — в основном стилистически окрашенная (бранная) лексика и метафора используется в его текстах, когда речь идет о врагах: «бывшие люди расплозились по нашим заводам и фабрикам» [Сталин 1952: 301–302]; «злостный вой против большевизма, который подняли в последнее время цепные собаки капитала» [Сталин 1952: 427] и т. п.

Основную нагрузку среди образных средств, использовавшихся Сталиным, выполняет риторический вопрос. «Разве это не факт, что самокритика поднимает активность партийных и вообще пролетарских низов?»; «Как можно сомневаться, что мы идем вперед ускоренным шагом по линии развития нашей индустрии, обгоняя старые темпы и оставляя позади нашу “исконную” отсталость?» [Сталин 1952: 304]. Риторические вопросы традиционно использовались в ораторской речи для повышения ее эмоциональности, придания ей особого пафоса, но у Сталина, кроме того, риторический вопрос, так же как и вопросно-ответный ход, создает иллюзию рассуждения, в котором аудитория участвует вместе с автором, одновременно подводя аудиторию к определенной оценке.

Сходную с риторическим вопросом функцию в текстах Сталина несут выражения типа «Нет сомнения, что...»:

«Не может быть сомнения, что бюрократические элементы живы не только в хозяйственно-кооперативных и в профсоюзно-советских организациях, но и в организациях самой партии» («О правом уклоне в ВКП(б)») [Сталин 1952: 231];

«Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов» («К вопросам аграрной политики СССР») [Сталин 1952: 321].

Так же как риторический вопрос, эти конструкции вносят в текст определенную оценку, хотя и выражают ее более прямо. Нужно отметить, что их частое употребление рассчитано на очень простую аудиторию, так же как употребление предложений, выражающих оценку совсем открыто («Нечего и говорить, что превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным...»; «Ясно, что принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР наряду с принципом добровольности является одной из серьезнейших

предпосылок здорового колхозного движения» [Сталин 1952: 316, 333]). Для аудитории более искушенной высокочастотное употребление автором таких выражений могло бы иметь как раз обратный эффект: обычно это свидетельство неуверенности автора в истинности своей аргументации или в ее достаточности.

Особую нагрузку у Сталина несет повтор. Своеобразие сталинских текстов связано не с самим фактом использования повтора — это известное средство придания тексту большей весомости: многократно сказанное кажется более значимым, и в то же время это средство нагнетания эмоционального напряжения, — а с тем, насколько часто Сталин использует самые разнообразные типы повторов. Это может быть повтор отдельных фрагментов текста, например совпадение начального и конечного утверждений, о котором мы говорили; повтор отдельных фраз, например повтор предложения, оформляющего все цитаты из Ленина в статье «Год великого перелома»: «Итоги истекшего года с несомненной ясностью говорят, что партия с успехом выполняет в своей работе это решающее указание В. И. Ленина» [Сталин 1952: 294]; повтор структур предложений (параллелизм): «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь» [Сталин 1952: 407–408], и так еще четыре раза; наконец, повтор структуры частей текста — например, совершенно единообразное построение частей работы «Год великого перелома». И если раньше мы указывали, что нарочитая простота сталинских текстов сближает их с учебными, то бесконечные повторы, постоянное возвращение к уже сказанному, превращение отдельных, особенно важных для Сталина предложений в формулы-защиты («Мы должны быть такими, каким был Ленин...»; «И в этом мы должны быть такими, каким был Ленин» — цитируются по грамзаписи речи) позволяют увидеть сходство сталинских текстов с религиозными и сравнить сам факт произнесения им речи или опубликования статьи с ритуальным, имеющим магическую силу, актом.

Понять стилистику и внешне «железную» логику текстов Сталина — значит понять стилистику целой эпохи развития советской политической речи и раскрыть те методы, которыми вслед за ним ораторы, лекторы, авторы публицистических и научно-популярных текстов манипулировали сознанием своих слушателей. Важнейшая функция особой стилистики и логики сталинских текстов состояла не только в том, чтобы сделать его тексты и речи понятными любому слушателю и читателю, но и в том, чтобы представить реальность такой же простой и понятной, как его тексты, заставляя воспринимать как должное ее неотъемлемую часть: аресты, неправедный суд, расстрелы и лагеря.

* * *

Я благодарю С. И. Гиндина за ряд ценных соображений, высказанных им во время обсуждения проблематики данной работы, А. И. Полторацкого за замечания, сделанные при чтении данной статьи, и М. Г. Птушкину, общение с которой побудило меня вернуться к этому тексту.

Источники

Платонов А. П. Ювенильное море // Платонов А. Избранное. М.: Московский рабочий, 1988. С. 613–688.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Художественная литература, 1973. 716 с.

Свифт Дж. Путешествия Гулливера // Свифт Дж. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М.: Художественная литература, 1976. С. 153–425.

Литература

Баткин Л. М. Сон разума. О социально-культурных масштабах личности Сталина // Знание – сила. 1989. № 3, 4.

Варламов А. Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2013. 546 с.

Гречко М. Л. <https://www.facebook.com/maria.grechko.9> (дата обращения: 26.04.2021).

Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.

Розина Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Наука убеждать: Риторика. М., 1991. № 8. С. 39–47.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1952. [7], 652 с.

References

Batkin L. M. [The sleep of reason. Towards the social and cultural assessment of Stalin's personality]. *Znanie – sila*, 1989, no. 3, 4. (In Russ.)

Medvedev R. A. *O Staline i stalinizme* [About Stalin and stalinizm]. Moscow, Progress Publ., 1990. 488 p.

Rozina R. I. [The giant of propaganda, or Stalin's rhetoric]. *Nauka ubezhdat': Ritorika*, 1991, no. 8, pp. 39–47. (In Russ.)

Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Issues of Leninizm]. 11th edition. Moscow, 1952. [7], 652 p.

Varlamov A.N. *Andrey Platonov* [Andrey Platonov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013. 546 p.

Из истории русского языка

Приемный покой и приемное отделение. К истории номенклатурных единиц

Елена Викторовна Учайкина, Московский государственный областной университет
(Россия, Москва), elenauchaykina@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170015459-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены особенности употребления термина-фразеологизма *приемный покой* в синхроническом и в диахроническом аспекте. Приведены примеры использования этого термина в медицинской и художественной литературе, а также в языке документов; описан процесс фразеологизации данного сочетания, соотношенный с постепенной утратой словом *покой* значения *комната, помещение*. Описан ряд ассоциаций, возникающих у носителей языка при упоминании приемного покоя. Прослеживается вытеснение этого термина-фразеологизма на периферию языка под влиянием номенклатурного стереотипного сочетания слов *приемное отделение*; объяснены причины сохранения сочетания *приемный покой* в неофициальной речи. Приводятся ранние примеры использования сочетания слов *приемное отделение*, обосновано отсутствие фразеологической связанности внутри сочетания. Сравниваются стилевые и семантические характеристики терминологической фразеологической единицы *приемный покой* и номенклатурного стереотипного сочетания слов *приемное отделение*. Проанализированы данные Национального корпуса русского языка в отношении сочетаний *приемный покой* и *приемное отделение*. В заключении статьи сделаны выводы о значительных достоинствах термина *приемный покой* как составной части лексики медицины, при этом замечено, что под давлением

официального стиля это наименование получает налет некоторой искусственной устарелости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история слов, стилистическая окраска, фразеологизм, семантика, лексико-семантический вариант

для цитирования: Учайкина Е. В. *Приемный покой и приемное отделение*. К истории номенклатурных единиц // Русская речь. 2021. № 3. С. 104–113. DOI: 10.31857/S013161170015459-3.

From the History of the Russian Language

Priemnyi Pokoi and *Priemnoe Otdelenie*. To the History of Nomenclature Units

Elena V. Uchaikina, Moscow State Regional University (Russia, Moscow),
elenauchaykina@gmail.com

ABSTRACT: The article attempts to describe and generalize the features of the use of phraseological unit *priemnyi pokoi*. Historical and modern examples of the use of this term in medical literature, in fiction and in official language are given, the process of phraseologization of the combination is described. The article traces the displacement of the phraseological unit *priemnyi pokoi* to the periphery of the language under the influence of the nomenclature stereotypical combination of the words *priemnoe otdelenie*, explains the reasons for the preservation of the combination *priemnyi pokoi* in informal speech. Early examples of the use of the combination of words *priemnoe otdelenie* are given. The article compares the stylistic and semantic characteristics of the terminological phraseological unit *priemnyi pokoi* and the nomenclature stereotypical combination of words *priemnoe otdelenie*. The article draws conclusions about the significant advantages of the term *priemnyi pokoi* as an integral part of the vocabulary of medicine.

KEYWORD: history of words, stylistic colouring, phraseological unit, semantic, lexico-semantic alternant

FOR CITATION: Uchaikina E. V. *Priemnyi Pokoi and Priemnoe Otdelenie*. To the History of Nomenclature Units. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 104–113. DOI: 10.31857/S013161170015459-3.

Статья посвящена истории и особенностям употребления наименований *приемный покой* и *приемное отделение* в русском языке.

Различные медицинские по своему происхождению фразеологизмы нередко становились предметом исследования как небольших научных статей, так и монографий, посвященных фразеологии русского языка. Так, Н. М. Шанский упоминал следующие медицинские термины — фразеологические обороты *двенадцатиперстная кишка* [Шанский 2015: 143], *адамово яблоко* [Шанский 2015: 143], *седалищный нерв* [Шанский 2015: 165], а также фразеологическую единицу, получившую переносное значение в общенациональном языке, но произошедшую из языка медицины: *проглотить пилюлю* [Шанский 2015: 123]. Фразеологических оборотов, зародившихся в медицинской среде, значительное количество, многие из них нуждаются в лингвокультурологической и социолингвистической оценке.

Стоит отметить, что, укоренившись в языке медицины, многие слова и обороты демонстрируют замечательную живучесть. Так, давным-давно вытесненное в область архаичной лексики слово *палата* в значении *большое богатое здание* превосходно чувствует себя в качестве названия комнаты для больных в стационаре. Продолжает жить и *каре́та скорой помощи*, условность не мешает термину-фразеологизму оставаться востребованным. Конечно, такие слова и выражения особенно ценны, поскольку связывают прошлое и настоящее языка и создают для нас обширный культурный контекст.

Номенклатурные наименования (в том числе номенклатурные единицы здравоохранения) всегда были чужеродными для разговорного стиля речи. Обескураживающий эффект, связанный с их появлением за рамками официально-делового стиля, иронично описан у М. М. Зощенко в рассказе «История болезни» (1937 г.):

«Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу замаял разговор. И тут сестричка подскочила.

— Пойдемте, — говорит, — больной, на *обмывочный пункт*.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

— Лучше бы, — говорю, — называли не *обмывочный пункт*, а ванна. Это, — говорю, — красивей и возвышает больного. И я, — говорю, — не лошадь, чтоб меня обмывать».

Термин-фразеологизм *приемный покой*, являющийся частью языковой номенклатуры и также используемый у М. М. Зощенко как элемент комического контраста в сниженно-бытовом дискурсе героя, с точки зрения нашего современника все-таки в меньшей степени относится к административно-канцелярскому подстилю, нежели *обмывочный пункт*:

«Бросился в свой экипаж.

— Вези, — кричит, — куриная морда, в *приемный покой*.

Подох ли этот француз или он выжил, — я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая» (М. Зощенко. Иностранцы. 1928).

Находим также пример использования этого выражения в эпистолярном стиле, воспроизводящем официально-деловой стиль 20-х годов XX века:

«Итак, вот что мне нужно от Вас: пришлите мне удостоверение, адресованное в Дорогобужский жел. дор. *приемный покой*, что сын мой, Лев Михайлович Пришвин, назначен для излечения от психастении в такой-то санаторий и Вы просите оказать содействие отцу его, М. М. Пришвину, доставить его по назначению» (М. Пришвин. Дневники. 1922).

Приемный покой (помещение для приема больных, поступающих в больницу [Кузнецов (ред.) 2014]) длительное время является термином, используемым в области здравоохранения. О том, что это историческое название, говорит использование сочетания *приемный покой* в старых русских текстах. Так, в медицинской монографии 1839 года читаем: «Все вновь поступающие в госпиталь больные отсылаются в особенный *приемный покой*, для глазных больных назначенный, и немедленно осматриваются...» [Флорио 1839: 125]. Отметим, что в прошлом *приемный покой* иногда использовался как синоним слова *больница* (сегодня это значение утеряно): «Кесовский *приемный покой* — деревянный дом, специально выстроенный для *приемного покоя*, собственность земства. Одна половина дома составляет квартиру врача, другая заключает две палаты и квартиру фельдшера, кабинет врача, аптеку и ожидальню» [Добровольский 1889: 66].

Обладая солидным возрастом и имея неразрывные связи с традициями русской медицины, *приемный покой* остается одним из наиболее самобытных и ценных наименований в языке здравоохранения, тем не менее в последнее время *приемный покой* последовательно вычеркивается из номенклатуры лечебных учреждений.

Приемный покой, являясь терминологической фразеологической единицей, обозначает целостное по смыслу понятие. Согласно классификации В. В. Виноградова [Виноградов 1947], это выражение можно отнести к фразеологическим сочетаниям. Слово *приемный* употребляется свободно — *приемное отделение, приемная комната, приемный пункт*. Слово *покой* является фразеологически связанным (при этом его можно заменить синонимом *отделение*), современный словарь дает определение ‘жилое помещение, комната’ и снабжает этот лексико-семантический вариант пометой *устар.* [Кузнецов (ред.) 2014]), сочетаемость лексико-семантического варианта *покой* ограничена, а сам вариант вне фразеологизма *приемный покой* малоупотребителен.

Целостность устойчивого сочетания слов *приемный покой* возрастает с того времени, как лексико-семантический вариант *покой* (‘комната, помещение’) выходит из активного употребления. В словаре В. И. Даля *покой* свободно входит в состав разных словосочетаний, в том числе терминологических (*покойчик с наперсточек, приемный покой, внутренние покои, мертвый покой*) [Даль 1907: 623].

Обратим внимание, что *мертвый покой* — это также структурное подразделение больницы. По определению В. И. Даля, это помещение, где временно держат умерших в больницах [Даль 1907: 623], то есть современный морг. *Приемный покой* и *мертвый покой* образуют лексическую парадигму.

По всей вероятности, не только в XIX веке, но еще в начале XX-го спаянность выражения *приемный покой* не была столь значительной, как сегодня. В рассказе М. А. Булгакова «Морфий» (1927 г.) мы находим следующее подтверждение нашему предположению: «В окнах *приемного покоя* полыхал свет белый и беспокойный. На крыльце, в туче снега, я столкнулся со старшим врачом, стремившимся туда же, куда и я.

— Ваш? Поляков? — спросил, покашливая, хирург.

— Ничего не пойму. Очевидно, он, — ответил я, и мы стремительно вошли в *покой*».

Слово *покой* употребляется здесь не только в составе устойчивого сочетания слов, но и самостоятельно, что вряд ли можно представить в современной речи. Следовательно, в течение XX века *приемный покой* проходил процесс фразеологизации, превращаясь из свободного сочетания слов в семантически неразложимую единицу, в нем возрастала спаянность элементов и идиоматичность, которая в большей степени присуща тем фразеологическим сочетаниям, в составе которых слово с фразеологически связанным значением утрачивает или утратило собственное лексическое значение [Жуков 1986: 107]. О полной утрате своего значения лексико-семантическим вариантом *покой* говорить нельзя, но весьма

примечательно, что во фразеологизме *приемный покой* не всеми носителями языка осознается значение слова *покой* ('комната, помещение, здание'), для некоторых его смысл затемнен, при том что вполне ясно значение самого фразеологизма.

При опросе¹ носителей языка — пользователей социальных сетей выясняется, что *приемный покой* устойчиво ассоциируется с медицинским учреждением, сохраняет актуальность как наименование отделения для приема поступающих пациентов, при этом возникают и дополнительные ассоциации, продиктованные иными значениями слова *покой*, например: «время, когда я ем спокойно», «гробовая тишина», «место, где принимают ванны, процедуры, в состоянии покоя»². Часть пользователей отмечает стилистические характеристики выражения: «старинная или советская больница», «дореволюционная Россия».

Приемный покой естественным образом связан с официально-деловым и научным стилем речи. Эта фразеологическая единица все еще встречается в языке документов, например в «Должностной инструкции медицинской сестры приемного отделения (приемного покоя)», а также используется в научной литературе: «При осмотре в приемном покое состояние девочки оценено как тяжелое, за счет выраженной болевой симптоматики, шока I–II степени» [Спиридонов 2017: 79].

В XX и XXI веке происходит постепенное вытеснение из официального употребления традиционного выражения *приемный покой* наименованием *приемное отделение*.

Ранние примеры письменного употребления выражения *приемное отделение* мы находим в материалах, относящихся к концу 1940-х годов, причем в одном тексте может использоваться как *приемное отделение*, так и *приемный покой*: наименование *приемное отделение* встречаем в описании плана больницы [Григорьев 1948: 11], *приемный покой* включен в текст статьи: «К достоинствам планировочного решения следует отнести четкое отделение входа в *приемный покой* от входа в административную часть больницы и хорошо изолированное расположение операционного блока» [Григорьев 1948: 11].

Наименование *приемное отделение*, в отличие от фразеологической единицы *приемный покой*, лишено внутренней спаянности и идиоматичности, слово *отделение* свободно входит в состав названий иных структурных подразделений больницы: *отделение гастроэнтерологии*,

¹ Пост в «Фейсбуке» от 5 октября 2020 года: <https://www.facebook.com/pravilnayarech/photos/a.814335711915159/3948427748505924/?type=3&theater>

² Пост в «Фейсбуке» от 5 октября 2020 года: <https://www.facebook.com/pravilnayarech/photos/a.814335711915159/3948608175154548/?type=3&theater>

кардиологическое отделение, хирургическое отделение и так далее. Следовательно, *приемное отделение* — не фразеологическая единица, а номенклатурное стереотипное сочетание слов.

Анализ сайтов 30 медицинских учреждений, в числе которых были как крупные медицинские центры, например Эндокринологический научный центр, Центральная клиническая больница гражданской авиации, Первая градская больница имени Н. И. Пирогова, так и районные больницы (Видновская районная клиническая больница и Ногинская центральная районная больница), показал, что в 29 случаях из 30 при описании структуры подразделений использовалось название *приемное отделение*. Исключением является наименование, использованное на сайте Института иммунологии (ncii.ru): *отделение госпитализации*.

Следует отметить, что одна из причин, по которым в официальной речи отдается предпочтение *приемному отделению*, — более формализованный характер этого выражения, благодаря которому оно легче включается в структуру больничных наименований, также содержащих слово *отделение* (*кардиологическое отделение, травматологическое отделение, неврологическое отделение* и так далее).

Предполагаем также, что именно из-за глубоких исторических корней фразеологизма *приемный покой*, его образности, яркой индивидуальности, богатой ассоциативности это устойчивое сочетание исторгается из номенклатурной лексики, стремящейся к стандартизованности, точности, строгости и безликости.

Однако более благозвучный и ритмичный, чем *приемное отделение, приемный покой*, безусловно, востребован в непринужденной речи. Так, при анализе высказываний горожан на форуме Видного (vidnoeforum.com) мы обнаружили 97 сообщений, в которых употреблялось устойчивое сочетание *приемный покой*. Несколько примеров (орфография и пунктуация сохранены): «Под вечер в авто и сам приехал в *приемный покой*, решив не напрягать скорую»³, «Привозил родственника в *приемный покой* сам, приняли минут за 30»⁴, «В итоге я вызвал такси и поехал в *приемный покой* (прихватив с собой оставленные ампулы)»⁵. Сообщений, включающих примеры употребления названия *приемное отделение*, значительно меньше: всего лишь 34. Например: «Скорая все равно привезет вас в приемное отделение больницы, так что какая разница — сам доехал или

³ Сообщение на «Видновском форуме» от 10 ноября 2019: <http://vidnoeforum.com/topic/41004-crb-vidnovskaya-kak-tam-seychas/?do=findComment&comment=615746>

⁴ Сообщение на «Видновском форуме» от 7 мая 2019: <http://vidnoeforum.com/topic/41004-crb-vidnovskaya-kak-tam-seychas/?do=findComment&comment=611575>

⁵ Сообщение на «Видновском форуме» от 21 мая 2009: <http://vidnoeforum.com/topic/29689-skoraya-neotlozhnaya-medicinskaya-pomosch-g-vidnoe-vashe-mnenie/?do=findComment&comment=340061>

напряг скорую?»⁶, «Приемное отделение куда привезли — редкостный ацтой (но тут речь о скорых, а не о них)»⁷.

Иное соотношение мы обнаружили, изучив отзывы на сайте Боткинской больницы (<https://botkinmoscow.ru>): всего лишь 4 случая употребления выражения *приемный покой* и 27 случаев употребления выражения *приемное отделение*.

Этот на первый взгляд противоречивый результат мы объясняем некоторой скованностью, которая свойственна людям, пишущим официальный отзыв на странице организации, естественным стремлением формализовать свой текст, сделать его более канцелярским, включая в него термины из актуальной номенклатурной базы больницы. Общаясь же на городском форуме, авторы сообщений чувствуют себя свободнее и выбирают более привычные выражения.

По данным Национального корпуса русского языка (газетный корпус), имеется 359 вхождений словосочетания *приемный покой* (омонимия не снята), при этом график распределения по годам (с 2000 по 2019 год) показывает небольшое снижение употреблений с 2002 года. *Приемное отделение* в публицистике употребляется реже: 270 вхождений (омонимия не снята). Результаты поиска в основном корпусе демонстрируют, насколько различаются *приемный покой* и *приемное отделение* по освоенности в русском литературном языке: первые употребления сочетания слов *приемный покой*, которые фиксирует корпус, относятся к концу 60-х годов XIX века, пик употреблений наступает в начале XX века, с 1928-го по 2019-й кривая находится примерно на одном уровне. В целом найдено 569 вхождений (омонимия не снята). *Приемное отделение*, судя по данным корпуса, входит в язык с начала 1970-х годов XX века (из прозы Варлама Шаламова). Всего найдено 55 вхождений (омонимия не снята), причем небольшая часть из них может не иметь отношения к больнице, ведь семантика *приемного отделения* шире (подобное возможно и в отношении *приемного покоя*, например, в исторической литературе).

Особым образом мы хотели бы отметить результаты поиска в поэтическом корпусе: *приемного отделения* мы там не находим, зато обнаруживаем *приемный покой* (5 вхождений). Например:

И в карете медленной медицинской помощи
Мое сердце в огромный *приемный покой* отвезут.
(В. Г. Шершеневич)

⁶ Сообщение на «Видновском форуме» от 7 марта 2017: <http://vidnoeforum.com/topic/29689-skoraya-neotlozhnaya-medicinskaya-pomosch-g-vidnoe-vashe-mnenie/?do=findComment&comment=577142>

⁷ Сообщение на «Видновском форуме» от 6 сентября 2010: <http://vidnoeforum.com/topic/32616-pravila-vyzova-skoroy-pomoschi/?do=findComment&comment=430234>

Освоенность *приемного покоя* в поэтической речи свидетельствует о благозвучности, образности и эмоциональной насыщенности этого выражения.

Выводы

Безусловно, термин-фразеологизм *приемный покой* как составная часть медицинской лексики и терминологии обладает большими достоинствами, нежели наименование *приемное отделение*: термин прекрасно освоен разными стилями речи, наполнен культурным контекстом, при этом способен выполнять в медицинском учреждении свою главную задачу: функционировать в качестве единицы номинации структурного подразделения.

Между тем термин-фразеологизм *приемный покой* активно и последовательно вытесняется из официально-делового стиля и номенклатурной базы больниц и заменяется наименованием *приемное отделение*. Устранение этого фразеологизма из официальной терминологии стало причиной того, что *приемный покой* начинает терять позиции в русском языке. Хотя в неофициальной речи и публицистике он все еще востребован, но под давлением официального стиля это наименование уже получает налет некоторой искусственной устарелости, которую можно было бы преодолеть, возвратив *приемный покой* в официальную речь и номенклатурную базу стационаров.

Источники

Булгаков М. А. Морфий [Электронный ресурс]. URL: http://bulgakov.velchel.ru/index.php?cnt=5&prose=t_24&page=3 (дата обращения: 12.10.2020).

Зоценко М. М. Иностранцы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haharms.ru/zoschenko-139.html> (дата обращения: 27.10.2020).

Зоценко М. М. История болезни [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/ZOSHENKO/r_raznye.txt_with-big-pictures.html#20 (дата обращения: 27.10.2020).

Пришвин М. М. Дневники. 1905–1947 гг. 1922 [Электронный ресурс]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1922.htm> (дата обращения: 23.05.2020).

Литература

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvotech.com/vinogradov-77d> (дата обращения: 24.10.2020).

Григорьев В. Типовые проекты больниц // Архитектура и строительство. 1948. № 7. С. 10–12.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург – Москва: Товарищество М. О. Вольф, 1907. Т. 3. 1782 с.
- Добровольский П. И. Кашинский уезд // Десятый губернский съезд врачей Тверского земства 23–31 мая 1889 года. 1889. С. 64–75.
- Должностная инструкция медицинской сестры приемного отделения (приемного покоя) [Электронный ресурс]. URL: http://управление-здравоохранением.рф/index/dolzhnostnaja_instrukcija_meditsinskoj_sestry_priemnogo_otdelenija_priemnogo_pokoja/0-212 (дата обращения: 06.05.2020).
- Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B9&all=x> (дата обращения: 23.05.2020).
- Спирidonov А. А. Опыт применения отечественного гемостатического препарата при травме печени у детей // Практическая медицина. 2017. № 4. С. 78–80.
- Флоридо П. Монография глазной болезни, господствовавшей в 1835–1836–1837–1838 гг. в гвардейском корпусе и других командах, в Санкт-Петербурге расположенных, содержащая историческое и практическое о ней изложение. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца и К, 1839. 251 с.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Ленанд, 2015. 274 с.

References

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The explanatory dictionary of the living great Russian language]. St. Petersburg, Volf's Partnership Publ., 1907. 1782 p.
- Dobrovolskii P. I. [Kashinskii district]. *Desyatyi gubernskii s'ezd vrachei Tverskogo zemstva 23–31 maya 1889 goda*, 1889. Pp. 64–75. (In Russ.)
- Dolzhnostnaya instruktsiya meditsinskoj sestry priemnogo otdeleniya (priemnogo pokoja)* [Job description of a nurse of an emergency room]. Available at: http://управление-здравоохранением.рф/index/dolzhnostnaja_instrukcija_meditsinskoj_sestry_priemnogo_otdelenija_priemnogo_pokoja/0-212 (accessed 06.05.2020).
- Florio P. *Monografiya glaznoi bolezni, gospodstvovavshei v 1835–1836–1837–1838 gg. v gvardeiskom korpusе i drugikh komandakh, v Sankt-Peterburge raspolozhennykh, sodержashchaya istoricheskoe i prakticheskoe o nei izlozhenie* [Monograph of the eye disease that prevailed in 1835–1838 in the guards corps in St. Petersburg]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1839. 251 p.
- Grigor'ev V. [Typical hospital projects]. *Arkhitektura i stroitel'stvo*, 1948, no. 7, pp. 10–12. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B9&all=x> (accessed 23.05.2020).
- Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 274 p.
- Spiridonov A. A. [Experience of using of Russian hemostatic drug for liver injury in children]. *Prakticheskaya meditsina*, 2017, no. 4, pp. 78–80. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke* [About the main types of phraseological units in the Russian language]. Available at: <https://lingvotech.com/vinogradov-77d> (accessed 24.10.2020).
- Zhukov V. P. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986. 310 p.

Из истории русского языка

Город в былинной картине мира

Ирина Петровна Черноусова, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, Липецк), ira.chernousova2010@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170015463-8

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется город в былинной картине мира. Создание русского эпоса в период становления государственности, одним из основных признаков которой является развитие городов, предопределило городской колорит в былине. Несмотря на многообразие названий городов (астинимов), в былине представлен обобщенный идеализированный образ города, архитектура которого отличается большими размерами и разнообразным богатым декором. В соответствии с законами эпического мира историко-этнографическая действительность в былинной картине мира подверглась «перекодировке». Город в былине — прежде всего крепость, в пределах которой сосредоточена дипломатическая, культурно-административная и торговая жизнь. Составные части былинного города представляют собой типизированную последовательность пространственных объектов, поочередно посещаемых героем: «стена городовая», «широкий двор (на семи верстах)», «церкви божьи, соборные», жилые строения («гридницы светлые», «палаты белокаменные», «терема златоверхие»), помещение в них («сени косячатые, решетчатые» и др.), посад (торговая часть). Гиперболические характеристики, выполняющие при описании города функцию его идеализации, не являются преувеличением в прямом смысле слова, потому что они отражают постоянные свойства предметов былинного (особенного, ирреального) мира. Специфическим языковым средством репрезентации города в былинной картине мира выступают фольклорные формулы с постоянными эпитетами, являющиеся носителями и проводниками таких традиционных культурных смыслов, как прославление и воспевание красоты и величия русских городов, олицетворяющих Русскую землю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: город, былинная картина мира, фольклорная формула, постоянный эпитет, гипербола

для цитирования: Черноусова И. П. Город в былинной картине мира // Русская речь. 2021. № 3. С. 114–128. DOI: 10.31857/S013161170015463-8.

From the History of the Russian Language

A City in the Epic Tale Picture of the World

Irina P. Chernousova, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Russia, Lipetsk),
ira.chernousova2010@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyses the city in the epic tale picture of the world. The emergence of Russian epic during the creation of statehood, which is inevitably marked by the development of cities, predetermined the urban flavour of the epic tale. Despite the variety of city names (astionyms), the epic tale presents a generalised idealised image of an epic tale city, whose architecture is distinguished by large dimensions and diverse rich decor. According to the rules of the epic tale world, the historico-ethnographic reality in the epic tale picture of the word is subjected to ‘re-coding’. The city in an epic tale is, first of all, a fortress behind whose walls one can find diplomatic, cultural-administrative and commercial life. The constituent parts of an epic tale city are a typified sequence of spatial objects, visited by the hero one by one: “the city wall”, “a wide (seven-verst) courtyard”, “holy churches, cathedrals”, residential buildings (“light reception halls”, “white stone chambers”, “golden-domed tower houses”), a room in them (“latticed entrance halls with jambs” etc.), a settlement (the commercial area in a city). Hyperbolic characteristics that perform the function of idealising the city in its description are not an exaggeration in the literal sense of the word, because they reflect the constant properties of the denotations of the epic (special, unreal) world. Folklore formulas with fixed epithets, which are the bearers and conduits of such traditional cultural meanings as the glorification and celebration of the beauty and grandeur of Russian cities embodying the

Russian land, act as a specific language tool for representing the city in the epic tale picture of the world.

KEYWORDS: city, the epic tale picture of the world, folklore formula, fixed epithet, hyperbole

FOR CITATION: Chernousova I. P. A City in the Epic Tale Picture of the World. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 3. Pp. 114–128. DOI: 10.31857/S013161170015463-8.

Былинная картина мира является одной из разновидностей фольклорной картины мира — идеализированного образа ирреального («параллельного», подобного земному) мира, не имеющего прямых аналогий в действительности. В фольклорной картине мира традиционная культурная информация воплощается в фольклорных формулах — устойчивых словесных конструкциях, являющихся носителями и проводниками традиционных культурных смыслов, воплощавших в себе мировоззренческие установки и ориентиры народа.

На основе анализа авторитетных собраний русского эпоса (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года [Г]; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [КД]; Беломорские былины, записанные А. Марковым [М]; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым [Р]) предпринята попытка воссоздать образ города в русской былинной картине мира.

Семантическая структура слова *город* в современном русском языке представлена несколькими значениями, актуальными из которых в фольклорно-языковой картине мира являются «населенное место торгово-промышленного типа, обычно административно-торговый и культурный центр»; «населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля, крепость» [Чернышев (гл. ред.) 1954: 303–304].

Слово *город* общеславянского происхождения. Первоначальное значение — ‘ограда, забор’, затем — ‘огражденное место’ [Шанский 1971: 110–111].

Городской колорит в былинной картине мира составляет ее специфику, обусловленную сложением эпоса как жанра в период становления раннеклассового общества, позже — образования централизованного русского государства, один из определяющих признаков которого — развитие городов.

В былине отмечено многообразие астионимов (названий городов), общее количество которых насчитывает более шестидесяти. З. К. Тарланов, исследовавший топонимическое пространство в былинах, условно разделяет ойконимы (названия населенных пунктов) на исторические и эпические [Тарланов 2001: 38].

подавляющее большинство астионимов (более 85 %) относится к историческим (в скобках указываются области и государства, в которых тот или иной малоизвестный населенный пункт с соответствующим названием реально существует либо существовал): *Азов*, *Астрахань*, *Березино* (Минская обл., Белоруссия и Одесская обл., Украина), *Березово* (Северный Урал), *Берлин*, *Белозерск* (Вологодская обл.), *Валдай* (Новгородская обл. и Карелия), *Вастракань/Острохань* (Астрахань), *Вологда*, *Волын-город*, *Волынец* (смешение по названию города и географического региона), *Вольга-город* (Вологодская обл.), *Волхов* (Ленинградская обл.), *Галич* (Костромская обл. и Западная Украина), *(И)ерусалим*, *Казань*, *Каргополь* (Архангельская обл.), *Киев*, *Китай-город* (исторический район Москвы), *Конотоп* (Сумская обл., Украина), *Кострома*, *Леденец* (Веденецкая земля, Венеция), *Москва*, *Муров-город* и *Муром* (Владимирская обл.), *Нарва* (Эстония), *Низов* (ср. Низы в Сумской обл.), *Новгород*, *Нижний город* (Нижний Новгород), *Ореховец* (ср. Орехов в Запорожской обл.), *Очаков* (Николаевская обл., Украина), *Опсков/Псков*, *Питер*, *Плес* (Ивановская обл.), *Пурховец* (ср. Порхов Псковской обл.), *Ревель* (современное название *Таллин*), *Рига*, *Ростов*, *Рязань*, *Скопское* (ср. Скопье в Македонии и Скопин в Рязанской обл.), *Смоленск* (*Смоленский город*, *Смоленец*), *Смолягин город* (ср. Смолен на юге Болгарии), *Тавр город* (ср. горы Тавр), *Тверь*, *Тотьма* (Вологодская обл.), *Туринец* (Тузов в Белоруссии), *Углич / Углицкий город* (Углич Ярославской обл.), *Череповец*, *Чернигов* (Украина), *Чернигород* (Черниговская обл.), *Царьград* (Константинополь, современное название *Стамбул*).

К эпическим (менее 15 % всех названий городов) могут быть отнесены следующие астионимы: *Бекешовец* (город, освобожденный Ильей Муромцем от татар), *Гурчевец*, *Крестьяновец* и *Курчевец* (три города, подаренные Вольге), *Киянов город*, *Кряков город* (из него родом королевицы Петрой и Лука), *Окиянов город*, *Турсков* — из него выводит измену Иван Васильевич.

Красота и величие столицы Древней Руси и других русских городов воспеваются и прославляются с помощью фольклорных формул — устойчивых языковых конструкций «постоянный эпитет + название города»: «*красен/славен Киев-град*», «*славный стольный Киев-град*», «*славная каменная Москва*», «*великий Новгород*», «*богатый Галич*», «*райский город Рязань*», «*крепкий Азов-город*», *Ростов* имеет несколько эпитетов («*славный, крепкий, красный*»). В большинстве случаев используются постоянные эпитеты

славный (Киев, Москва, Новгород, Астрахань, Волынец, Муром, Рига, Ростов, Рязань, Туринец и др.) и красен (Киев, Ростов, Галич и др.).

Красота Киева, о котором *«идет слава великая по всем землям, по всем ордам»* [Р № 131: 208] и даже *«в далече-далече чистом поле»* [Р № 144: 318], привлекает приезжих:

*Славен Киев-град на красы стоит,
На красы-басы на великия*

[Р № 203: 663].

*А приехал посмотреть вашего города.
Скажут, ваш город на красы стоит, на ужествие,
Скажут, солнышко Владимир князь богато живет*

[Р № 130: 195].

Город в былинной картине мира — прежде всего крепость, за стенами которой сосредоточена дипломатическая, культурно-административная и торговая жизнь. Это соответствовало раннему периоду жизни стольного города Киева и других городов Древней Руси [Липец 1969: 48]. В основе эпических представлений о городе лежала исторически конкретная действительность, подвергшаяся в былинной картине мира «перекодировке», в результате которой перед нами предстает идеализированный образ города, характеризующийся условностью и обобщенностью.

Составные части былинного города, выраженные фольклорными формулами с постоянными эпитетами («составная часть города + постоянный эпитет»), представляют собой типизированную последовательность пространственных объектов, поочередно преодолеваемых и посещаемых героем в пункте прибытия: 1) *«стена городовая»*, 2) *«широкий двор (на семи верстах)»*, огороженный тыном с *«широкими, решетчатыми, вальгачатыми и др. воротами»*, 3) жилые строения (*«гридницы светлые»*, *«палаты белокаменные»*, *«терема златоверхие»*), помещение в них (*«сени косячатые, решетчатые»* и др.), 4) посад (торговая часть).

Самый масштабный в этом ряду — город (макролокус), в который направляется герой, и далее описываются составные части города:

*Приезжает ко городу ко Киеву,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Ко тыи стены городовыи,
Ко тыи ко башни угловыи...
Заезжает Добрыня ко Владимиру на двор...
Пошел-то ведь Добрыня во высокой дом,
Проходит ён во гриденю столовую*

[Г № 64: 578].

*Ён приехал-то во славный стольнёй Киев град
А ко славному ко князю на широкой двор...
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку*
[Г № 74: 14].

Более ограничен по составу ряд «город — церкви божьи / соборные / приосвященные / богомольные / господни»:

*А й приезжае он да во Киев град...
А и приходит во черковь приосвященную*
[Г № 20: 262].

*Он пошел по граду-то по Киеву,
Ен зашел во матушку божью церкву*
[Г № 85: 126].

«Стена городовая», часто белокаменная, с башнями, с запертыми и охраняемыми стражей воротами, характеризует город как крепость. Ворота городских стен символизируют их неприступность:

*А углицки мужики были лукавья;
Город Углич крепко заперли
И (в)збегали на стену белокаменну*
[КД № 26: 178].

*Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железные,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны*
[КД № 6: 43].

В одной из былин упоминаются знаменитые Золотые ворота Киева:

*Поехал тут Василий ко городу ко Киеву,
И встречает тут Василья
Владимир князь у Златых ворот*
[Р № 81: 433].

Выражение «отворить ворота» в былинах означает снятие осады:

*Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов град,
А й зовут его в Чернигов воеводу*
[Г № 74: 12].

«Широкий двор» князя Владимира — основное место действия в былинне, центр городской жизни. По своим функциям он очень похож на «княж двор», известный в Киеве по археологическим и историческим данным: «“Княж двор” был центральным местом политической и административной жизни города» [Тихомиров 1956: 214]. Все события, происходящие на княжеском дворе в реальности, в былинной картине мира подверглись «пересемантизации», «перекодировке». «Сюда Илья Муромец привозит Соловья Разбойника; на княжеский двор приходят с жалобой на Чурилу “незнакомые люди” — толпы огородников, кречетников, охотников и рыболовов; здесь богатыри могут выбрать себе коня и взять оружие из княжеских запасов; на дворе Владимира собираются богатыри, созванные на военный сбор; тут происходят пари Владимира и состязания на конях Ивана Гостиного сына, Чурилы и Дюка; сюда Илья Муромец привозит золото, полученное от разбойников, а Василий Казимирович и Добрыня — дань от иноземных королей» [Липец 1969: 51].

При изображении боярского двора, представляющего собой перенесенную в условия города усадьбу, используется фольклорная формула с постоянными эпитетами: «*широкий двор на семи верстах*», в которой отмечаются размеры, совершенно несовместимые с условиями реального города. Картина города, представленная в этой былинне, как показали исследования, отражает московский городской быт XVI–XVII веков [Пропп 1958: 486, 491].

Признак, выраженный постоянными эпитетами, «указывает на идеальное соответствие предмета своей природе и назначению» [Никитина 1993: 139]. В данном случае эпитеты «*широкий*», «*на семи верстах*» представляют двор таким, каким он должен быть в идеале.

*Ай ведь был-то у его да все **широкий двор**,
Как **широкий его двор да на семи верстах***
[М № 15: 101].

***Широкий двор на семи верстах**,
И около заборы позолочены*
[Г № 180: 679].

*Что это за крепость во Киеве
У великого князя Владимира?
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкой двор не хуже города Киева,
А двор у меня **на семи верстах***
[КД № 15: 90–91].

Ограда, называемая тыном, является булатной или железной, с точеными золочеными столбами, украшенными не только резьбой, но и «маковками» (декоративными элементами в виде маковой головки):

*Двор у него на семи верстах,
Около двора железной тын,
На всякой тынинке по маковке,
А и есть по земчуженке*

[КД № 18: 112].

*Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да все булатный тын,
Столбики были точеные,
Да точеные да золоченые,
Да на каждом столбичке по маковке,
Маковки ты были медные,
Дорогою меди всё казарские;
Да пекут лучи да солнпечные
По тому по городу по Галичу,
Да по той Волян-земле богатой*

[Г № 243: 299].

Ворота (двери), имеющие эпитеты: *широкие, решетчатые, вальяцатые/вольяцетые* (литые, чеканные, точеные, резные), *хрустальные, серебряные, оловянные*, — изображаются как роскошно отделанные:

*Кругом нашего двора булатный тын,
Наведено медью яровицкою.
Столбики были точеные,
А маковки были золоченые,
Двери-то были решетчатые,
Полуворотенки были серебряные*

[Р № 202: 648].

Выделяются разновидности ворот в зависимости от того, для кого они предназначались:

*Для князя и княгини отворяет ворота вольяцетые,
А князям и боярам — хрустальные,
Простым людям — ворота оловянные*

[КД № 18: 113].

В качестве декора использовались хрусталь и инкрустации из резного «рыбьего зуба» (так в Древней Руси называли моржовые и мамонтовые клыки):

*Подворотенки были хрустальные,
Надворотенки да дорог рыбий зуб*
[Г № 243: 299].

В былине отмечается, что на воротах имелись иконы. В этом случае былинная картина мира отражает действительность [Пропп 1958: 493]:

*Да еще у Дюка у Степанова
Над воротами да над широкими
Да стоят у Дюка чудны образы,
Да горят свечи неугасимые*
[Г № 243: 300].

*Как у нас во городе во Галиче,
У моей сударыни у матушки,
Над воротами было икон до семидесяти,
Все иконы были на золоте...*
[Р № 181: 545].

Архитектура былинного города характеризуется сложной развитой структурой: состоит из храмов и жилых помещений, среди которых особо выделяется *гридница*.

Гридница — помещение при дворе князя для пребывания гриди (членов княжеской дружины, дружинников) или для приема гостей [Чернышев (гл. ред.) 1954: 401]. В былине гридница (гридня) — отдельно стоящее, роскошно отделанное здание: «*Среди двора светлицы стоят, Гридни белодубовыя*» [КД № 18: 112], — или помещение, где князь проводил время с дружиной; «часть княжеской резиденции, входящей в комплекс дворцовых построек на княжеском дворе, — с функцией помещения для пиров и совещаний князя с приближенными и военной дружиной» [Липец 1969: 161].

Гридница употребляется с несколькими эпитетами: *светлая/светлица* (очевидно, с большими оконными проемами, которые пропускали много света), *белодубовая, столовая* (для определения ее назначения: место для «почестных пиров») и *княженецкая*. В большинстве случаев в былинной картине мира гридница упоминается у князя Владимира, реже — у князя черниговского, у Дюка, Чурилы, Ставра, матери Добрыни, а также у гостя Терентища и иноземных королей.

Постройки былинного города украшены позолотой. От золотых и серебряных кровель, сияющих на солнце, создается впечатление пожара

(«крыши как огонь горят»): «Как горит, верно, Карелушка богатая!» [М № 15: 106].

Интерьер дома также отличается роскошью убранства, наличием изысканных украшений, среди которых, кроме золота и серебра, используются слоновая кость, шелк и дорогие меха:

*А гридни-светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок во гриднях черных соболей,
Пол-серета одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены*
[КД № 15: 91].

*А у нас ступеньки кости слоновые,
А подостланы ковры да шелковые,
Порученки точеные и вовсе золоченые*
[Р № 63: 363].

«Гридница» в былине часто подменяется названиями других строений. В качестве синонимов выступают следующие слова: гридница — дом, дворец, палаты *белокаменные*, палата *грановитая*, терема *златоверхие*, горница (горенка) *столовая*. Выделяется подсобная часть здания гридницы, через которую иногда проходят в гридню, — *сени косячатые* (обшитые досками), *решетчатые*, *частоберчатые*, *стекольчатые*.

Терема отличаются многоэтажностью, необыкновенной красотой росписи «*по-небесному*». Изображение небесного свода с солнцем, луной и звездами на потолке описывается фольклорной формулой, подчеркивающей связь между космосом и красотой в тереме: прекрасное мыслилось как неотъемлемое свойство мира, космоса. Композиция формулы основана на принципе зеркальной симметрии: «На небе (красно) солнце (солнышко) / (светел) месяц / (часты) звезды / (заря) — в тереме / белокаменных палатах (красно) солнце (солнышко) / (светел) месяц / (часты) звезды / (заря)».

*Три терема златоверховаты,
Да трои сени косяцетья,
Да трои сени решетчетья.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная*
[КД № 1: 12–13].

*Как у меня в Волынце-то в городе во Галиче,
У моей-то желанной у родителя у матушки,
Построены тридцать три терема златоверхие.
И в сени зайдешь во решетчатые,
В други зайдешь частоберчатые,
А в третьи зайдешь во стекольчатые;
В теремы зайдешь златоверхие,
**На небе солнце, и в тереме солнце,
На небе зори, и в тереме зори,**
Все-то в терему по-небесному*

[Р № 144: 322].

Город в былинной картине мира — посад, торговый центр. На торгу совершались самые разнообразные сделки: можно продать в рабство беспутного сына заморским купцам («Иван Гостиный сын»), купить «сердечный гвоздь» для казни Михайла Потыка [Р № 113: 67], купить в «темном ряду» черепаны — гнилые горшки [КД № 28: 189], «шелковой мех», в «червленом ряду» — свинчатой палицы [КД № 2: 19]. Рынок в былинной картине мира отличался большим разнообразием товаров, в том числе заморских. Так, в былине «Садко», в которой, по словам В. Я. Проппа, «древний торговый Новгород отражен реально и верно» [Пропп 1958: 88], говорится:

*Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на велику новгородскую*
[Р № 134: 247].

Недаром Садко покупает все необходимое для того, чтобы одеть себя, свою дружину, снарядить корабль и наполнить его всевозможными товарами.

Особенно ярко это показано в былине, когда Садко похвастал на почестном пиру своей несчетной золотой казной и тем, что он сможет на торгу выкупить все товары новгородские. Но не сумевший этого выполнить, признает свое поражение и бессилие перед мощью новгородских купеческих корпораций [Липец 1969: 52]:

*— А й как я выкуплю еще товары все московские, —
А й на тую на славу великую новгородскую.
А й подоспеют ведь как товары заморские,
А й как ведь теперь уж как мне Садку
А й не выкупить как товаров ведь
Со всёго да со бела свету.*

*А й как лучше пусть не я да богатее,
А как Садке купец да новгородский,
А й как пусть побогатее меня **славный Новгород**
[Г № 70: 648].*

В отличие от торгового города Новгорода, который в былинной картине мира описан наиболее конкретно, реальные черты Киева оказались стертыми. Условность изображения стольного Киева-града в былине отмечали исследователи (М. Г. Халанский, Б. А. Рыбаков) [Цит. по: Липец 1969: 75].

В былине «Дюк», являющейся образцом народной сатиры на московское боярство XVII века, содержится резкая критика Киева из уст приехавшего Дюка Степановича, который изображается как «боярский сын, не связанный с родной землей», русский, но одновременно не русский: «он выходец из Индии, из Волыни, из Сарачинской земли или из карельской земли» [Пропп 1958: 479]. Киев не оправдал его ожиданий («А сказали было: Киев град в чести в добри» [Г № 9: 201]), потому что для Дюка здесь все слишком просто и недостаточно изысканно. Критике он подверг деревянные церкви, нерезные деревянные ворота и беспорядок во дворах:

*Я слышал от родителя от батюшки,
Что Киев-град очень красив, добр есть,
Ажно в Киеве да не по-нашему,
Церкви-ты у вас все деревянные,
У вас маковки на церквях всё осиновые
[Р № 29: 194].*

*У вас ворота ты сосновые,
А на дворе хоть медведь ногу сломил
[Р № 63: 362].*

Самое ужасное впечатление на Дюка произвело состояние мостовых:

*Еще в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас настланы мосточки кирпичные
И порученки положены калиновы;
Пойдешь по мосточикам кирпичным,
Медное гвоздь-то приуцуплется,
Цветное-то платье призабрызжется.
Как во нашей славной Индеюшки в богатых
И во славном богатом Волын-городе,
У моей у родителя-матушки,
У честной вдовы Настасьи у Васильевны
Настланы у ней мосточки калиновы,*

*Порученки положены серебряны,
И настланы-то у ней сукна кармузинныя:
И пойдешь по мосточикам калиновым,
По этим по сукнам кармузинным,
Медное гвоздь не ущиплется,
Цветно платьице на нас да не забрызжется*
[Р № 16: 100–101].

Такая картина Киева представлена Дюком «с целью самовосхваления и самовозвеличения. Он мнит себя выше этой киевской простоты» [Пропп 1958: 488]. Сравнительные описания, как в Киеве и как в его городе, не содержат ничего исторически реального, они приводятся в условно-былинной манере, но главным является их направленность: унижить Киев и возвысить свой богатый родной край (Индию, Карелу, Волинь с Галичем — упоминание нескольких стран и городов одновременно является также былинной условностью). Поведение гостя: критика всего киевского и превознесение богатств своей родной земли — вызывает возмущение князя Владимира, который отправляет оценщиков на родину Дюка с целью проверить справедливость его слов.

Используется ли гипербола при описании города в былине? Ф. М. Селиванов, исследовавший функционирование гиперболы в былинах, установил, что для них генетически первична художественно-реальная гипербола, выступающая отражением эстетической реальности произведения [Селиванов 1975: 9, 14]. В анализируемом материале преувеличение носит «художественно-реальный» характер: гиперболическое описание отражает постоянные свойства денотатов былинной картины мира и, таким образом, не является преувеличением в прямом смысле слова. В данном случае гипербола отражает «подлинные», а не преувеличенные размеры «широкого двора на семи верстах». Оценка характеристик, репрезентирующих большое количество икон на воротах, «поднебесную» красоту златоверхого терема или белокаменных палат, роскошный декор, материальные возможности героев и т. д., как преувеличений — результат восприятия свойств былинной картины мира современным человеком, соотносящим смысл высказывания с действительностью и забывающим о том, что былинный мир — особенный, отличный от реальной жизни. Гиперболические характеристики здесь выполняют функцию идеализации города и используются с целью оценки объектов былинной картины мира.

Итак, несмотря на многообразие названий городов (астионимов), в былине представлен обобщенный идеализированный образ города, архитектура которого отличается большими размерами и разнообразным богатым декором. Историко-этнографическая действительность в былинной

картине мира подверглась «перекодировке» в соответствии с законами эпического мира. Фольклорные формулы с постоянными эпитетами, репрезентирующие город в былинной картине мира, являются носителями и проводниками традиционных культурных смыслов — прославление и воспевание в былине красоты и величия русских городов, олицетворяющих всю Русскую землю.

Источники

Г — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Изд. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 — т. I, 736 с.; 1950 — т. II, 806 с.; 1951 — т. III, 669 с.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 665 с.

М — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 635 с.

Р — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым (под ред. А. Е. Грузинского): в 3 т. Изд. 2. М.: Издание фирмы «Сотрудник школ», 1909–1910. Т. I, 618 с.; т. II, 733 с.

Литература

Лилец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969. 302 с.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.

Селиванов Ф. М. Гипербола в былинах // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. Художественные средства русского народного поэтического творчества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. С. 5–21.

Тарланов З. К. Географическое пространство русских былин // Филологические науки. 2001. № 4. С. 32–44.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: ГИПЛ, 1956. 477 с.

Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Т. 3. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 1339 с.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка (2-е изд., испр. и доп.). М.: Просвещение, 1971. 542 с.

References

Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the contemporary Russian literary language: in 17 vols.]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ. House, 1954. 1339 p.

- Lipets R. S. *Epos i Drevnyaya Rus'* [Epic literature and Ancient Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 302 p.
- Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 189 p.
- Propp V. Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Moscow, GIHL Publ., 1958. 603 p.
- Selivanov F. M. [Hyperbole in epic tales]. *Fol'klor kak iskusstvo slova. Vyp. 3. Khudozhestvennye sredstva russkogo narodnogo poeticheskogo tvorchestva* [Folklore as word art. Issue 3. Artistic means of Russian folk poetry]. Moscow, MSU Press Publ., 1975, pp. 5–21. (In Russ.)
- Shansky N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Concise etymological dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow, Prosveschenie Publ., 1971. 542 p.
- Tarlanov Z. K. [The geographical space of Russian epic tales]. *Filologicheskie nauki*, 2001, no. 4, pp. 32–44. (In Russ.)
- Tikhomirov M. N. *Drevnerusskie goroda* [Ancient Russian cities]. Moscow, GIPL Publ., 1956. 477 p.